

ОГОНЁК

№ 14 МАРТ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В Узбекистане сооружается крупнейшая в Средней Азии тепловая электростанция — Ангренская. На снимке: лучший электрослесарь Евгений Шарапин, работающий на строительстве подстанции.

Фото Я. Босина.

На первой странице обложки: Директор Физического института имени П. Н. Лебедева Академии наук СССР академик Дмитрий Владимирович Скобельцын в своей лаборатории.

Фото Е. Умнова.

На последней странице обложки: Минск. Ранней весной на берегу Свислочи.

Фото М. Савина.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Международный конкурс

Закончилось прослушивание. Товарищ Ма Си-цун (КНР) беседует в перерыве с участником конкурса Ян Бин-суном.

После выступления. Эмил Стефанов Камилларов (Болгария) и Химен Брэсс (Канада).

Жюри конкурса скрипачей. Сидят за столом слева направо: Дж. да Витто (Италия), О. Агарков (СССР) — ответственный секретарь жюри, Ма Си-цун (Китайская Народная Республика) — заместитель председателя жюри, Д. Ойстрах (СССР) — председатель жюри, Е. Цимбалист (США) — заместитель председателя жюри.

Необычайно велик интерес в нашей стране и за рубежом к Международному конкурсу пианистов и скрипачей имени П. И. Чайковского. Произведения этого великого русского композитора давно прочно вошли в репертуар лучших музыкантов мира.

Кто же окажется лучшим их исполнителем?

При большом стечении слушателей в сердечной обстановке проходят выступления участников конкурса. Большой зал Московской государственной консерватории, где происходит прослушивание, всегда переполнен. Здесь профессора и студенты, прославленные и молодые музыканты и просто любители музыки. Каждого участника принимают горячо. Аплодируют все, кроме членов жюри, да и им порой трудно удержаться: ведь выступают лучшие молодые музыканты мира.

Несмотря на молодой возраст участников, биография почти каждого из них — триумфальный путь выступлений на международных конкурсах и фестивалях.

Кто же будет признан лучшим? Кто победит?

В Большом зале Московской государственной консерватории идет прослушивание скрипачей. Играет Нина Бейлина (СССР). Фото Е. Умнова.

ПЕРВАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ПЯТОГО СОЗЫВА

За несколько дней до открытия сессии в Москву стали съезжаться депутаты. На снимке: группа депутатов из Читинской и Сталинградской областей. Слева направо: колхозный чабан Е. Г. Черепанов, машинист проходческого комбайна Д. К. Вершинин, председатель колхоза А. П. Минеев, заслуженный врач РСФСР А. В. Быстрова, бригадир штукатуров «Сталинградстрой» В. С. Сычугов и кузнец Сталинградского тракторного завода И. Ф. Бородин.

Фото А. Гостева.

По всей Японии развернулась борьба за запрещение атомного и водородного оружия. Участие в этом движении принимают и дети. На плакатах, которые держат эти малыши, написано: «Мы говорим ура цветущему Первомаю!», «Цветам нужно солнце, детям — мир!»

По приглашению Министерства культуры СССР в Советский Союз приехал популярный итальянский актер, режиссер и драматург Эдуардо де Филиппо. Его пьесы идут во многих наших театрах. Ленинградцы недавно увидели премьеру его пьесы «Рождество в доме Купиелло». Этот спектакль готовится также в МХАТе. Московский театр имени Станиславского работает сейчас над пьесой Эдуардо де Филиппо «Вор в раю», запрещенной к исполнению в Милане в связи с тем, что итальянский зритель живо воспринимал ее как сатиру на современную действительность.

Фото С. Васильничего.

На днях состоялось первое заседание секции наглядной агитации Общества Советско-Китайской дружбы. В числе присутствующих на заседании были: скульптор М. Манизер, главный редактор журнала «Советы депутатов трудящихся» М. Стрепухов, художники В. Богаткин, В. Климашин, А. Житомирский и другие.

Фото А. Бочина.

Утром 15 марта в Кировограде выпал обильный снег, а во второй половине дня пошел дождь, и снег растаял. Результаты каприза погоды вы видите на этом снимке.

Читатель «Огонька» В. Подгорнов.

В Париже до особого распоряжения правительства закрыты два театра: Гранд Опера и Опера Комик. Причина — забастовка технического персонала театра и артистов кордебалета.

На снимке: безработные балерины кордебалета Гранд-Опера на бирже труда в Париже.

Фото из журнала «Пари матч».

В Москве находился несколько дней Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций Даг Хаммаршельд.

Фото А. Новикова.

В марте на тепловозостроительном заводе имени Октябрьской революции в Луганске побывала группа китайских специалистов Сянтянского электромеханического завода. Китайские гости ознакомились с производством тепловозов.

На снимке: Руководитель делегации Гао Шэ-лунь преподносит значок с портретом Мао Цзэ-дуня слесарю-инструктору К. Коденко.

Фото С. Ключко.

Новый самолет «АН-14» («Пчелка») проходит испытания. Это своеобразное воздушное такси может доставить 600 килограммов груза со скоростью около 250 километров в час без посадки на расстояние до тысячи километров. Для взлета и посадки «Пчелке» нужна небольшая площадка.

На снимке: летчик-испытатель В. Н. Изгейм и конструктор «Пчелки» О. К. Антонов перед полетом.

Фото Я. Давидсона.

АЛЖИРУ НУЖНА ПОМОЩЬ!

Азиз Шерид, невысокий, быстрый в движениях человек, с пробивающейся в черных волосах сединой, приехал в Москву из Дамаска. Он член постоянного Комитета по контактам Конференции арабских народов. Эта организация выступает за солидарность арабов, за освобождение всех арабских народов от колониальных оков. Азиз Шерид проделал долгий путь в Москву для того, чтобы принять участие в проведении Дня солидарности с борющимися народами Алжира.

— Наша организация, как и все арабы, поддерживает эту борьбу, — говорит Азиз Шерид. — Сейчас симпатии всех миролюбивых народов на стороне алжирцев.

Мы просим Азиза Шерида рассказать о борьбе алжирского народа.

— Три с половиной года назад началась борьба алжирцев. Сегодня Алжир — это десять миллионов людей, каждый из которых — борец за свободу и независимость своей родины. Алжирцы сражаются не только против французского империализма. Они сражаются против империализма в целом. Французские войска, которые проливают кровь алжирцев, вооружены Североатлантическим союзом. Совсем недавно в США было объявлено, что Франция получает новый заем от США, на поддержку своей кровавой войны против алжирцев.

Численность французских войск в Алжире, включая милиейские формирования, достигает миллиона человек. Французские колонизаторы вооружены современным оружием. Но, несмотря на все это, они не могут добиться победы над народом, который борется за свободу. Вот посмотрите, как действуют колонизаторы.

С этими словами Азиз Шерид протягивает несколько брошюр, изданных Фронтом национального освобождения Алжира. Мы рассматриваем эти брошюры. Они содержат документальные свидетельства очевидцев, побывавших в Алжире.

«Я не буду говорить о жестокостях, о пытках, о деревнях, подвергнутых бомбардировкам, когда в них находились женщины, дети и скот, об убийствах, совершенных парашютными войсками...» — пишет войсковой священник Пьер Анри Симон. — Повсюду вдоль железной дороги можно видеть скопления домов местных жителей, подожженных нашими пулеметчиками».

А вот свидетельство о том, как был замучен до смерти один из руководителей борьбы алжирского народа, Бен Мхиди Ларби: «У Бена Мхиди Ларби сняли скальп; после этого палач засунул ему в горло раскаленный железный прут...»

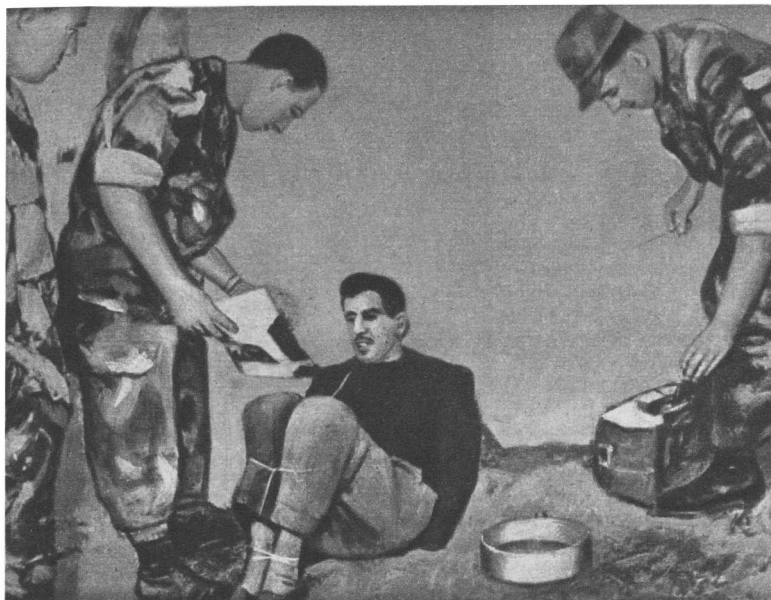
В брошюрах множество подобных страшных рассказов.

— Алжирский народ многое принес в жертву ради завоевания своей свободы, — говорит Азиз Шерид. — 500 тысяч алжирцев были убиты или замучены до смерти. Еще 500 тысяч вынуждены бежать из Алжира в соседние страны, чтобы спастись от зверств колонизаторов. Алжирский народ, таким образом, потерял миллион человек — десять процентов населения.

Но алжирцы готовы понести еще больше жертв, чтобы достичь победы. Им очень трудно. Чтобы Алжир победил, ему нужна помощь. Движение солидарности уже одержало важную победу: колонизаторы вынуждены были отменить смертный приговор Джамиле Бухирид.

Мне кажется, что мощная поддержка народов всего мира будет очень важной для борющегося Алжира. Своими страданиями, своей борьбой алжирцы заслужили, чтобы их поддерживали все миролюбивые народы земного шара. И пусть эта поддержка будет решающей для их победы! — заканчивает беседу Азиз Шерид.

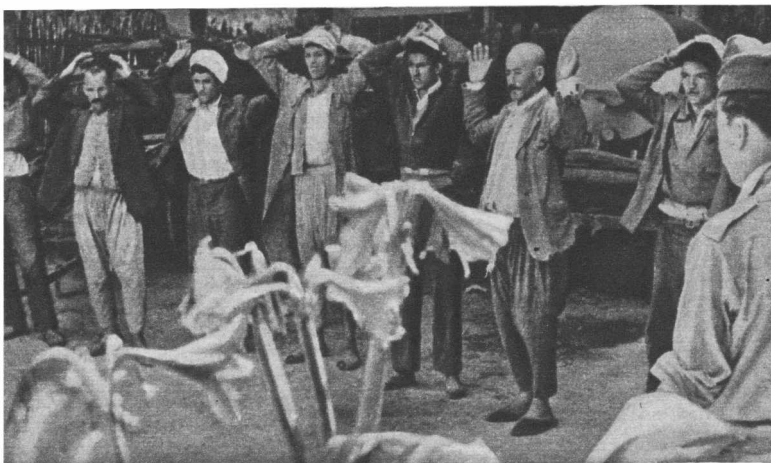
А. СЕРБИН

Парашютисты за «работой». «Каждый солдат, кто бы он ни был, — писала французская католическая газета «Круа», — может арестовать любого человека, европейца или мусульманина, и препроводить его, — нет, не в тюрьму, а в любое изолированное место и там «заставить говорить»...

После очередной «операции» против мирных алжирцев.

Так ведется «допрос».

— Здесь гестапо! Ты понимаешь, что такое гестапо? То, что мы делаем в Алжире, мы еще повторим во Франции. Тогда достанется и моему Дюкло и моему Миттерану...

Чьи это слова? Увы, это говорят те, кто называет себя солдатами Французской республики, — парашютисты 10-й дивизии. Эти слова запомнил и привел в своей небольшой, объемом всего в сто страниц книжке, названной «Вопрос», французский журналист Анри Аллег. Аллег услышал эти слова, когда его соотечественники, одетые в форму парашютистов, готовили ему пытку водой, огнем и электрическим током в тюрьме Эль Биара.

В чем провинился Анри Аллег? С 1950 по 1955 год он руководил изданием ежедневной газеты «Аль-же републикэн», единственного в Алжире печатного органа, который отражал подлинное мнение различных общественных слоев алжирского народа. Эту газету запретил два с половиной года назад бывший губернатор Алжира Сустьел. Несмотря на то, что «правого» Сустьеля успел сменить «левый» Робер Лакост, Аллегу припомнили старые «грехи»; он был брошен в застенки и, после того как отказался назвать имена сотрудничавших с ним алжирских друзей, обвинен в «покушении на безопасность государства».

«...Я пишу эти строки четыре месяца спустя после пыток, учиненных надо мною в камере № 72 гражданской тюрьмы в Алжире. Прошло всего несколько дней, как во дворе тюрьмы слилась в один ручей кровь трех юных алжирцев и французского юноши Фернана Иветона. В неистовом, болью пронизанном крике, который вырвался из всех тюремных камер, когда палач пришел за своими жертвами, и в наступившем затем абсолютном молчании я слышал, как стучит сердце Алжира. Шел дождь, и капли воды сверкали в темноте на железной решетке моей камеры. Пришли тюремщики и закрыли ставни. Но все услышали, как один из осужденных закричал, прежде чем ему успели заткнуть рот: «Та-хья Аль-Джазаир!» (Да здравствует Алжир!).

Анри Аллег рассказывает, каким нечеловеческим пыткам подвергались алжирские патриоты во французском застенке. «...Я подумал, что одним из этих инструментов мне станут теперь вырывать ногти. И тут же я поразился своему хладнокровию: меня успокоила мысль, что на руках у меня всего только десять ногтей...»

Аллег находился среди алжирцев. «Некоторые знали меня по манифестациям, организованным нашей газетой. Другие знали лишь мое имя. Я ходил всегда обнаженный до пояса. Мое тело хранило следы пыток, груди и руки в повязках. Они понимали, что меня истязают так же, как и их, и они приветствовали меня: «Мунайся, брат!» И в их глазах я читал глубокие чувства солидарности, дружбы, веры. И я гордился тем, что, будучи европейцем, нахожусь среди них».

Книжечка в сто страниц вышла в Париже 24 февраля. Издатель, опасаясь репрессий, вместо имени палачей Аллега оставил одни инициалы. Но уже 27-го по приказу Министерства внутренних дел полиция наложила арест на еженедельник «Франс обсерватэр», который перепечатал отрывки из этой книги. Восемь дней спустя та же участь постигла журналы «Экспресс», «Франс нуувель» и «Тему-аньяж кретьен», которые откликнулись на алжирскую драму и «дело Аллега».

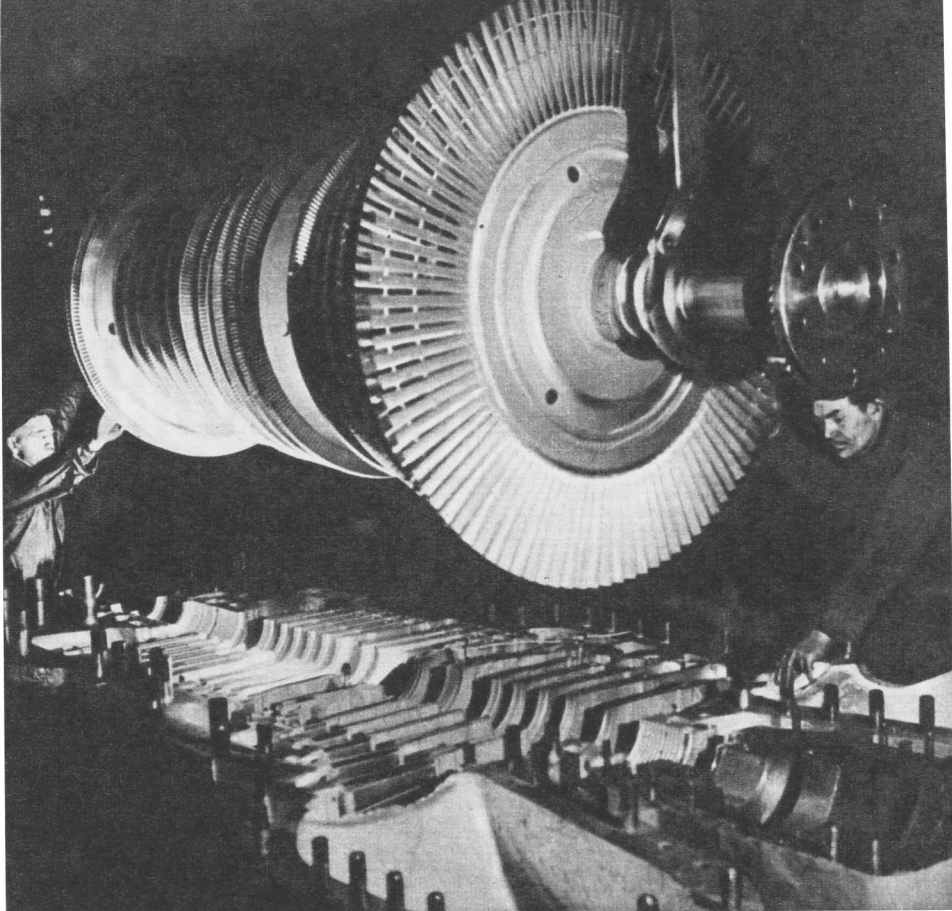
Сто страниц, написанные Анри Аллегом, потрясли всю Францию. Сегодня, в День солидарности с алжирским народом, вести о страданиях и мужестве борцов за независимость Алжира потрясают весь мир.

В. ПОЛЫНИН

МОЯ РОДНАЯ СТОРОНА

НИК. КРУЖКОВ

Фото А. Новикова.

Как странно приехать в город, знакомый тебе с детства, с первого дня рождения, и сразу же погрузиться в бездну воспоминаний, ощутить прилив забытых чувствований, познать радость и печаль давно ушедшего, остро воспринять различие настоящего с прошлым, воспринять необычно: без диаграмм и цифровых выкладок, а душой и сердцем!

Калуга — родная моя сторона! Город, всегда нежно и горячо любимый, сто раз виденный во снах и много-много лет не виденный наяву, как же ты живешь теперь, старинный русский городок, со своими улицами и переулками, сбегаящими к серебряной Оке, полный садов с сиренью и жасмином, со своими калужанами, говорящими особым, смягченным говорком: «ходят», «гуляют»?

Извозчиков около вокзала, понятно, нет. Видно, везде пришел конец этому бойкому конному народу, хлопотавшему возле своих мухортых лошадей, любившему выторговать лишний пятак и обладавшему непреодолимой склонностью к длительным чаепитиям. Нет извозчиков, зато густо стоят такси — как в Москве, ничем не хуже. А ведь именно Калугу прославил на всю Россию один глупый губернатор, фамилия его, дай бог память, Офросимов,

запретивший ездить на автомобилях по городу «до тех пор, пока лошади не привыкнут». Нет извозчиков, но зато вереницей подтянулись к вокзалу троллейбусы — как в Москве, не хуже. И на каждом из них надпись: «Вокзал — Парк имени Циолковского». Парк Циолковского? Ну, конечно же, это старый Загородный сад — поэтическое место прогулок калужан. Здесь любил отдыхать под высокими вековыми липами славный гражданин Калуги звездоплавателю Циолковский, здесь теперь его могила, бережно и любовно охраняемая согражданами...

Ровно бежит троллейбус по асфальтированной улице. Ямская! Где же твои бывшие ухабы, колдобины и буераки?! Стрелой легла Ямская, быстро и неприметно влилась в город, и вот уже пошли большие, многоэтажные дома, каких в старой Калуге отродясь не было. Стоят они вперемежку со старыми, и кажется, что посматривают на них горделиво: вот какие мы, молодцы, пришли вам на смену. Калуга ли это? Да нет, она! Вот и здание «казенной Николаевской гимназии» — такое издавна знакомое, впрочем, обновленное и похорошевшее. У массивных дверей вывеска: «Калужский педагогический институт».

Есть теперь в Калуге свое студенчество, 1 100 человек учится в институте.

Старая Калуга и мечтать не могла о своем высшем учебном заведении. Как чеховские сестры, мы, тогдашняя молодежь, восклицали: «В Москву, в Москву»...

Явственно видно: обновляется Калуга. Ремонтируются Гостинные ряды екатерининских времен, разрушенные временем и всяческими бедствиями. В старинном доме Чистоклетовых, великолепном здании в стиле русского ампира, сейчас горсовет, сияющий огнями.

Широкий квадрат так называемых «присутственных мест» очертит собой центр города; были они всегда почему-то ободраны и обшарпаны. Теперь все эти старые здания обновлены и выглядят весьма солидно. Даже кафедральный собор, оставшийся без призора, и тот ремонтируется: родилась идея соорудить в нем планетарий. Один из лучших домов Калуги — здание Дворянского собрания — отдан пионерам, и теперь там, где раньше веселился местный «высший свет», звенят ребячий голос.

В особняке — дворце Кологривовых — местный музей, где с большой тщательностью сохраняются реликвии первых лет революции, исторические документы, экспонаты краеведения. В дворцовом флигеле создана картинная галерея, в которой любитель искусства найдет для себя немало интересного и волнующего; особо его внимание привлечет превосходная коллекция картин Ярошенко.

Цел и старинный дом, в котором когда-то жил плененный Шамиль, орел Кавказа. На этом доме, как и на многих других, надпись: «Охраняется законом», — надпись, свидетельствующая о любви калужан к своему городу и к своей истории. Но, как водится, в большом деле не без изъяна: так называемый Дом Марины Мнишек, в высшей степени привлекательное здание, напоминающее собой известный в Москве Дом боярина на улице Разина, от-

Сборка турбины в шесть тысяч киловатт.

дан... банно-прачечному тресту. А это вовсе ни к чему, если принять в расчет, что местный музей задыхается от обилия экспонатов.

А где же центральная площадь, именовавшаяся Плац-парадной? Куда она делась? Когда-то по «царским дням» здесь происходили обязательные парады. 9-й Староингерманландский и 10-й Новоингерманландский полки, испокон веков квартировавшие в Калуге, под гром оркестров демонстрировали выправку и твердость шага в церемониальном марше, а мы, мальчишки, наслаждались этим зрелищем с крыш ближайших домов. В 1917 году площадь эта кипела бесконечными митингами: с утра до утра ораторы сменяли один другого под крики одобрения или возмущения. В 1918 году тут торжественному и веселому сожжению были преданы вооруженные из бумаги и дерева фигуры, изображавшие царя, помещика, капиталиста и кулака. Символический костер этот доставил нам, юным калужанам, истинное удовольствие. В 1919 году отсюда отправлялись революционные полки на денкинский фронт. И сейчас вот стоят в глазах ряды бойцов в шинелях, сшитых из одеял, красные знамена, развеваемые злым осенним ветром, и как будто въявь слышишь громовой голос губернского военного комиссара, призывавшего давить гидру контрреволюции — без всякого репродуктора речь его была слышна за добрую версту.

Где же ты, старая площадь? Нет ее! Теперь здесь сквер, и уже большие деревья обрамляют его, они явственно подтверждают, что прошло много, очень много лет с тех времен, какие пригрезились в воспоминаниях.

Улицы калужские как будто и прежние, но, пожалуй, любая из них вобрала в себя новые черты. Они во всем: в названиях, а главное, в новых, вполне современных домах. В 1918 году попече-

«Дом Марины Мнишек» в Калуге — одно из примечательных городских зданий.

нием первого председателя Совнаркома Калужской республики (так тогда несколько выпендрено назывался губисполком), воинственного романтика Петра Виталина, были враз переименованы калужские улицы. Какие только не появились имена на тихих калужских переулках! Проспект Спартака, проспект Брута, проспект братьев Грахов. Особенно смущали калужан Грахи: никто не мог припомнить, кто они такие. Кое-где и теперь еще сохранились следы пылкой фантазии калужского предсовнаркома.

Но в городе не только изменились старые улицы — Калуга растет, старая рубашка оказалась ей тесной. Исчезло Крестовское поле, город соединился со слободой Подзавальем, перемахнул через вокзал, раскинулся новыми улицами к северу. Никогда старому калужанину не признавать калужскую улицу Чичерина, скорее можно подумать, что она со своими четырехэтажными домами приплыла откуда-нибудь из Москвы и ошвартовалась у пестряди трехконных домиков. Вот только через Оку еще не перебрался город: моста нет. Но калужские градостроители в расчетах своих видят и это: пройдет несколько лет, перемахнет город через речную преграду, и тогда... «Такую набережную отгрохает — столице на удивление!».

Была старая, дореволюционная Калуга на редкость тихой, из губернских городов, пожалуй, наитишайшей. Единственным большим предприятием являлись мастерские Сызрано-Вяземской железной дороги. Нельзя же, в самом деле, считать конфетную фабрику или рогожную венцом промышленности.

Рынок. Прославленные калужские гуси.

Жил тут ремесленный да мелкочинный служащий люд, да несколько десятков оскудевших дворянских родов, да купцы и купчихи, да многочисленное духовенство (сорок церквей было в старой Калуге и три монастыря), и еще тот народ, который принадлежал к так называемому мещанству — промышлял он невесть чем, что бог пошлет. Славилась Калуга баранками Афончикова, калужским тестом Гаврилова и слыла «стольным градом» края скудного. Ободранной калужского мужика трудно было и найти. Своего хлеба крестьянам хватало только до рождества и редко когда до масленицы. Спасаясь от лихой нужды, шли они на отхожие промыслы: каменщиками, плотниками, штукатурами, извоз-

чиками, бараночниками, служащими в трактирах, грабарами. А одна волость Жиздринского уезда тем и славилась, что вся уходила в нищebroды — побираться в Москве или в Питере, — это и был ее «отхожий промысел».

Любили старые калужане свой городской «бульвар», откуда открывался превосходный вид на Оку и окрестные села, Загородный сад со столетними липами, мачтовый сосновый бор, куда отправлялись гулять целыми семьями и где можно было «побаловаться чайком» на свежем воздухе; гордились своим старинным театром, где всегда работала какая-нибудь антреприза — театр этот при фашистах был взорван и сожжен дотла, — кинематографом «Мир», где шел какой-нибудь сильно комический фильм «Глупышкин ковер украл», и обществом «Вестник знания», в маленьком зале которого местные интеллигенты-любители ставили «Осенние скрипки» или «Ревность». Были в городе свои чудачки и юродивые, которых знал весь город, любимые прото-дьяконы и регенты, осанистые приставы и полицмейстеры, славившиеся кулачным боем и лихими подусниками, громоподобные брандмайоры. К стати сказать, многие обыватели старой Калуги числились в чудачках и Циолковского, о котором знали только, что он собирается лететь на Марс, а для чего, неизвестно.

Сонно было в старой Калуге — «ни зашелохнет, ни прогремит».

Как все изменилось теперь! Народ стал в городе другой — бодрый, деятельный, стряхнувший с себя вялость и сонливость бывлой провинции. И как многолюдно стало в Калуге, столько народу всюду! По убранным, подчищенным мостовым мчатся машины — грузовые и легковые, автобусы и троллейбусы. В магазинах, аккуратных, со стеклянными, «столчными» витринами, много и людей и товаров. И всюду на улице молодежь — с лыжами, коньками, — полюбился, видно, Калуге бодрый этот спорт. Над городом по вечерам загораются веселые огни телевизионной башни; уже покупают калужане телевизоры, готовы принимать московские передачи. Там, где раньше был Новый базар, высится превосходное здание строящегося театра, в этом году его достроят, и город получит прекрасный подарок. Пока что местная труппа работает в здании железнодорожного клуба. Своих актеров Калуга любит: не пустует зрительный зал!

В старой Калуге было торжище, полное крестьянских возов, шумела тут лютая торговля из-за каждой копейки; лавчонки и прилавки смердели лежалым товаром; нищие и золоторотцы всех степеней оборванности гнали на углах, выкликая грош; ходили слепцы и старцы с кружками «на построение храма»; суетились прасолы и перекупщики в под-девках, навечно пропыленных мучной пылью; голодные псы торчали у дверей мясных лавок в терпеливой готовности принять любой пинок — азиатский базар этот в центре русского города, может, и был красочным для заезжего человека, но вместе с тем был он и страшным своим жалким лихонством, нищетой и чудовищной грязью.

Если вы попадете на нынешний рынок в Калуге, то прежней картины, конечно, не увидите. Только старые крестьянки, как и раньше, носят повойники — этот обычай еще не перевелся. Чисто на рынке. Продавцы сверкают белыми нарукавниками и фартуками. Выросли высокие, светлые мясные и молочные ряды; на месте прежних кособоких лавчонок возникли магазины. И хоть калужане, как и раньше, любят походить по базару, но не видно тут прежней толчеи — это культурный, чистый рынок чистого города.

Что же так изменило Калугу? Что придало ей новые черты?

Калуга стала промышленным городом. Там, где были старые железнодорожные мастерские, вырос крупный машиностроительный завод. Зброшенный окраинный пустырь заняла спичечная фабрика «Гигант», дающая стране ежегодно 1 130 тысяч ящиков спичек. Рядом с ней появилась вовсе немыслимая для старой Калуги фабрика пианино и аккордеонов «Аккорд». За бывшей Лаврентьевской рощей раскинулись корпуса комбината синтетических душистых веществ — парфюмерная промышленность страны получает теперь отсюда необходимые полуфабрикаты. А неподалеку родилось и растет из года в год предприятие, которому суждено стать гордостью калужской индустрии, — турбинный завод. Турбины в Калуге! Да этакое и во сне не приснится: красавец сборочный цех протянулся на добрых полкилометра; кажется, что не в Калугу приехал, а в Ленинград. Присоединим еще к этому электромеханический завод да завод автомотоэлектроборудования — и ясно будет каждому: Калуга стала другой, обновленной, потому что расцвела в этом ранее заброшенном городке крупная индустрия и появился здесь многочисленный рабочий класс, деятельный рабочий народ. Он и изменил и изменяет все вокруг.

...Калуга — моя родная сторона! Вот ходишь по твоим улицам и всматриваешься, не увидишь ли кого-либо из старых калужан. Не придется ли раскрыть объятия какому-нибудь забытому другу и начать сердцещипательный разговор, каждая фраза в котором будет начинаться словами: «А, помнишь ли?». Нет, никого не видно: всюду «племя, младое, незнакомое». Раз только показалось мне, что идет навстречу девушка, до странности похожая на ту, которая в свое время так остро ранила мое шестнадцатилетнее сердце. Не она ли? Экий дурень! Да ведь той-то теперь весьма за пятьдесят.

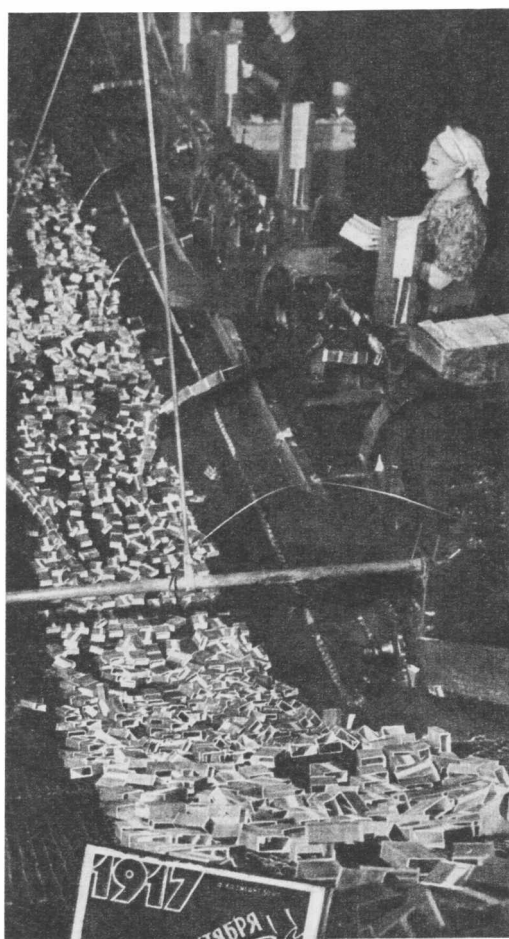
Прошла мимо веселая студенческая компания, высокий парень с красным шарфом на шее перебирал клавиши аккордеона, и все пели песню, несомненно, местного сочинения:

Как привольно дышится, как
легко мечтается!..
Над Калугой-городом бродят
облака.

Синею долиною льется —

разливается
Русская красавица, светлая Ока.

...Свежий ветер дует с Оки, синее небо отражается в весенних лужах, шумит, кипит, работает мой родной город; радостно оттого, что повидал тебя, Калугу, увидел, что живешь ты бодрой, хорошей жизнью.

Спичечная фабрика «Гигант». Поточная линия клежки коробок.

«Как звучит калужское пианино?» — пробует настраивщик фабрики «Аккорд» Виктор Степанов.

В Союзе писателей СССР состоялось обсуждение произведений писателей-прозаиков Грузии.

Группа грузинских писателей (слева направо): М. Мревлишвили, Г. Качахидзе, В. Замбахидзе, А. Мирцхулава, первый секретарь правления Союза писателей Грузии И. Абашидзе, Х. Берулава — в гостях у своих московских братьев.

Выступление Государственного за- служенного ансамбля народной песни и пляски Грузии в Центральном Доме работников искусств.

Фото Ф. Короткевича, Я. Рюмкина, Г. Вахтангадзе.

С большой сердечностью встречает Москва участников декады грузинского искусства и литературы. Зрительные залы лучших московских театров, где показывают свои спектакли гости Москвы, переполнены. Нелегко приходится москвичам, которые хотят посмотреть все интересное на декаде. Ведь здесь и художественная выставка, и фестиваль кинофильмов, и выставки архитектуры, книг и графики, концерты и цирк. Надо успеть и на встречи с писателями.

ГОСТИ ИЗ ГРУЗИИ

В Центральном Доме архитектора СССР открылась выставка грузинской архитектуры. Архитектор В. Беридзе знакомит посетителей с древним и современным зодчеством Грузии.

ПЕРВЫЕ 18 МЯЧЕЙ

Небывало поздно — в середине декабря — на тбилисском стадионе «Динамо» закончился прошлогодний футбольный сезон, и небывало рано здесь же начался очередной розыгрыш первенства Советского Союза.

Все, что происходило на поле тбилисского стадиона, носило, так сказать, первичный характер. Первый свисток судьи П. Белова, первый угловой удар, первый штрафной, наконец, первый гол сезона. Он не заставил себя долго ждать. Уже в первую минуту угловой мяч, хорошо поданный В. Шабо-вым, точно откинул головой В. Рыжкин, а набравший В. Царев послал его в сетку ворот. Гол!

Чемпионы страны — динамовцы Москвы — открыли счет матча, чемпионата, сезона.

Почти одновременно на бакинском стадионе вступили в борьбу команды «Шахтер» и «Локомотив», а спустя час первые удары по мячу послышались в Кишиневе, Одессе и Киеве. Всюду завязалась борьба, полная остроты и неожиданностей, которые так типичны для первых матчей.

Молодой задор, смелость и быстрота тбилисцев встретились с уверенно игравшей защитой московских динамовцев в лице В. Кесарева, К. Крижевского и Б. Кузнецова. Они хорошо выбирали позицию, перехватывали передачи, умело отбирали мяч и точно отсылали своим форвардам.

Перед самым перерывом А. Мамедов сильным ударом под перекладину удвоил счет.

Вторая половина матча, проходившая под беспре-

ривным дождем, показала, что защитники тбилисского «Динамо», и особенно Н. Дзяпшпа, израсходовали последние «запасы прочности» и, по существу, уже не могли серьезно сопротивляться.

Московские динамовцы полностью господствовали на поле. Показательно, что пятый мяч в ворота хозяев послал защитник В. Кесарев.

Динамовцы Москвы выиграли свой первый матч чемпионата с внушительным счетом 6:1. Московские динамовцы играли дисциплинированно, по плану, и план этот — план атакующего стиля — был им по душе. В итоге заслуженная победа.

«Спартак» и «Молдова» сыграли вничью — 1:1. Причем оба мяча были забиты спартаковцами: один вратарем Э. Микულцем в свои ворота, а другой А. Ильиным в ворота «Молдовы». Таким образом, в первый день чемпионата голы забивались не только нападающими, но и полузащитниками, защитником и... вратарем.

Вничью — 0:0 — закончили встречу «Торпедо» и «Зенит». Киевляне не пощадили новичков в классе «А» — футболистов команды «Адмиралтейец» — и обыграли их со счетом 5:1, а «Локомотив» с «сухим» результатом 3:0 одержал победу над «Шахтером».

Итак, футбольный сезон открыт. 18 мячей уже влетели в сетку ворот. В турнирную таблицу вписаны уже три двойки, три нуля и четыре единицы. Начало положено.

М. МЕРЖАНОВ

Тбилиси.

Эмблема Лахти

На центральной площади Лахти высится фонтан — три ласточки на брющем полете рассекают своими крыльями воду. Три ласточки — это своеобразная эмблема молодого финского города. Однако с таким же успехом латинцы могли бы избрать своей эмблемой трех лыжников, рассекающих загнутыми носками своих «ярвиненов» снежную пелену. Не случайно самые знаменитые сейчас в Финляндии лыжи «Ярвинен» производятся в Лахти, и не случайно вот уже на протяжении многих лет именно на лахтинском снегу устраиваются традиционные лыжные гонки.

И вот мы в Лахти. Толпы зрите-

Павел и Алевтина Колчины после победы.

Фото Б. Светланова.

лей устремляются к барьерам снежной арены, начинающейся тут же, у новых башнеподобных домов молодого города.

Латинцы шутили: на первенстве мира присутствовало четыре процента населения нашей страны. Действительно, люди, жаждущие увидеть борьбу сильнейших гонщиков мира, приехали в Лахти со всех концов Финляндии. Они заполнили стотысячной толпой естественный снежный амфитеатр в районе старта и финиша, вытянулись бесконечными шпалерами вдоль лыжни, чуть ли не по всей пятнадцатикилометровой петле. Многие из них были на лыжах, у некоторых имелись переносные радиоприемники. Но если, по сведениям любителей статистики, в Лахти собралось четыре процента взрослого населения страны, то, по нашему впечатлению, на холмах Сальпауссельки — как называется горная гряда, где проходили состязания, — можно было по крайней мере половину юного населения Финляндии. На каждом шагу нам попадались лыжники от двух лет и выше. Одеты в спортивные куртки, лыжные брюки и ботинки, они лихо носились по холмам и успевали при этом следить за ходом борьбы.

Пристрастие к лыжному спорту малышей — основа успеха финских спортсменов. Малыши проходят довольно суровую закалку с самых малых лет: их не кутают в шубы

и шарфы, а в каждом спортивном магазине для них можно приобрести первоклассный лыжный инвентарь. Вот где берет свои истоки слава Калеви Хямляйнена и Вейко Хакулинен — победителей в гонках на 30 и 15 километров! Да, мировое первенство в Лахти принесло большой успех финским гонщикам, и все же рядом с ними главными их соперниками и на сей раз были спортсмены СССР.

Уже первая гонка на 30 километров сложилась так, что Колчин отстал от Хямляйнена всего на 12,2 секунды, закончил следом за ним дистанцию, заняв второе место, впереди прославленного шведского лыжника Сикстена Ернберга. В беге на 15 километров в шестерне лучших оказались три советских спортсмена, и Хакулинен только на самом финише удалось улучшить время Колчина.

Но Хакулинен проявил также и похвальную откровенность, заявив на пресс-конференции журналистам, что, если бы шел не за Колчиным, а перед ним, никогда бы не победил его.

После этих двух гонок, в каждой из которых Колчин мог бы стать чемпионом мира, а оставался только вторым, его имя приобрело удивительную популярность. Громогласным криком встречали зрители Павла Колчина, как встречали они только своих любимцев. Когда на последнем этапе эстафеты 4 по 10 километров Павел Колчин не только догнал шведского гонщика, вышедшего со старта раньше чуть не на 20 секунд, но и обошел его, рев потряс холмы Сальпауссельки.

Это была поистине захватывающая борьба, в которой шведы не собирались складывать лыжных

палок. Воспользовавшись тем, что Колчин в погоне истратил львиную долю своих сил, шведский лыжник П. Э. Ларссон снова вышел вперед и принес своей команде золотую медаль. Третьим, так и не догнав на этот раз Колчина на финише, был Хакулинен. Но и этот эпизод мирового первенства не был еще окончательным в славе Павла Колчина. Эта фамилия прозвучала в Финляндии с новой силой после гонки женщин на 10 километров. В борьбе за золотую медаль со своей подругой по команде Л. Козыревой чемпионкой мира стала Алевтина Колчина — жена Павла, и на следующий день все газеты печатали фотографию, аналогичную той, которая напечатана здесь. А после того, как Алевтина Колчина совместно с Любовью Козыревой и Радьей Ерошиной завоевала первенство в эстафете 3 по 5 километров, журналисты подсчитали, что чета Колчиных увезла из Лахти пять призовых медалей — две золотые и три серебряные...

Вскоре снова мы услышали имя замечательного советского лыжника Павла Колчина. Уехав из Лахти на гору Холменколлен в Норвегии, он стал чемпионом традиционных игр, победив в беге на 15 и 50 километров всех своих соперников. И, узнав об этом, мы подумали, что если бы эмблемой города Лахти стали не три ласточки, а три лыжника, то мы увидели бы рядом несущимися по снегу фигуры финна Вейко Хакулинен, шведа Сикстена Ернберга и русского лыжника Павла Колчина — трех сильнейших гонщиков мирового первенства.

В. ВИКТОРОВ

Лахти.

НА РОДИНЕ МИКЛОША

Я. ФОМЕНКО

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

1. Под одной шинелью

— Товарищи! Какие горы!

Неожиданный возглас заставил оторваться от шахмат. Нас звала китайская девушка Ли, соседка по купе. Всю дорогу, от самой Москвы, она сидела, склонившись над учебником сербского языка, и старательно записывала в толстую тетрадь новые слова.

Изредка Ли поднимала голову, и тогда слышались звуки, похожие на усердную молитву. У Ли была своя система изучения языков. Она утверждала, что надо разборчиво написать слово двенадцать раз подряд, медленно и тихо, так, чтобы до крайности обострился слух, произнести его, и оно навсегда запомнится.

Мы поражались настойчивости Ли, привыкли к ее шепоту и думали, что она всегда так говорит. И вдруг наша тихая спутница обнаружила звонкий голос и на редкость чистое русское произношение.

Взглянув в окно, мы поняли, что заставило Ли прервать занятия. Карпатские горы, поворачиваясь к нам то в фас, то в профиль, как бы демонстрировали свой наряд. От подножий до вершин они обрядились в покрытый инеем лес, и это убранство переливалось на солнце нежно-жемчужными красками.

Карпаты предвещали близость Венгрии. Я ехал в эту страну впервые, но чувствовал себя так, словно когда-то уже побывал в ней. Да, я уже однажды «видел» и Дунай, и озеро Балатон, и Будапешт, и село близ города с трудным названием. Правда, все это лишь в воображении. Я узнал Венгрию, слушая рассказы венгра Миклоша, с которым повстречался во времена далекой юности. И вот теперь, по мере

приближения к границам его родины, в памяти всплывали мельчайшие, давно, казалось, забытые подробности нашего недолгого знакомства.

...Я сидел на завалинке и накручивал обмотки, когда скрипнула калитка и во двор вошел широкоплечий и тонконогий кавалерист. На поводу он вел поджарого, караковой масти скакуна.

— Здравствуй! — как старому приятелю, сказал мне конник и, протянув руку, назвал: — Миклош...

По-русски он говорил довольно свободно и объяснил, что в соседних дворах все конюшни заняты, а у моей хозяйки пустует маленький сарайчик, куда можно поставить его Орослана. Задав лошади корм, Миклош сел рядом и спросил:

— Спать вместе можно? Да?

Я, конечно, согласился. Где конь, там и всаднику место.

Хозяйка, вдова бедняка, угостила нас великолепным ужином: картошкой в мундире и украинским салом.

Хлеба в доме не было. Мы откормили хозяйке половину солдатской буханки. От предложенного молока отказались: на широкой деревянной кровати сидели четверо детей мал мала меньше.

Ужин окончен. Погас светильник-каганец. Подложив под голову короткий полушубок Миклоша и укрывшись моей шинелью, мы лежим на попоне, два молодых солдата-большевика, и говорим, говорим без конца.

Нам обоим вместе не было и сорока. В таком возрасте люди вообще легко становятся друзьями, а нас, кроме юности, сближало еще братство по оружию. Венгр Миклош был бойцом Интернациональной кавалерийской бригады, а я — Сводной стрел-

ковой дивизии курсантов. В ту пору — было это в конце 1920 года — мы уже рассчитались с Врангелем и гонялись за Махно. Солдатские дороги привели нас в бедняцкую хату на нынешней Днепропетровщине...

Юность давно миновала, а ночная беседа воскресла в памяти светлой вехой прожитых лет. О чем мы говорили тогда? О родных селах, о Фрунзе, которого оба повидали под Перекопом, о Черном море, о революции и о том, что скоро, очень скоро на всей земле воцарится коммунизм. Мы были нетерпеливы, как нетерпелива сама юность.

Миклош года на полтора был старше меня, потерял отца, вернувшегося на родину из русского плена и павшего в неравном бою с полками Антанты в 1919 году. Много перенес мой друг нерадостного, но как светлы были его душевные порывы и какая неукротимая убежденность жила в его не знавшем сомнения сердце! «Венгрия будет свободной», — громким шепотом говорил Миклош, и я готов был идти с ним вот за эти невиданные тогда еще мною горы.

Когда Миклош рассказывал о Дунае, мне представлялся родной Днепр, несущий свои воды в то же море. Миклош говорил о красоте Будапешта, а я мысленно сравнивал столицу Венгрии с Киевом, и оба города представлялись похожими друг на друга, точно близнецы.

Простились мы чуть свет, дав зарок встретиться.

...Вот и граница. Почему я не затвердил так, как делала это Ли, фамилию Миклоша? О городе, возле которого он жил, мне напомнила в 1945 году сводка Совинформбюро: «...наши войска освободили город Секешфехервар...»

Обязательно туда поеду! Чего не бывает в жизни!

Незамерзшая Тисса осталась позади. Поезд идет по венгерской земле, и чем больше он удаляется от границы, тем трезвее я ду-

маю о возможности встречи с другом юности. Можно ли по одному имени найти его среди миллионов?

2. «Все нормально»

Ли прощально машет рукой. Она едет дальше, в Белград, а мы направляемся к дежурному «толмачу» — переводчику.

Будапешт... Первое, с чем встречается приезжий в незнакомом городе, — это улицы и средства передвижения. Поезд прибыл в разгар обычного, будничного дня. На вокзале и на прилегающих к нему улицах было полно народу. Так же, как и во всяком крупном городе, на остановках трамвая и автобусов стояли очереди пассажиров. Сновали маленькие «шкотики»-такси, малолитражные автомобили с перильцами на крышах, куда помещается багаж. Есть в Будапеште и метрополитен, кстати, самый старый в Европе, прорытый еще в 1896 году. Правда, у него пока только одна линия, идущая от Дуная к площади Героев, но будапештцы гордятся своей подземкой так же, как и мостами через Дунай, и с увлечением, как я потом убедился, говорят о строительстве новой линии, которое уже начато.

А вот и главное украшение столицы Венгрии — Дунай. Вода в нем прибывала день ото дня после сухой осени и бесснежных месяцев первой половины зимы. Где-то в верховьях начались снегопады, погода стояла теплая, снег таял, и река заметно ширилась, доставляя этим радость жителям венгерской столицы. Дунай поит огромный город, заполняет водой бассейны многочисленных бань, какими издревле славится Будапешт, и повышение уровня воды воспринимается как примета благополучия.

Таких примет я видел потом немало. Жизнь в столице Венгрии показалась мне похожей на течение Дуная: она ширится, полнится в просторных берегах и несет

Памятник советским воинам на площади Свободы в Будапеште.

все больше и больше радостей. На вопрос: «Как живете?» — в Венгрии отвечают: «Все нормально!»

Мне встречались люди, до сих пор не перестающие удивляться, каким образом Революционному правительству Яноша Кадара в такой короткий срок удалось нормализовать жизнь столицы и всей страны. Что тут сыграло главную роль? Дружеская помощь? Да, она была неоценимой. При всем ее значении требовалось, однако, еще одно — народная поддержка. Реакционные элементы бешено сопротивлялись, каждый шаг правительства встречали яростными контратаками и все же потерпели поражение. На стороне правительства — народ.

В дни мятежа в Будапеште пострадало три с половиной тысячи зданий. Я вглядывался в улицы, искал разрушения. Есть дома, еще обнесенные строительными лесами или камышовыми тепляками. Попадаются клетчатые здания, мрачно глядящих на мир пустыми глазами окон. Но их совсем немного. Будапештцы добросовестно поработали, чтобы стереть с лица города следы осенних событий позапрошлого года.

И так во всем. Почитатели «свободной Европы» пророчили затяжной голод. Его не было, хотя те, кто предсказывал его, не жалели сил на дезорганизацию снабжения. Я побывал в десятках магазинов, всяких и разных, бродил по рынкам, заговаривал с покупателями и продавцами и в девяти случаях из десяти получал ответ: «Все нормально!»

И это действительно так. Картошка на рынке Чарнок стоит один форинт сорок филлеров, на наши деньги примерно рубль. Есть и дешевле. В феврале килограмм яблок стоил четыре — пять форинтов. Никаких перебоев в торговле мясом, овощами, молочными продуктами и кондитерскими изделиями я не заметил, хотя и допытывался на этот счет у самых разных людей.

«Сведущие специалисты» пугали простых людей инфляцией. Однако эта злая баба-яга не пришла на помощь реакции, хотя бездна усилий была потрачена, чтобы вызвать инфляцию взвинчиванием цен и скупкой товаров — любых, вплоть до ночных горшков. Форинт удержался!

Самой страшной была угроза массовой безработицы. Тут уж любители погугать не щадили своих голосов. Они вопили о развале экономики, о предстоящем «кризисе», о нехватке сырья, об отказе стран-импортеров принимать венгерские товары, о невозможности получить от разгневанных американских банкиров заем, без которого народному хозяйству Венгрии якобы ни за что не выбраться из «тупика». Словом, венгерскому рабочему предвещали все беды, какие только известны из опыта жизни «свободного Запада». И после столь сильной артподготовки наступила тишина. Смолкли чревоушатели. Безработица не разразилась.

В истории чудес не бывает. Есть непреложные факты. Неоспоримо, что Революционное правительство завоевало поддержку

подавляющего большинства населения. Все честные люди Венгрии были охвачены желанием побыстрее возместить ущерб, нанесенный мятежом, и это желание совпало с программой правительства. Мне рассказывали, что крестьяне в первые дни после ликвидации вооруженных банд мятежников доставляли в города продукты по пониженным ценам, а были случаи, когда собирали мясо, сало, овощи и муку и отдавали бесплатно приезжавшим горожанам. И эту отзывчивость использовали мерзкие людишки, нравственный облик которых трудно поддается характеристике.

Проходя как-то мимо одного здания, я заметил, что пешеходы, подняв голову, всматриваются в окна.

— Хотят видеть Миндсенти, — усмехаясь, сказал переводчик, кивнув на герб, украшающий здание миссии. — Американцы любят рекорды. Им теперь принадлежит мировой рекорд гостеприимства...

Не знаю, удалось ли кому увидеть в окне заставившегося старца с еле слышимым голосом и лицом хищника. Мне «посчастливилось». На выставке революционной живописи я видел рисунки-обвинения, и главный персонаж в них — человек в кардинальской мантии.

В декабре прошлого года был приведен в исполнение приговор Военного суда по делу Антала Палинкаша (Паллавичини). Этот клятвопреступник, бывший офицер, сформировал в октябре 1956 года танковый контрреволюционный батальон. Под охраной батальона Палинкаша кардинал Миндсенти въехал в Будапешт.

Говорят, что один наивный юрист, прочитав в «Непсабдаша» заметку о расстреле Палинкаша, спросил:

— Интересно, прислал ли Миндсенти свои свидетельские показания в суд?

Ему ответили:

— Кардинал переменял подданство. Ему теперь неудобно вмешиваться в наши внутренние дела.

Добровольный узник хранит молчание, и по этому поводу в Будапеште можно услышать:

— Все нормально! Молчание Миндсенти — американское золото.

Подарок посла

Листаем с переводчиком январские газеты. Составляем хронику. Вот часть записей.

В новогоднем номере «Непсабдаша» опубликованы поздравительные телеграммы, которыми обменялись венгерские и советские государственные деятели...

Правительство Венгрии предоставило населению Монголии, пострадавшему от землетрясения, лекарства, медицинские инструменты и оборудование стоимостью в 100 тысяч форинтов...

Отмечено сороклетие первой венгерской коммунистической газеты. Начала она выходить в Петрограде под названием «Немзеткэзи социалишта» («Интернациональный социалист»). Издавали ее военнопленные венгры-социалисты, редактировал Бела Кун...

Средний заработок промышленного рабочего Венгрии составил в 1957 году 1 400—1 500 форинтов в месяц...

В прошедшем году в Венгрии создано свыше тысячи сельскохозяйственных производственных кооперативов. В селе Дравафок 23

крестьянина организовали кооператив и назвали его «Новый год». Это первый кооператив, родившийся уже в нынешнем году, и сто первый в Бараньской области.

Солисты Государственного оперного театра Мария Дюркович, Йозеф Йоивички и пианистка Эржэбет Денеш выехали на гастроли в СССР. В первой половине 1958 года в Венгрию приедут итальянский дирижер Карло Реччи, югославский пианист Юрий Мурай, чехословацкий скрипач Ладислав Яшек, советский пианист Святослав Рихтер, французский виолончелист Андре Наварра и другие артисты...

В Кебанье, одном из округов Будапешта, в ознаменование годовщины освобождения района Советской Армией состоялась церемония возложения венков у подножия памятника советским солдатам...

Издательство имени Кошута выпустило первую книгу тридцатитомного Собрания сочинений Маркса и Энгельса...

На заводе имени Белоянниса состоялся митинг. Посол СССР Е. И. Громов вручил работнице Йожефне Гула орден Отечественной войны II степени за спасение четырех советских летчиков, бежавших в 1944 году из фашистского лагеря...

На этом прерываю составление хроники. Отправляюсь к Йожефне Гула.

...Небольшого роста седая женщина подходит к столу, берет в руки вазочку с красным цветком и говорит:

— Этот цветок подарил мне позавчера ваш посол. Как жаль, что цветы вянут! Хотелось бы сохранить на всю жизнь такой подарок.

Потом она открывает две коробочки. В них ордена.

Проявления человеческого мужества и благородства бесконечно разнообразны, но в какие бы формы они ни выливались, всегда они прекрасны и всегда достойны преклонения. Что двигало поступками этой простой, до застенчивости скромной работницы, когда она пошла на смертельный риск ради неизвестных ей, «чужих» людей? Только ли сострадание? Она могла вынести краюху хлеба изголодавшимся летчикам, указать им наименее опасный путь. Это было бы тоже человечно. Для Йожефне Гула и для ее мужа такое сочувствие казалось бесчеловечным. А если этих людей схватят? Они неминуемо погибнут. Смирится ли совесть, позволит ли она жить спокойной? Йожеф и Йожефне Гула решили спасти летчиков, а не просто помочь им. И спасли.

В печати — и венгерской и советской — писалось о подвиге супругов Гула. Мне хочется рассказать о подробностях, какие удалось узнать.

Бежавшие из Комаромской крепости летчики спасены были не один раз, а дважды. Бежало их пятеро. Они уже близки были к цели — после многодневных мучтарств подошли к Дунаю. Переправиться через реку, и там свои. В последние минуты, когда можно было, казалось, броситься в воду и плыть на левый берег, где находились советские части, появился фашистский патруль. Оружия не было. Оставалось одно: повернуть обратно и спрятаться в сарае. Жители поселка, венгерские железнодорожники, узнав, что люди у них скрываются,

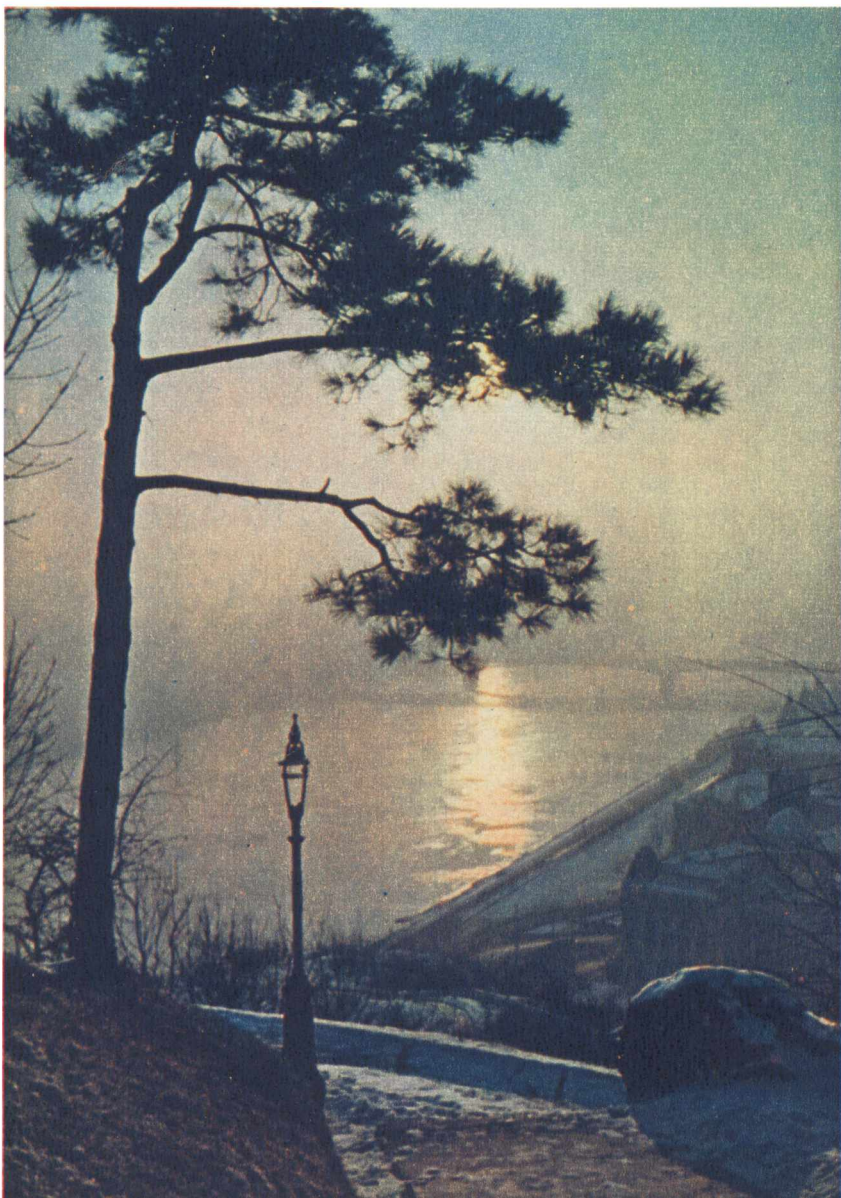

Работница Будапештского завода имени Белоянниса Гула Йожефне с сыновьями Ласло и Тибором.

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Восход солнца над Дунаем.

В Будапеште. У парламента.

В цветочном магазине будапештского кооператива имени 15 марта.

добыли оружие и снабдили беглецов пистолетами и гранатами.

На дальнейшие поиски переправы летчики отправились смелее. В случае нового столкновения с патрулями они могли и защищаться и нападать. Вскоре им пришлось пустить в ход оружие: их снова настиг патруль. Один из пяти летчиков погиб в завязавшейся перестрелке, а четвертым удалось отбиться и уйти.

Скрываясь от патрулей, летчики попали в дом Йозефа Гула. Это было 1 декабря 1944 года, а дня через два к супругам Гула нагрянули немецкие солдаты, искавшие «парашютистов». Убежище в колодце тогда еще не успели подготовить, и летчики залезли под кровать и в шкаф. Оттуда слышалось их прерывистое дыхание, и Йозефне Гула, чтобы заглушить его, начала больно щипать крошечного сына Ласло, родившегося в том же, 1944 году. Крик ребенка заставил солдат быстрее покинуть дом.

После этого случая, едва не стоившего жизни хозяевам и квартирантам, приналегали на работу и оборудовали «комнату» в колодце. Пищу опускали на веревке. Однажды веревка оборвалась, и капуста, любимое блюдо жильцов подземного отеля, вывалилась на дно колодца. Было очень обидно: прокормить четырех изголодавшихся мужчин не так легко семье, которая и без того не сытно жила.

Скоро совсем худо стало с продуктами. За организацию снабжения взялся брат Эбану. У знакомых, главным образом коммунистов-подпольщиков, с которыми был связан Йозеф Гула, Эбану собирал горох, фасоль, сало, табак и тайком доставлял на «базу». Как выяснилось потом, сохранить тайну от соседей не удалось, но все, кто знал, что происходит во дворе Гула, не подавали виду и старались не обнаруживать своей осведомленности.

Второй день рождества был самым большим праздником для жителей поселка. В этот день, 26 декабря 1944 года, Йозеф Гула вывесил на своем домике красный флаг в честь прихода советских войск и освобождения от фашизма. Один из летчиков вылез наверх в одном исподнем и на радостях, несмотря на холод, пустился в такой пляс, что небу стало жарко.

Командир части, освободившей поселок, майор Кулик тепло жал руку Йозефне, показывая на свой лучистый орден и говорил, что такой же орден будет у нее и у ее

мужа. Предсказание майора сбылось.

...Я спросил Йозефне Гула, помнит ли она фамилии спасенных ею людей. Она ответила с грустной улыбкой:

— Фамилий не помню. Твердо знаю: одного звали Леша, другого — Коля, третьего — Паша, а четвертого, — кажется, Федя... Кажется, так... Не ручаюсь... Много лет прошло. Как бы я хотела их увидеть или хотя бы узнать, живы ли они.

Снова я вспомнил про Миклоша. Ведь я тоже запомнил только имя!

На этом я не собираюсь обрывать рассказ о Йозефне Гула и четырех летчиках. Он имеет продолжение. В тот день, когда я уезжал из Будапешта, Йозефне Гула пригласили к телефону. Звонили из Москвы. Ей передали привет от Павла Малкова и Николая Кривова, спасенных ею в 1944 году.

Как же отыскились Коля и Паша?

Электрик мартеновского цеха Лысьвенского металлургического завода Павел Малков, сдав вахту, зашел в «дежурку» просмотреть свежие газеты и увидел Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении супругов Гула. Домой Малков шел, не чуя земли под ногами. Тут же он написал письмо своей спасительнице. Так стало известно, что Федор Пудов погиб на фронте, что судьбу летчика-штурмовика Алексея Пантюхина никто не знает, а командир бомбардировщика Николай Кривов живет в Росоши и водит комбайн. Потом отозвался Пантюхин. Он живет в городе Алексине, Тульской области.

...Йозефне Гула с двумя сыновьями, Ласло и Тибором, живет теперь в другом доме, в двадцать втором районе Будапешта. Колодец, где скрывались летчики, засыпали, и на том месте разбитая цветочная клумба. Йозефне приходится часто бывать на старом подворье. Приезжают гости, просят показать и дом, и садик, и засыпанный колодец. О подвиге знают в самых далеких от Венгрии странах. Недавно Йозефне посетили гости из Китая.

Перед тем, как проститься с нами, Йозефне Гула опять взяла в руки вазочку с алым цветком и налила в нее свежей воды.

— Мне кажется, что я за всю свою жизнь не видала такого красивого цветка! — сказала она и бережно поставила вазочку на прежнее место.

К 70-летию
Мариэтты
Шагинян

Неутомимый публицист

На днях я позвонил Мариэтте Сергеевне. К телефону подошла ее дочь.

— Мама уехала в Ленинград.
— А когда она вернется?
— Дней через пять, если не поедет оттуда в Таллин.

— А если поедет?
— Недели через две, если ей не придется съездить в Латвию...

...Зачем помчалась Шагинян в Ленинград? Ведь она была там совсем недавно — ездила на первое исполнение Одиннадцатой симфонии Шостаковича, об этом я знаю по ее статье, опубликованной в газете. Может быть, сейчас ей надо побывать на ленинградских текстильных предприятиях, о которых она писала очерки в 1925 году? Или разобраться в новых материалах Государственной публичной библиотеки о Гете, Шевченко, Низами, которым посвятила научные труды? Или, может быть, она прочла в газете о какой-нибудь ленинградской новости в промышленном планировании, а ведь планирование — ее любимая тема, ради которой она училась в Планоной академии Госплана СССР?

Что касается Таллина, то ведь в Эстонии находятся шахты горючих сланцев в Хохтла-Ярве, те самые, из-за которых она вела ожесточенную борьбу в газетных статьях, предлагая расширить шахты.

Немного найдется в Советском Союзе мест, куда бы не врывалась Мариэтта Шагинян, исполненная страсти все увидеть, все изучить и обязательно помочь, если в этом есть нужда. Качественная сталь, музыкальное воспитание, финский эпос, экономика Армении, скотоводство на Алтае, строительство железнодорожных магистралей и сотни других экономических, культурных, эстетических, технических проблем занимают писательницу.

Когда я думаю о Шагинян, я вижу маленькую крепкую руку, которая быстро ведет строчку за строчкой на четвертушке бумаги или на странице ученической тетради — более шестидесяти лет подряд, каждый день, каждый вечер — в классе гимназии, в студенческой комнатухе, в палатке, в каюте, в вагоне, в автомобиле, в общежитии — где придется. «Я писала даже и тогда, когда к этому ничуть не тянуло, чтоб полнела моя тетрадка...» — вспоминает Шагинян о своем детстве.

Так воспитывала она в себе привычку к труду, радость труда — чувство, которое, на мой взгляд, есть самая прочная основа счастья. «...Меня захватила та, почти чувственная, страсть к познанию... которая потом всю жизнь была самой сильной из всех моих страстей», — пишет она о своей юности. Каталог библиотек, где каждое новое название сулит раскрытие новой тай-

ны, газетные статьи, статистические таблицы, протоколы собраний, архивные документы — чтение, чтение, сотни тысяч страниц на четырех языках...

Люди, люди — чабаны, астрономы, рыбаки, конструкторы, горняки, композиторы, школьники, старики; в горах Зангезура, в степях Приуралья, в Сибири, на Кубани; беседы, беседы, записи выступлений, биографические данные... Необыкновенная, исторически небывалая жизнь несется вокруг — можно ли успеть все охватить, все осмыслить?

Конечно, нельзя. Но очень хочется. Поэтому не жалеть себя, тратить все силы без остатка! А оказывается, чем больше тратишь, тем сильнее становишься!

В чем же цель? Улучшить сущее. Помочь созиданию нового мира. Для этого надо прежде всего уметь слушать людей и уметь обобщать. Отобрать и соединить все лучшие соображения и все самые благородные мечты и двинуть их в отличном вооружении ясных, образных формулировок на пользу общему делу — вот работа советского литератора.

Жизнь Шагинян начиналась в прошлом столетии, а в десятые годы нашего века уже была жизнью поэта, философа, публициста. Для Шагинян это были годы яростных поисков мировоззрения. Она презирала уродства окружавшего ее буржуазного мира. Она была одним из первых литераторов, обративших свое творчество к революции. Романом «Перемена» Шагинян прокляла старый мир и приветствовала «зорю утреннюю» новой истории человечества. Бурная творческая и политическая работа захватила Шагинян в первые же годы Советской власти. Огромную популярность получили сатирические романы Шагинян, объединенные в трилогию «Месс-Менд» и пронизанные поэтической идеей о великом чуде созидания, о всемирном творце — пролетариате. Роман «Гидроцентральный» вошел в золотой фонд советской литературы как одно из лучших произведений, посвященных творческому подвигу советского народа в годы первых пятилеток.

Наряду с романами, циклами очерков, массивными научными сочинениями она печатает в газетах статьи по самым острым вопросам культуры и хозяйства. «Если ты — профессионал, посвятивший себя определенному делу, твоё время превращается в рабочее время, а рабочее время — в собственность общества».

Такова директива — строгая и непререкаемая, которую преподала себе Мариэтта Шагинян и которую она выполняет неустанно и радостно.

Борис АГАПОВ

В дни сессии Государственного собрания. На снимке: Янош Кадар (второй справа), Дёлья Калай, Иштван Доби.

ВОСКРЕСНИЙ СЮЖЕТ

Рассказ

Георгий РАДОВ

Рисунки И. СЕМЕНОВА.

Что творится с погодой! В ночь на восьмое декабря над областью разразилась гроза, хлынули ливни, разлились горные речки, а на четвертый день и большая река вышла из берегов, затопила поля.

Вечером пятнадцатого числа редактору принесли телеграмму: председатель сельсовета из хутора Бирючьего сообщал, что девушка-комсомолка Любовь Найдено бросилась к зажженному молнией скотному двору, в дыму, в пламени отвязала восемь быков-производителей и выпустила их на волю. Редактор дважды перечел телеграмму, написал на уголке: «В номер, первая полоса», — и вызвал очеркиста Бориса Валежникова.

В редакции Валежникова в шутку называли «юбилейным пером»: ни один праздничный номер не выходил без его сочинения. И в сорок пять лет очеркист был по-юношески подвижен, не чурался дальних поездок, действовал быстро или, как говорили в редакции, «оперативно». Очерки Валежникова никогда не вызывали ни сомнений, ни споров, сдавались в набор без поправок, и поэтому редактор поручал Валежникову самые срочные задания.

— Подвал? Три колонки? — деловито осведомился Валежников, прочитав телеграмму. — Там видно будет. Поезжайте! Учтите, планируем на воскресенье...

Валежников выехал ночным поездом, а утром уже шагнул к месту происшествия в сопровождении автора телеграммы — председателя сельсовета Спасибенко и бригадира Лаврентия Деркача.

Валежников, суховатый, гибкий, спортивного вида мужчина, в яловых сапогах и короткой кожаной курточке, с полевой сумкой через плечо, шагнул торопливо. Он уже успел переговорить со Спасибенко, уточнил события грозовой ночи и, что называется, «вошел в тему».

— Все ясно, все ясно, — говорил он, поглядывая на спутников. — Одно неясно: почему именно она кинулась в огонь? Почему она?

Деркач, долговязый, рыжий, немолодой казак, шагнул молча. Он был сердит: свидание с корреспондентом оторвало его от дела. Уступив приезжему узкую тропочку, он шел

рядом, оскальзываясь, спотыкаясь, еле выпрастывая ноги из крутой грязи. Зато небольшой, округлый, бритоголовый Спасибенко был в ударе. На хутор Бирючий, отстающий и ничем не выдающийся, корреспонденты редко заезжали с добрыми намерениями, самого Спасибенко частенько стегала районная газета, и сейчас председатель обдумывал, как бы ему повыгодней использовать приезд очеркиста.

— Не Любка, так другая бы кинулась, — говорил он, оглядываясь. — Так воспитаны у нас люди! Воспитание — главная вещь.

Они вышли на высокий берег. Внизу, метрах в пятнадцати, еле приметная, петляла речушка. И кто бы мог подумать, что это она затопила поля! Слово бы испугавшись соседнего и страшась кары людской, она примирела, с ленцой, неслышно перекачивалась через камни, прижимаясь к песчаным берегам. За речкой виднелось обугленное строение.

— Так... — оглядел место Валежников. — Значит, девушка была вон там? Оттуда побежала?

— Оттуда.

— Здорово! — Валежников потер красные, иззябшие пальцы, победно вскинул голову. Накануне ему пришлось писать очерк о свинарке, искать поэзию там, где она, кажется, и не ночевала: в туровых опороках, рационах и прочих зоотехнических премудростях. А тут поэзия сама просилась на перо: буйство стихии, зимняя гроза, девушка в огне...

— Чудесно! — вслух сказал Валежников и обернулся к Деркачу: — А скажите, ваши быки злы, опасны?

— Звери! — хмуро определил Деркач.

— И она не побоялась. Но почему же она? Вас же там было пятеро. Почему именно она бросилась, а не кто-нибудь другой?

— Спытайте, — передернул плечами Деркач. — Такая возросла.

— Какая? — нетерпеливо перебил Валежников. — Смелая?

Деркач оступился, резиновый сапог остался в грязи, и бригадир, с минуту раскачиваясь, целил в него узкой ступней, наконец попал, выпрямился.

— Тсс! — приложил он палец к губам. — Она. Любка...

Через речку впрячь шла девушка. Небольшая, тонконогая, в блестящих ботиках и светлых чулках, она легко, по-птичьи прыгала с камня на камень. На девушке было ярко-зеленое пальто со скошенными плечами, пестрая косынка, и вся она, цветастая, нарядная, казалась чем-то посторонним, чужим посреди мутной реки.

— Принцесса, — вполголоса сказал Деркач и отвернулся.

Девушка, боясь оступиться, задерживалась на каждом камне, наконец, уже у берега, она взмахнула руками, вскрикнула, черпнув ботинком по воде, и выскочила на землю. Присев на пенек, сбросила ботик, вылила из него воду, красной ладонью обтерла крохотную ступню и обулась.

— Вот, Люба, — важно сказал Спасибенко, — товарищ из газеты.

— Да? — Девушка весело оглядела Валежникова. — Снимать будете?

— Снимать? — не понял очеркист. — Ах, фотографировать? Будем, конечно.

— Вы завтра снимайте, ладно?

«Хороша, как все девушки в двадцать лет», — отметил очеркист, оглядывая героиню. Девушка была круглолицая, острижена под мальчишку, из-под косынки торчали мелкие искусные завитки — видно, к ним недавно прикасалась рука парикмахера. Брови — девушка, наверно, опалила их на пожаре — были обозначены двумя красными припухшими пятнышками.

— Снять мы успеем, — улыбнулся Валежников. — Но сперва поговорим.

— Можно, — вздохнула девушка.

Они устроились в общедомовую, но не в той комнате, где жила Люба с подругой, а в угловой — комнате для приезжих, куда поместили Валежникова.

— Какое же у вас было настроение? — попытался он, прохаживаясь по комнате. — Вот вы увидели пожар. Что подумали?

— Не знаю, — сконфуженно говорила девушка. — Я не думала.

— Но это вам лишь кажется, что не думали, а, наверное, думали.

— Не знаю.

— А читаешь ты много? — спросил он, переходя на «ты». — Ну, допустим, что читала на прошлой неделе?

— «Консуэло», — робко сказала девушка.

— Гм... — закусил губу Валежников. — Положим, «Консуэло». А еще?

— «Иван Иванович».

— М-да... Ну, а про смелых людей читала? Про Маресьева?

— Я ему письмо писала.

— Да? И ответил?

— Я не послала.

— Почему?

— Так.

— Жаль, — заметил Валежников. — А письмо сохранилось? Что ты ему писала?

Девушка потупилась.

— Нет, ты вспомни, — взмолился Валежников. — Это же очень важно. Вспомнишь?

— Нет, — твердо сказала девушка. — То давно было. А вы про меня писать будете?

— Буду, конечно.

— Вы про Веру Петровну напишите.

— Кто такая Вера Петровна?

— Не знаете? Старшая доярка. Напишите.

Они беседовали с час, может, немного больше, и Валежников отпустил девушку. Прикрыв за ней дверь, он торопливо достал блокнот, внес в него несколько строчек, задумался.

«Биография жидковата, — поморщился он. — Если б поярче биографию! Черт возьми! Всегда чего-нибудь не хватает! Вот, пожалуйста, есть подвиг, но куда лучше, если бы его совершила, например, передовая доярка! А, судя по всему, Люба не была передовой дояркой. И письмо! Ах, если б сохранилось ее письмо Маресьеву и его ответ! Какая деталь! Какой поворот темы! Ну, ничего, домыслим!» — подумал Валежников и выглянул в коридор.

— Марья Ивановна! — позвал он громко.

Из кухни выплыла комендантша, представительная, красивая женщина лет сорока. Валежников как-то две ночи провел в этом

общежитии, и дважды пришлось ему выслушать историю комендантши. Лет десять назад ее увез начальник разведочной партии, искавший в хуторских землях нефть, увез, покатав по белу свету, да и оставил: подвернулась молодая; а Марья Ивановна явилась на хутор, да так и осталась — ни вдова, ни мужняя жена. Единственной ее отрадой были приезжие.

— Я отдохну, Марья Ивановна, — торопливо сказал Валежников, опасаясь, что комендантша в третий раз угостит его своей биографией. — Поднимите, когда придет председатель, и пусть позовут старшую доярку.

Перед вечером Валежников, отдохнувший и пообедавший, пил чай в комнате комендантши, а напротив сидели и курили Спасибенко и Деркач. Вера Петровна, сбросив на плечи пуховую шаль, стояла у печи.

— Тут основное — массовая работа, — рассказывал Спасибенко, заглядывая в глаза очеркисту. — Я как раз был у них на ферме агитатором и все про это, все про это: героизм, героизм, спасение общественной собственности! Воспитывал! И с Любкой в отдельности проводил работу.

Валежников рассеянно слушал председателя, норовившего во что бы то ни стало попасть в газету, и косился на старшую доярку. Она стояла, как монумент: крупная, плечистая, скрестив руки на высокой груди.

— Ладно, — сказал Валежников. — Я это учту, товарищ Спасибенко. Но скажите, Лаврентий Федорович, какова Любка в повседневном быту? Бойкая? Работящая?

— Как вам сказать... — задумался Деркач. Он сидел, положив ногу на ногу, ссутулившийся, угрюмый, и лицо его выражало одно желание: поскорее отделаться. — Как сказать...

— Работящая! — бодро сказал Спасибенко. — Грамотная.

— Ага, грамотная, — кивнул Деркач. — Я ее учетчицей ставил. Нет, самасшедшая! — неожиданно вырвалось у него.

— Как сумасшедшая? — засмеялся Валежников. — Отчаянная?

— Не все дома.

— А поясней?

— А поясней — глупая!

— И эта глупая тебе быков спасла?! — крикнула старшая доярка. — Имей совесть, Лаврентий!

Деркач кашлянул, распахнул полудожку. — Топишь ты, Ивановна, дров не жаль... Она вот какая, — сказал он, затаившись. — Она не то что глупая, а, как бы сказать, разгальная... Ставлю ее учетчицей — «нет, не хочу, буду доить, дайте группу». Даем группу, а она опять-таки: «Нет, поеду на целину».

— На целину? — обрадовался Валежников. — Ездил?

— Хлеб убрали, до дому явилась.

— Все равно прекрасно! Романтика...

— Могло быть, — согласился Деркач. — Явилась и хату продала.

— Какую хату?

— Баткину. Она ж сирота. Батка погиб, мать померла, хата осталась. Нет, продала.

— Что ж, логично, — заметил очеркист. — Чужда обыденных забот.

— Я и кажу, — кивнул Деркач. — Хату продала, а гроши на распыл, на кофточки, ленты, пальтишечки. Нарядилась, наплоилась — и в институт.

— Куда? — воскликнул Валежников. — В институт? И не приняли?

— Приняли. Нет, бросила, перевелась на заочный.

— Ах, как здорово! — потер руки Валежников. — Перевелась на заочный и вернулась на ферму. Да это же то, что надо! И учится? Правда?

— Правда, — подтвердила комендантша. — Тут и занимается, бедняжка. Ох, чего только баба не делает для мужика! — вздохнула она с горечью.

— Для мужика? — удивился Валежников. — Что еще за мужик?

— А! — махнула рукой комендантша. — Там не мужик, а наказание божье... Костя, будь он проклят! Из-за него старается, а он как пенек.

— Ивановна! — перебил Спасибенко. — Ты что несешь? Это же к делу не относится.

— Как это не относится? — рассердилась комендантша. — Дивчина убивается, ночей не спит, из-за него, шибеника, на целину лётала, из-за него учиться пошла, и не относится? Я-то знаю! То гуляла смирененько, придут сюда, посадят, поговорят, она ж такая ласковая... А он ее хотел дуром взять. Он дуром, а она не дается. Не относится... Он-то ее бросил, с Нюшкой схлестнулся, а Люба — дай доскажу! — с кинемехаником стала гулять. Гуляет, а сама плачет, все рвет на себе: «Тетя Маша, чем его присушить? Чем?» Кабы я знала...

Валежников оторопел. Очерк, сложившийся так стройно, распался по швам. Но Спасибенко махнул рукой:

— Бабы разговоры!

— Да вы слепые! — крикнула комендантша. — Она же из-за него и на заочный перевелась. Из-за него и в огонь... Она ж красуется перед ним. Красуется, выставляется... Семеро в санках! — сплюнул Спасибенко.

— Тебе, Маруська, во всяком деле штаны мнутся, — строго заметила старшая доярка. — «Из-за него! Из-за него!» Сама из-за мужика жизнь порушила, так думаешь, и все... Любка не такая...

Комендантша вспыхнула, подбоченилась, но Валежников предупредил ее.

— Вера Петровна! — обернулся он к старшей доярке. — А почему же все-таки Люба кинулась на пожар? Она же не одна была.

— У него спытайте! — кивнула старшая доярка на Деркача. — Два лба стояли: он и бычатник, — и с места не тронулись. А быки-то ревут! Животные. Их-то печет. А Любе-то их жалко. Ну и кинулась. Простая вещь. Была бы я...

— А ну тише! — перебила комендантша и прислушалась.

В коридоре зашумели. Раздался крик, вслед за ним громкое ругательство, кто-то дернул дверь, и в комнату вбежала девушка. Ярко-зеленое пальто ее было залито грязью.

— Любочка? — ахнула комендантша.

— Лю-юбка! — раздалось в коридоре, и на пороге появился парень. Он имел вид жалкий. Полупальто было порвано, на щеке багровела ссадина.

— Лю-юбка! — позвал он и осекся, заметив мужчин. — Извиняйте, мне Любу, Любовь Михайловну.

Но Спасибенко уже загородил дверь.

— Какую тебе Любу? Ишь, набрался! — зашумел он, тесня парня в коридор. — Пойдем, пойдем, Константин, я т-тебя оформлю.

— Ой, не надо! — вскрикнула девушка и выскочила из комнаты.

— Тыфу! — выругался Деркач. — Самасшедшая!

— Ну что, Верочка, штаны? — прищурилась комендантша. — Нет, милая, тут не штаны, а мучение. Доконает он Любу!

Валежников вышел на улицу вслед за старшей дояркой. Беззвездная, светлая ночь нависла над хутором. Неподдалеку брехали собаки. Лай все затихал и затихал. Видно, ленивые псы, как эстафету, передавали прохожих друг дружке. Вера Петровна, обутая в резиновые сапоги, шагала, не разбирая дороги. «Все смешалось! Все перепуталось! — с раздражением думал Валежников. — И надо же было в такую стройную историю встрять этому непутевому Косте. А может, так и написать: «Подвиг во имя любви»? Ох, не напечатает...»

— Зоотехник из нее хороший получится, — сказала старшая доярка. — Она-то учиться пошла, а я толкую: «Дурочка, да разве ж за партой зоотехники получают? Вот зараз правильный будет зоотехник».

— Так это вы ее сосватали на заочный? Не Костя?

— Сосватает ее Костя! Он же сдается ей, вы что, не видите? Водки напился, губошлеп... Это ж он в первый раз так напился: невыдержка! Простая вещь... Она-то, Любка, у-умная! Ну, прощайте. А Деркача не слушайте. Ему тут Любка на собрании дала чертей, так он и распристраняется: «самасшедшая! Сам-то дуб дубом».

Валежников постоял на хуторской площади и повернул обратно. Темнота расступилась. Глаза различили заборы, деревца, охваченные треугольными клетками, телеграфные столбы. На скамье рядом с общежитием он заметил согнувшуюся фигуру, щелкнул фонариком. Незеркий луч, споткнувшись, растекся по зеленому пальто.

— Люба? — обрадовался он. — А его повели? Председатель повел?

— Никто его не повел, — сурово сказала девушка. — Он сам...

— Зашиб он вас? Больно?

— Кто меня зашиб? Ах, пальто! Я же упала. Упала, поняли?

— А я думал...

— А вы не думайте.

Помолчали.

— А быки здоровы? — спросил Валежников, не зная, с чего начать разговор.

— Витязь обгорел. Знаете, где его достали? В Костроме. Элита! Драгоценный бык!

— И вы об этом думали, когда спасали?

— Нет, не думала. Я знала. Дайте фонарик. — Она взяла фонарик, осветила пальто, качнула головой: — Как выпачкалась!

— Фотограф послезавтра придет, — сказал Валежников.

— Веру Петровну снимите, — наказала Люба. — Слышите? Обязательно снимите. Ах, если б ей образование! Ну почему учат, кого не надо, а ее не учили? Почему?

— Люба, — тронул ее за рукав Валежников. — Вы извините, я же о вас буду писать. Скажите мне о Косте.

— Вы про это не пишите, — испугалась девушка. — Разве можно? Нет-нет! Слышите?

— Но вы же любите его?!

— А как же! — просто сказала девушка. — Его! Я и Маресьеву про него писала. — Она улыбнулась. — Дурочка, да?

— Почему дурочка?

— Хотела, чтобы он написал письмо Константину. Костя же его любит без памяти, а тут письмо... Хорошо, да?

— О чем письмо?

— Ну, в общем, как жить и чтобы учиться... Понимаете?

— И не послали...

— Так он же занят, Маресьев. Ему, может, тысячи писем...

— Обошлись?

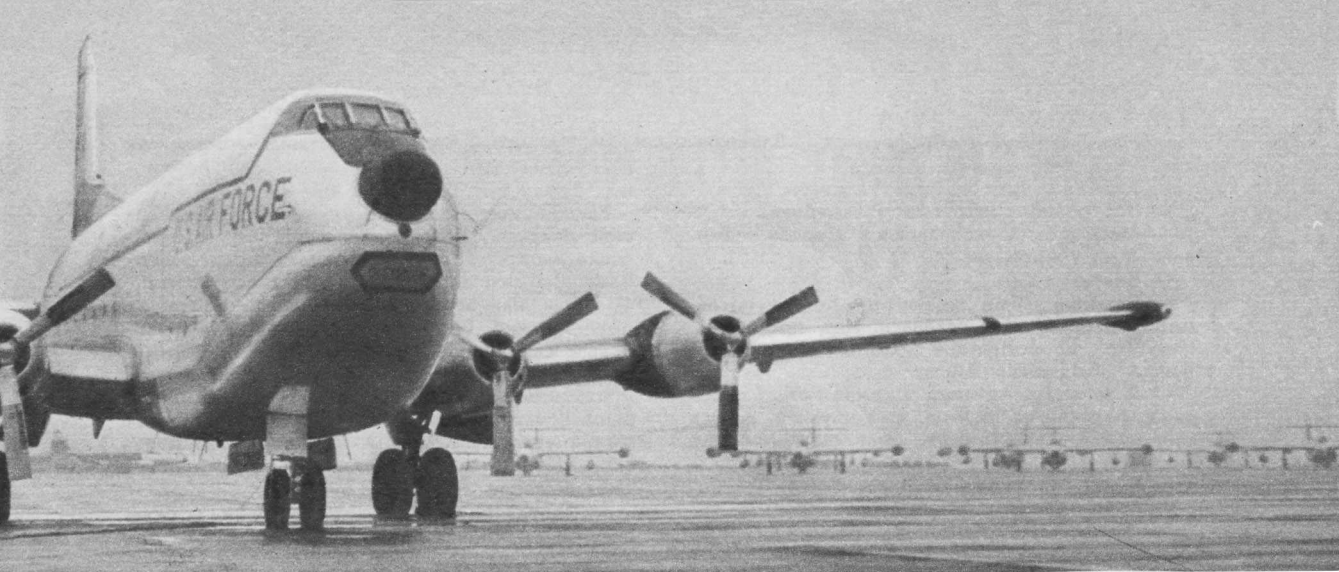
Девушка не ответила, поднялась.

— Пойдемте, поздно уже.

Простившись с ней, Валежников долго стоял на крыльце общежития. «Домыслим!» — усмехнулся он с горечью и припомнил, как накануне, потолковав со свинаркой о туровых опоросах, «домысливал» ее характер.

На другой день он сидел в редакции и грыз ручку. Дважды приходил редактор, прибежал секретарь, и никто не мог уразуметь, что же стряслось с «юбилейным пером».

Воскресный номер вышел без очерка.

←
Круглые сутки на аэродроме стоят готовые к вылету самолеты.

Американцы в Исландии

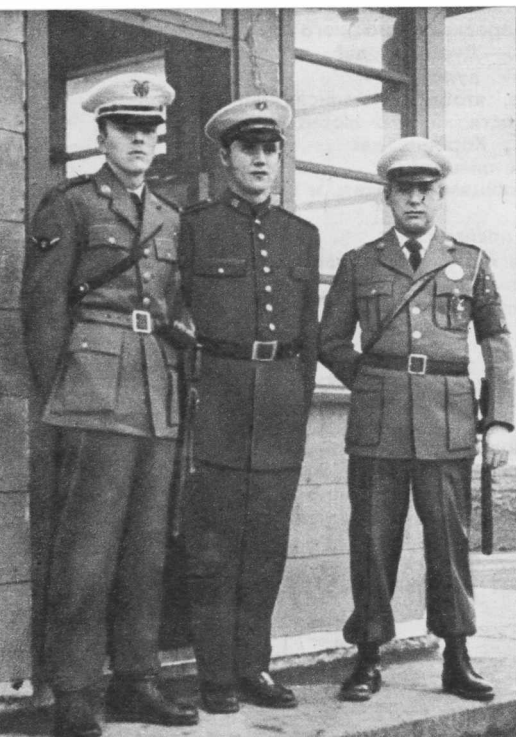
Люциан ВОЛЯНОВСКИЙ,
польский журналист

Фото автора.

Путь в Кефлавик проходит по вулканической пустынной местности: лава — главная составная часть исландской земли. Временами навстречу попадают военные машины или колонны армейских грузовиков, управляемых парнями в меховых куртках... Сворачиваем с главного шоссе и через десять минут останавливаемся у солидной ограды с караульной будкой.

Охрану несут два полицейских из американской «Эйр полис» и один исландский гражданский полицейский. На территории базы много американских магазинов, и военнослужащие, выходящие из Кефлавика, проходят обычный таможенный досмотр во избежание спекуляции американскими товарами. Мой паспорт рассма-

Вход в базу охраняют два американских и один исландский полицейские.

тривается с особой тщательностью: видимо, не каждый день гражданин Польской Народной Республики является сюда с визитом. Плечистый сержант неохотно бросает: «Поезжайте прямо. На маленькой площади около штаба вас будут ждать».

Мы трогаемся, и перед взором изумленного польского репортера вдруг вырастает целый американский город. На улицах одни американцы, надписи только по-английски, полицейские в белых американских шлемах регулируют движение. Останавливаемся перед зданием с вывеской, невольно вызывающей улыбку: «Главный штаб сил, обороняющих Исландию».

Меня встречают двое журналистов из американской газеты «Белый сокол», издающейся здесь же, на базе.

Сначала идет разговор только о сугубо профессиональных делах. Затем темы его расширяются. Культ цифр царит здесь повсюду.

— А знаете ли вы, что на торжествах по случаю открытия поселка гости съели 200 фунтов говядины, 25 галлонов фасоли побостонски, 40 галлонов картофельного салата и выпили 45 ящиков пива и 10 ящиков других напитков?

В таком же статистическом тоне следует описание командующего базой. Бригадный генерал Генри Дж. Торнер имеет шесть футов и налетал 4 600 часов на старом истребителе. Ему 44 года, он женат на Джэн Клэготт, в ней столько-то футов, дюймов и фунтов, дочери Джэн, Маргерит и сын Генри соответственно весят...

В этом поселке, как в капле воды, отражается жизнь маленького американского городка...

На досках объявлений — мно-

жество плакатов и извещений, свидетельствующих, что имеется широкий ассортимент и «духовной пищи». Плакат «Встретимся в церкви!» соседствует с извещением об очередном собрании масонской ложи под председательством капитана Робитшека, который, впрочем, подал в отставку с этого поста, и его замещает майор Честер Хэзельвуд. Раввин воздушных сил Морис Готтлиб сообщает, что он прилетит из «Эндрьюс Эйр Форс баз» в штате Вашингтон, чтобы провести торжественное богослужение, а полевой капеллан Уильям В. О'Коннор в рекламном тоне призывает верующих послушать проповедь. В тексте призыва американская пословица «Если лифт, поднимающий к успеху, не действует, надо идти по ступенькам» переплетается с цитатами из библии.

Телетайпы, связанные непосредственно с Соединенными Штатами, непрерывно выплевывают сообщения о назначениях и перемещениях американских военных: чуть ли не на всем земном шаре. Теми же армейскими новостями полна газета «Белый сокол». Диктор радиостанции, работающей в Кефлавике 24 часа в сутки, вдруг врывается в программу музыки или песен и говорит таким захлебывающимся голосом, что неискушенный слушатель сначала думает, что вот уже «началось»... А между тем сенсационные сообщения посвящены только тому, что «Клуб жен офицеров» торжественно провожал уезжающую в Штаты миссис Уайт, жену прежнего командующего...

Одна сенсация была подана под красноречивым заголовком «Наши новые шишки» и шла из Форта Левис. Как оказалось, там сменилось командование одного из самых больших войсковых центров США, расположенного на площади в 261 тысячу акров в плодородной долине Уакима. Там майор К. Э. Черри (что означает «вишня») заместил майора Осборна Ф. Эппла («яблоко»). Диктор

развивает этот нехитрый юмор, заявляя, что «яблоко созрело для заморской службы и было отсортировано для отправки в Корею».

Разумеется, Кефлавик построен вовсе не для того, чтобы американские солдаты досыта ели за счет американских налогоплательщиков, а господа офицеры встречались в клубе за чашкой чая. Кефлавик — это прежде всего огромная военная база Соединенных Штатов на самом большом (после Англии) острове в северной части Атлантики. 47 тысяч солдат с помощью современного машинного парка строили ее еще во время войны. Но и сейчас день и ночь работают огромные бульдозеры — расширяют аэродромы. Говорят, что общая длина стартовых полос здесь уже достигла свыше 30 км и что однажды ночью тут приземлилось одновременно до тысячи американских бомбардировщиков, перегоняемых в Европу.

Достаточно посмотреть на карту, чтобы убедиться, какое стратегическое значение имеет Кефлавик. Круглые сутки на аэродромах стоят готовые к вылету самолеты. Пехота и танковые подразделения тоже тренируются без устали, словно в любую минуту в Исландии могут высадиться чьи-то войска. Осенние маневры были двусторонними — в них участвовали подразделения «противника», пытавшиеся прорвать «оборону».

В системе военных баз США за границей Кефлавик играет очень важную роль. Густоту баз в этих широтах характеризует хотя бы пример 26-й патрульной эскадрильи: осенью она была перемещена на Кефлавик после того, как находилась сначала на Ньюфаундленде, затем на Лабрадоре, на Баффиновой земле, в Гренландии и т. д. Эта эскадрилья, носящая прозвище «Литтл расклз» («Маленькие шельмы»), гордится тем, что все ее экипажи летали и над Северным полюсом.

Кого может обмануть прочно сколоченная вывеска со словами «оборона Исландии»? Исландцы вполне отдадут себе отчет в подлинной сути дела. Они знают, что их остров, превращенный в стартовую площадку для бомбардировщиков и управляемых снарядов, может в любую минуту превратиться в мишень. Им не хочется, чтобы этот край рыбаков и поэтов оказался втянутым в военный конфликт. Но такая возможность реально существует до тех пор, пока «дядя Сам» будет накапливать на этом скалистом острове бомбы и самолеты.

Вопрос об отказе в гостеприимстве незваным пришельцам из-за океана все время обсуждается в парламенте и прессе Исландии. Дело это не простое: США и Англия располагают весьма весомыми «аргументами» для дальнейшего сохранения военной базы в Исландии.

Правительство Рейкьявика отнюдь не унижается перед командованием базы в Кефлавике. Наоборот! Американской военной полиции приходится выполнять непреложные предписания местных властей. Но зловещая туча, которая нависла над островом, исчезнет лишь с последним солдатом США, покинувшим страну.

Алексей МАРКОВ

Пушинка

Так устали, так устали
Пассажиры, что едва ли
Могут думать друг о друге.
На коленях дремлют руки...

Поздний вечер. И откуда
Появилось это чудо?
Входит девочка-пушинка,
Вся в сияющих снежинках.

Красота

**Судьба тебя не балует —
Другим несет цветы.
Походкою усталою
Проходишь часто ты...**

**В глаза заглянешь милые,
Не выпуская рук,
И кто-то всех счастливее
На свете станет вдруг.**

Балалайка

Эта песня подсказана сердцем...
 Кто, довольный, качнул головой,
 Кто придвинулся ближе
 к армейцам:
 Мол, в метро это слышу впервой!

Ну, а кто отвернулся с ухмылкой,
Ну, а кто не взглянул на солдат
И втянулся в себя, как в бутылку,
Неожиданным звукам не рад:

Дескать, мы не такое видали,
И кому по душе этот вздор!
Балалайка простая едва ли
Может вызвать безмерный
восторг.

Но сияют бойцы молодые,
Не смущаясь насмешливых глаз.
Что ей, песенной нашей России,
До брезгливых гримас!!

Пусть в окна бьется непогода,
И зябко в комнате твоей,
И сожалеешь год от года,
Что ты одна, что нет друзей...

Не верь красивым увереньям,
Что жизнь дается только раз,
Что надобно ловить мгновенье,
Пока возможность есть у нас.

Придет неведомый, желанный,
Тебе лишь суженый одной,
Придет он поздно или рано
И назовет тебя родной!

И нежно волосы погладит,
Утрет слезу губами с глаз...
Не соглашайся, бога ради,
Что жизнь дается только раз.

Лермонтовский грот

Я жду тебя у каменного грота,
Где, может быть, он ждал свою
княжну.
Весь Пятигорск, как с птичьего
полета,
И Эльбруса я вижу седину.

Я жду до лихорадочного зноя,
Я жду до осыпающихся звезд...
Уже рассвет блеснул над
крутизною
И лег на травы радугую слез...

Уже идут монтеры на работу...
Но, как обычно, слову не верна,
Ты не приходишь к каменному
гроту,
Как не пришла к поручику
княжна.

Одуванчики

Дунешь — пухом облетят,
Лишь воспоминание.
...Улица, приморский сад,
Первое свидание.

Вместо письма

**Не помогут теперь сожаленья...
Пусть другим это будет урок!
Помнишь ли, неотступною тенью
Неприметный ходил паренек!
Ничего он не значил такого,
Не дарил он, умеючи, роз.
Он тебя без красивого слова
Отраженьем в глазах своих нес.
И легко тебе было и просто
С угловатым чуть-чуть пареньком,
С ним бродила, забывши, что
поздно,
В опустевшем саду городском.**

Отчего ж предпочла ты
другого —
Разудачника и остряка,
Что в карман не полезет
за словом
И взирает на мир свысока!

...Пусть тебе будут судьи
оградой,
Вертопраха разыщут того...
Я же думаю: «Так вот и надо...»
Только сына мне жаль твоего!

Журавлиный клик

**Не прояснится даль
С утра ни на минуту...
Метет, метет февраль,
Закручивая круто!**

Но слышу все ясней,
Сквозь лающую вьюгу
Весенних журавлей,
Домой летящих с юга.

Мечта

Единственная кукла
Состарилась у дочки,
Поблекла и пожухла,
Состарилась до точки.

**А новую не хочет,
Беседуй не беседуй:
Ложится с нею ночью,
Садится с ней к обеду.**

Но я придумал выход:
Лечиться кукле надо,
Ну, а потом портниха
Ей смастерит наряды.

Но не к врачу иду я,
В универмаг шагаю
И в точности такую
Я куклу покупаю.

Еще пусть верит дочка,
Что с детством не простилась,
Лишь платице в цветочках
На белое сменилось...

Мальчик

**Мальчик вертит головою,
Отвести не в силах глаз:
Реактивный над Москвою...
Лезет в небо верхолаз...**

Дым столбом на тротуаре,
Черный в копоти котел:
В нем асфальт тягучий варят...
Ребятня спешит из школ...

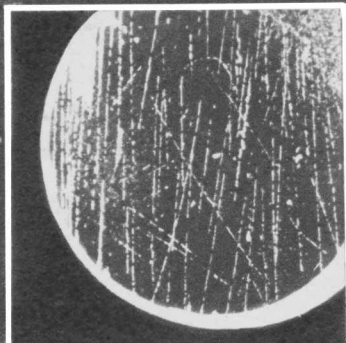
**Мать сынишку за ручонку
Тянет: — Что разинул рот!
Эка невидаль — трехтонка!
Под ноги гляди... Вперед!**

**Не поймет малыш упрямый,
Хоть от злости разорвись:
«Ну куда торопит мама,
Если тут повсюду жизнь?»**

Хлеб

Обедал в тракторной бригаде
Села партийный секретарь...
Собрал в ладонь, на поле глядя,
Все крошки, как крестьяне
встать.

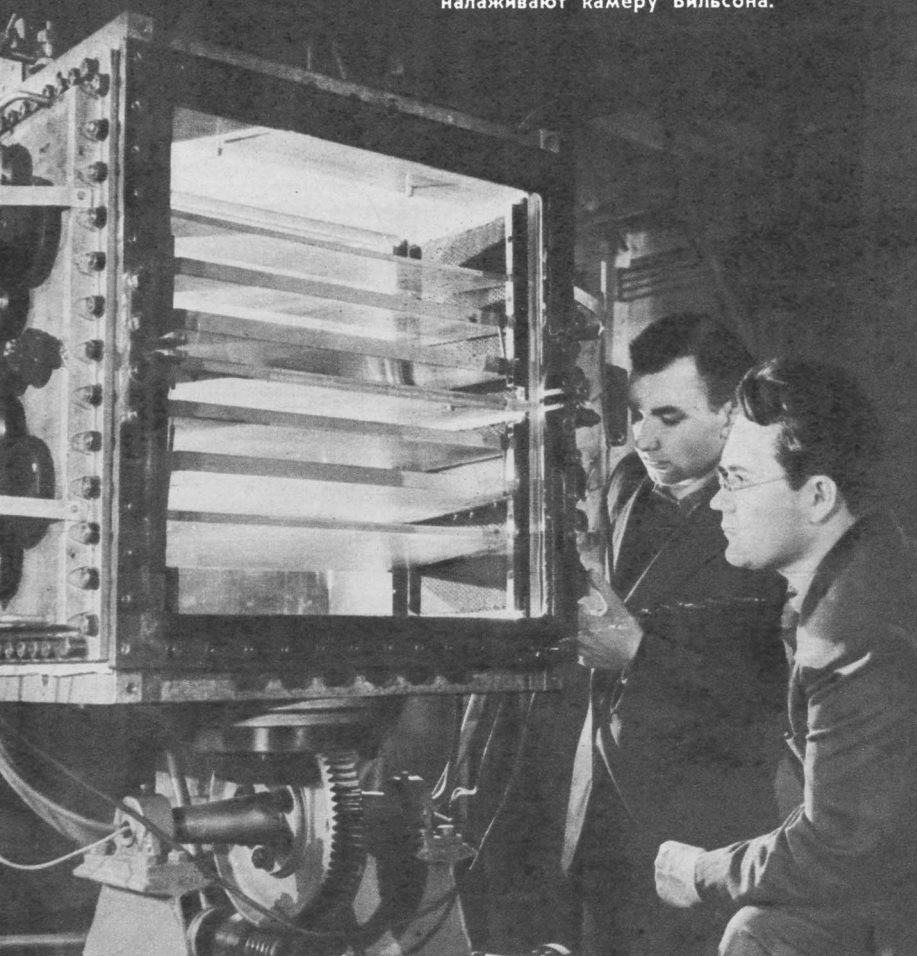
Уж он-то хлебу знает цену...
Оставив в непогодь следы,
Пошел межой вожак бессменный,
Чтоб мы не ведали беды.

Так выглядит большой ливень частиц космических лучей в камере Вильсона.

Лучи из недр Вселенной

С. И. Никольский (справа) и О. И. Довженко налаживают камеру Вильсона.

Первое знакомство

Через большое окно кабинета академика Дмитрия Владимировича Скобельцына, директора Физического института имени П. Н. Лебедева Академии наук СССР, виден двор, заснеженный и скованный морозом. В кабинете тепло и уютно. Дмитрий Владимирович рассказывает об институте, его работе, планах на будущее.

Но как-то невольно хочется прежде узнать побольше о нем самом, о человеке, который идет таким широким жизненным путем...

— С детства, — рассказывает Дмитрий Владимирович, — у меня сохранились живые воспоминания о грозных политических событиях конца прошлого века. Тогда вся Россия была взбудоражена предчувствием больших перемен: волновались рабочие, интеллигенция, студенты... И вот в 1901 году на Казанской площади в Петербурге произошло избивание студенческой демонстрации. Отец мой, только что назначенный профессором физики Петербургского электротехнического института, а также профессор М. А. Шателен вместе с другими учеными и преподавателями выражали протест против действий царского правительства. Они вынуждены были подать в отставку. Впоследствии отец был приглашен профессором физики создаваемого в то время Петербургского политехнического института. На его же место в электротехническом институте был назначен Александр Степанович Попов, изобретатель радио...

Решив посвятить себя физике, Дмитрий Владимирович заканчивает в 1915 году Петербургский университет, а в 1923 году выполняет ряд крупнейших работ в области физики атомного ядра, принесших ему успех и известность далеко за пределами России.

С особой теплотой Дмитрий Владимирович вспоминает о первом «знакомстве» с космическими лучами.

— В наши дни, пожалуй, трудно найти человека, который ничего не слышал о космических лучах, — говорит он, — а в начале века о них не знали даже ученые. Было лишь замечено, что под влиянием каких-то лучей атомы воздуха претерпевают изменения. Высказывалось даже предположение, что в верхних слоях атмосферы находятся радиоактивные вещества, испускающие эти лучи.

Первые работы Дмитрия Владимировича положили начало исследованию «ливней» частиц из космоса. Его ученики продолжили и развили эти исследования. Так родилась новая область науки — физика космических лучей.

С тех пор прошло много лет... Теперь вместе с Дмитрием Владимировичем работают его ученики и сотрудники: член-корреспондент Академии наук СССР С. Н. Вернов, доктора физико-математических наук Н. А. Доб-

ротин, Г. Т. Зацепин и ученики его учеников — доктора физико-математических наук Г. Б. Жданов и И. Л. Розенталь, кандидаты физико-математических наук Л. В. Курносова, С. И. Никольский, А. Е. Чудаков и научные «внуки» и «правнуки» Дмитрия Владимировича... Лабораторией космических лучей, которой в течение многих лет руководил академик, в настоящее время заведует Николай Алексеевич Добротин.

— Смотрите не разочаруйтесь, — напутствует нас Д. В. Скобельцын, когда мы говорим о своем желании побывать в лаборатории.

Как увидеть невидимое!

Целый ряд больших, средних и совсем маленьких комнат, флигели во дворе — все это лаборатория космических лучей. Ее филиалы находятся под Москвой, на Памире, в стратосфере и даже, можно сказать, в межзвездном пространстве...

Флигель во дворе. Посредине небольшой комнаты, занимая почти все ее «жизненное пространство», стоит один из важнейших приборов для исследования космических лучей. Это большая камера Вильсона. Таких крупных приборов считанное количество во всем мире. В подобной камере, только гораздо меньших размеров, Дмитрий Владимирович Скобельцын впервые увидел след незнакомой частицы космических лучей.

Заглянем через защитный кожух внутрь камеры. На вид это просто стеклянный сосуд с рядом полочек из свинца. Каким же образом удается разглядеть в нем частицы, которые невозможно увидеть ни в один микроскоп и которые летят в сотни тысяч раз быстрее, чем пуля или снаряд?

Самих частиц и не увидишь. Можно заметить лишь туманный след, который оставляет частица, пролетая в камере через пересыщенные пары воды и спирта. Этот-то «портрет-след» и фиксирует кинокамера.

А для чего нужны свинцовые пластинки в камере? Для того, чтобы измерить энергию этих частиц. Попав в свинец, частица космических лучей дробит, взрывает ядра атомов металла, рождает целые потоки новых частиц, растратив на это всю свою энергию. Ясно, что чем их больше, тем большей энергией обладала «родившая» их частица.

Однако это не единственный способ, которым ученые измеряют энергию частиц, движущихся со скоростями, практически равными скорости света. Дмитрий Владимирович придумал другой, очень остроумный метод. Он поместил камеру Вильсона между полюсами магнита и стал измерять энергию частицы по искривлению ее пути в магнитном поле. Этот способ широко вошел в практику физиков всего мира. Камеру Вильсона с магнитным полем можно встретить почти в

каждой лаборатории космических лучей и ядерной физики. На Памире установлены две камеры Вильсона с электромагнитами весом в 75 тонн.

— Но из космического пространства,—говорит Николай Алексеевич Добротин,—появляются частицы с такими колоссальными энергиями, что даже самое сильное магнитное поле неспособно отклонить их с прямого пути, что, даже пробив большую толщу свинца, частицы все еще не до конца растрачивают свою энергию...

Как же быть?..

Большое для малого

Перейдем в соседнюю комнату. Отсюда еще не убраны леса и строительный мусор. Рабочие сооружают необычный прибор, который инженеры группы кандидата физико-математических наук А. Е. Чудакова называют просто «баком». Чтобы заглянуть в него, надо взобраться по лесенке на второй этаж. Это огромный металлический конус со срезанной верхушкой, в который скоро нальют сто тонн тщательно дистиллированной воды. Просто не верится, что необходимо такое огромное сооружение для определения энергии какой-то ничтожной частички! Нам объясняют, что если сделать бак поменьше, то частица может и не попасть в него. Вот почему бак так велик...

Есть и другая причина, она связана с принципом действия этого прибора.

Бак — огромный счетчик. В нем используется замечательное открытие советских физиков: покойного президента Академии наук СССР академика С. И. Вавилова, первого директора ФИАН, и доктора физико-математических наук П. А. Черенкова, и поныне работающего в одной из лабораторий института. Они открыли, что если заряженная частица пролетает в воде, воздухе, пластмассе или другой прозрачной среде со скоростью, большей, чем скорость света в этой же среде, то она вызывает свечение. А. Е. Чудаков решил сделать бак настолько большим, чтобы частица космических лучей, пролетая через него, растратила в нем всю свою энергию на рождение новых частиц, которые и вызовут свечение. И тогда, измеряя интенсивность свечения специальными приборами — фотоумножителями,—можно определить энергию влетевшей в бак частицы.

В лаборатории космических лучей нам еще не раз придется столкнуться с черенковскими счетчиками самых разнообразных конструкций, но такого грандиозного не увидишь нигде. Он пока единственный в мире.

На крыше мира

...Вблизи высочайших вершин Восточного Памира, в семнадцати километрах от озера Ранг-Куль, около которого расположено «пещера сокровищ» Мата-Таш, находится большое здание Памирской станции и разбиты полевые лаборатории экспедиции физиков. Здесь не замирает научная жизнь: проводятся семинары, аккуратно идут дежурства в домиках-лабораториях.

Обслуживание разнообразных приборов требует от участников экспедиции самой широкой подготовки. Они должны быть искушены не только в науке о космических лучах, но и в оптике, радиотехнике, автоматике, фотографии. А руководитель группы широких атмосферных ливней лаборатории космических лучей доктор физико-математических наук Георгий Тимофеевич Зацепин — один из самых талантливых учеников Скобельцына, с которым его связывает давняя личная дружба,—в первые годы существования Памирской базы являлся и «домашним врачом» экспедиции. Он с успехом вправлял вывихи, вытаскивал из глаз соринки и даже, пользуясь справочником, лечил воспаление легких...

Сейчас лаборатория на Памире имеет прекрасные помещения с водопроводом и автоматической телефонной станцией, а к услугам штатного врача — первоклассное оборудование.

Один из домиков на Памире занимает прибор с непонятным названием «годоскоп». Что это такое?

Ливни частиц космических лучей иногда распространяются на несколько километров, и, чтобы определить, из каких и из скольких частиц они состоят, необходимо большое количество счетчиков. Разобраться в их показаниях было бы просто невозможно, если бы ученые не применили остроумный метод...

...На столе стоит прибор, передняя панель которого сплошь усеяна нумерованными глазками перелигивающихся красноватых лампочек.

— Смотрите! Загорелась пятая лампочка, значит, частица прошла через пятый счетчик. А вот сработал десятый, третий, восьмой...

Панель с лампочками и остроумным радиотехническим устройством вместе со счетчиками образуют годоскоп — систему для определения путей частиц ливня. За мигающими лампочками, конечно, не уследишь. Да это и не нужно. Смена «годоскопических картин» фиксируется на киноплентке, так что наглядно видно распределение частиц в ливне.

В некоторых работах советских ученых были использованы годоскопы с тысячами счетчиков. Когда Н. А. Добротин несколько лет назад впервые рассказал об этих опытах известному исследователю ливней космических лучей, французскому ученому Оже, тот трижды переспросил, чтобы убедиться, что не ослышался. Ведь в зарубежных лабораториях большими считаются годоскопы всего на несколько десятков счетчиков.

Еще десять лет назад и у нас использовали годоскопы в основном с электронными лампами — громоздкие «поедающие» большое количество энергии. Но вот инженер лаборатории космических лучей Л. Н. Кораблев предложил применить вместо электронных ламп лампы с холодным катодом, использующие явление газового разряда. Эти лампочки настолько легки и экономичны, что блок, содержащий 20 ламп, весит всего 225 граммов и имеет размеры детского пенала. Полторы тысячи таких лампочек потребляют столько же электроэнергии, сколько обычная 25-ваттная электрическая лампа. Годоскоп системы Л. Н. Кораблева будет демон-

стрироваться на Всемирной выставке в Брюсселе.

Глубокая разведка

Снова Москва. Мы в комнате, напоминающей медицинскую лабораторию. На столах расставлены микроскопы и коробки с исследуемыми образцами. Что так внимательно разглядывают лаборанты, что они записывают время от времени?

Заглянем и мы в микроскоп. В поле зрения — в слое эмульсии, заменяющей фотопластинку, — множество темных крупинки. Одни из них сливаются в сплошную линию, другие разбросаны без всякого порядка. Плавное поворачиваем винт фокусировки микроскопа...

После первых минут неразберихи начинаешь различать следы, расходящиеся из одной точки в разные стороны; тут толстые и коротенькие, длинные и как бы намеченные пунктиром... Что это?

— Вам повезло,—говорит доктор физико-математических наук Георгий Борисович Жданов.— Перед вами «звезда» — результат прямого попадания частицы космических лучей в ядро атома эмульсии. Взрывающаяся ядро частица в микромире — снаряд огромной разрушительной силы. Энергия ее иногда в десятки и сотни раз превосходит энергию, передаваемую осколком ядер атома при взрыве атомной бомбы.

Самое интересное и важное, что при взрыве ядро атома не просто разлетается на свои составные части. В этом процессе рождаются новые, неустойчивые, самопроизвольно распадающиеся частицы, так называемые мезоны. Таким образом, космические лучи используются для глубокой разведки атомных ядер.

Вот в слое фотозэмульсии короткий и толстый след, его могла оставить только тяжелая и медленная частица. А этот длинный, пунктирный принадлежит легкой и быстрой частице. Лаборант должен измерить длину следа, угол, под которым разлетелись осколки ядра и вновь рожденные частицы. А это позволит рассчитать массу, энергию, скорость частицы — виновницы ядерной «катастрофы». Сколько обнаружено взрывов, столько и расчетов. Долгий, кропотливый труд! И здесь на помощь человеку пришла электронно-счетная машина. Соединенная с микроскопом, она записывает и обрабатывает результаты измерений. Эта замечательная установка намного облегчает работу лаборанта.

...К полету в стратосферу подготовлены слои специальной фотозэмульсии большой чувствительности. Они помещаются в круглые большие коробки с завинчивающимися крышками. Когда коробки вернутся из высотного путешествия, вся толща фотозэмульсии будет разделена на тонкие слои и роздана многим лабораториям, занимающимся «чтением» таких ядерных фотографий. ФИАН работает в сотрудничестве с учеными Польши, Венгрии, Чехословакии, Англии, Италии, в контакте с видным английским ученым Поуэллом — лауреатом Нобелевской премии, польским ученым Данишем — вице-директором Объединенного института ядерных исследований...

Прежде чем уйти из этой ла-

Этот бак — гигантский счетчик частиц космических лучей.

боратории, заглянем в соседнюю комнату. Там идет семинар. Слышен голос академика Скобельцына. Обсуждается интересный случай рождения новых частиц, происшедший при облучении фотозэмульсии в стратосфере. Академик говорит, что хотя результаты опыта и совпадают с предсказанием теории, однако к этому надо относиться очень осторожно. Надо еще не один раз доказать, что совпадение не случайно...

Не будем мешать и тихонько закроем дверь...

К истокам лучей

Осенью прошлого года в Барселоне проходил Международный конгресс астрономов. Оргкомитет конгресса в порядке шуток, но уже близкой к действительности, роздал всем делегатам специальные паспорта для участия в первом полете на Луну.

Такой паспорт получила и сотрудница лаборатории, кандидат физико-математических наук Лидия Васильевна Курносова, выступавшая на конгрессе с докладом, посвященным исследованию космических лучей с помощью искусственных спутников Земли.

...Мы в небольшой комнате, буквально набитой приборами. Одни из них упряты в футляры, похожие на патефоны; другие смотрят выпуклыми экранами и напоминают телевизоры. Здесь группа научных сотрудников и инженеров лаборатории под руководством ученика и соратника Дмитрия Владимировича, члена-корреспондента АН СССР С. Н. Вернова, исследует состав космических лучей в стратосфере.

Поднимая аппаратуру на вершины гор и еще выше — в стратосферу, ученые обнаружили, что состав космических лучей там иной, чем на поверхности Земли.

— Больше всего там ядер ато-

— Вставим черенковский счетчик на место, и аппаратура готова к полету в стратосферу, — говорит Л. В. Курносова.

мов водорода — протонов, — рассказывает Лидия Васильевна, — меньше ядер атомов гелия и совсем мало ядер атомов более тяжелых элементов: углерода, кислорода, азота, железа. Обнаружено и ничтожное количество ядер атомов легких элементов: лития, бериллия и бора. Так мы узнали, что в составе космических лучей встречаются ядра атомов тех же элементов, которые имеются на Земле, на Солнце и в звездах.

Для выяснения природы частиц первичного излучения, — продолжает она, — можно воспользоваться черенковским счетчиком, который мы поднимаем в стратосферу на шарах-зондах, стратостатах, ракетах. Вот этот счетчик.

Лидия Васильевна взяла со стола небольшой стеклянный конус, величиной с обыкновенный стакан. В этом приборе совмещены и счетчик и фотоумножитель. Импульсы тока, зависящие от заряда частицы, преобразуются в сигналы, которые могут быть переданы на Землю по радио.

Еще в 1932 году С. Н. Вернов разработал систему телеметрии — передачи показаний приборов по радио, — пригодную для установки на шарах-зондах. Сходная система и теперь применяется на ракетах и искусственных спутниках Земли.

— На будущих искусственных спутниках обязательно полетят черенковские счетчики, похожие на те, которые вы только что видели.

А такие приборчики уже летают в межзвездном пространстве на втором спутнике, — говорит Лидия Васильевна и протягивает несколько маленьких «сигарок». Эти счетчики не определяют, какая частица залетела в них, но зато добросовестно ведут им счет. Подобные «труженики» вместе со спутником успевали за полтора часа облететь вокруг земного шара и подсчитать частицы космических лучей, летящие из бездн Вселенной. За следующие обороты они повторяли свои подсчеты и таким образом собирали совершенно уникальные сведения.

С уважением берешь в руки хрупкую трубочку счетчика. Его металлическая поверхность ребристая. Это предохраняет от повреждений. Электрические импульсы от счетчиков попадают в специальную схему, которая подсчитывает их. Результат подсчета передается на Землю по радио.

Миниатюрные счетчики проработали на втором спутнике семь дней и помогли установить изменение интенсивности космических лучей во времени. Теперь можно сопоставить полученные результаты с различными астрономическими явлениями, происходившими в это же время на Солнце. Все эти

наблюдения помогут открыть тайну происхождения космических лучей.

Найденный мир

Совершив «путешествие» в мир космических лучей, мы снова в кабинете одного из его первооткрывателей — академика Д. В. Скобельцына.

— Как видите, несколько десятилетий, минувших после первого знакомства с космическими лучами, не прошли даром, — говорит Дмитрий Владимирович. — Теперь мы обладаем достаточными сведениями о «биографии» этих лучей, об их составе, можем с большой достоверностью судить об их происхождении. От космических лучей — посланцев далеких миров — мы можем кое-что узнать об этих пока неведомых «землях».

За минувшие годы далеко ушла вперед и техника эксперимента. Современные камеры Вильсона, ионизационные камеры, годоскопы, черенковские счетчики — от самых малых до гигантских — позволяют изучать частицы космических лучей с различных сторон: определять их энергию, массу, заряд, характер распространения и взаимодействия с другими частицами. Здесь область космических лучей смыкается с ядерной физикой.

Мы не только изучаем космические лучи и их происхождение, но и пользуемся ими как «хирургическим скальпелем», препарирующим атомные ядра и позволяющим нам глубоко проникнуть в тайны рождения новых частиц и в процессы, происходящие при самых больших энергиях, которые только встречаются в природе. Подобные процессы вы видели запечатленными в фотоэмульсиях.

— Дмитрий Владимирович, но зачем для изучения строения атомных ядер надо подвергать их обстрелу космическими лучами? Ведь можно поехать в Дубну, где работает мощный синхрофазо-

трон — ускоритель заряженных частиц, и подставить фотоэмульсию под поток этих искусственных космических частиц?

— Это мы тоже делаем, — говорит академик Д. В. Скобельцын, — но синхрофазотрон не дает частиц с энергиями, которыми обладают некоторые частицы космических лучей. Уже сейчас мы имеем сведения о таких частицах космических лучей, которые несут энергии, в сотни миллионов раз большие, чем те, которые получаются искусственно. Построить же ускорители для получения таких энергий невозможно, по крайней мере в ближайшее время. Поэтому мы не собираемся отказываться от использования космических просторов Вселенной, этого источника, непрерывно снабжающего Землю частицами исключительно высокой энергии.

Можно сказать без преувеличения, что частицы космических лучей являются мощным инструментом для познания природы. Вспомните, например, что при исследовании космических лучей недавно было сделано одно из самых замечательных открытий в физике — обнаружено целое семейство неизвестных ранее и совершенно удивительных по своим свойствам «элементарных» частиц вещества. Эти лучи-разведчики откроют человеку еще не одну тайну строения материи, — заключает Дмитрий Владимирович.

Паспорт на Луну, выданный Л. В. Курносовой.

Два стихотворения

Нурдин МУЗАЕВ

ПЕСНЯ МОЯ

Призрачных красок она не искала
И обходила хмельную ложь,
Тленья болотного избегала,
С верной дороги ее не собьешь.

Любит цветенье, не увяданье,
Близость могил не терпит она,
Нет у песни моей состраданья
К тем, чья душа ничтожна, темна.

Грохот моторов — ее стихия.
Лавы и стали поток живой,
Шелест знамен и толпы людские
Песню мою вели за собой.

И колыбелью буря была ей,
Песня моя для борьбы рождена,
Пламя свое для борьбы сберегая,
В пути сорняки сжигала она.

СОСЕД

Я вижу пламя алое заката
Над этими холмами Сюй-Курты.
Под ветерком осенние листья
Дрожат, и сумерки голубоваты.

И, тишину мечты моей прервав,
Ко мне сосед Салман вдруг постучался.
Что с ним? Он долго медлил и смущался.
— Иду с работы.
— Отдохни сперва!

В комбинезоне синем он стоял,
Привычный запах нефти в дом принес он,
И я не задавал ему вопросов,
Пока он так задумчиво молчал.

И, пальцами руки своей шершавой
Играя, долго шапку он крутил
И басом наконец заговорил:
— Не заслужил я, может, этой славы.

Ты знаешь, друг, я тоже награжден,
Награду мне почетную вручили,
Друзья с такою теплотой хвалили,
Что я, признаюсь, даже был смущен!

Он улыбается, кладет на стол
Листок бумаги, золотом тисненый,
Где профиль Ленина, как солнце, цвел,
Лучами радостными озаренный.

Я посмотрел ему в глаза, как брат,
Обнял его, подумал в то мгновенье:
Труд, словно песня, может быть крылат,
Когда его рождает вдохновенье.

Перевел с чеченского
С. ОЛЕНДЕР.

В. С. Климашин. ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ ХАН СЕР Я.

«Огонек».

Корейские зарисовки

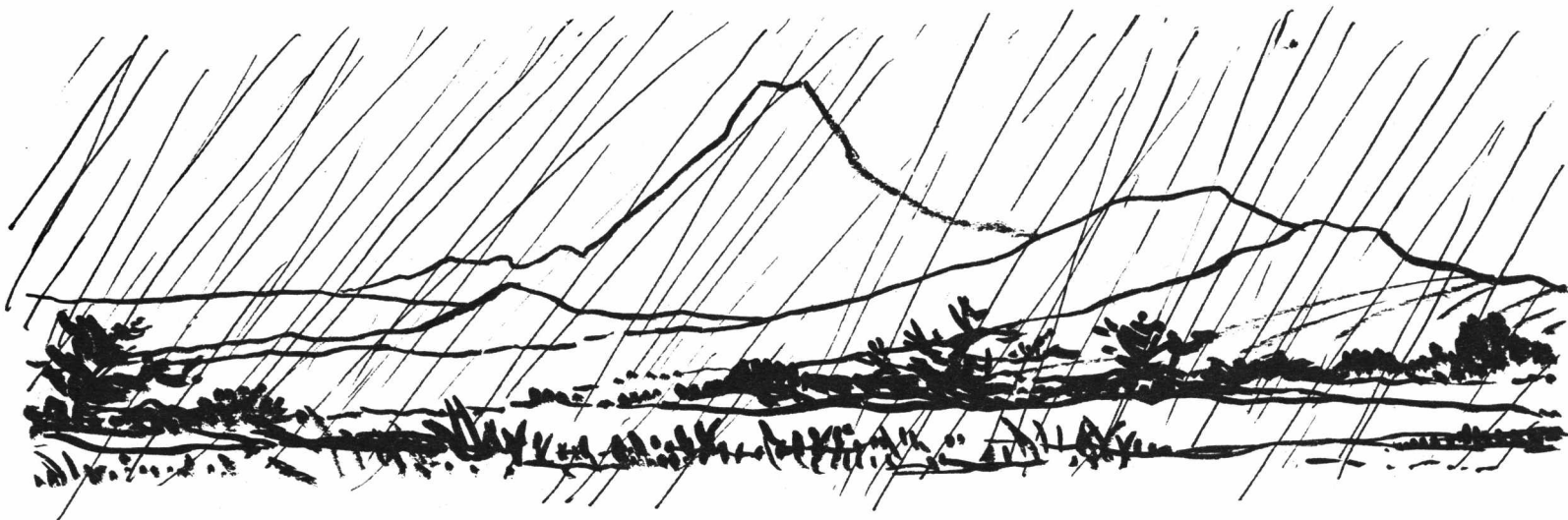
В. С. Климашин. ТЕПЛЫЙ ВЕЧЕР.

В. С. Климашин. МОСТ СУНДЗЮКЭ. КЭСОН.

В. С. Климашин. ПОРТРЕТ КОРЕЙСКОГО ДРУГА.

СЛАБЫЙ ПОБЕГ ТРОСТНИКА

Тацудзо ИСИКАВА

Рисунки А. КОКОРИНА.

Перед выходом на учения командир полка прочитал наставление.

Батальон, выстроившись на плацу перед казармой, выглядел так, будто солдаты и в самом деле готовились к настоящему бою. Все были в полной походной форме, с маскировочными сетками поверх шлемов, каждый получил трехдневный запас продовольствия, некоторые вели на поводу лошадей. Тут же виднелись тяжелые и легкие пулеметы, ящики с гранатами, рядом стояли связисты с мотками телефонной проволоки на спине. Небо, как это часто бывает в начале зимы, сияло голубизной, погода для учений была отличная. Командир полка стоял на трибуне, воздвигнутой перед входом в казарму. Справа от него находился заместитель командира полка, слева — командир батальона.

— ...В настоящее время дипломатические отношения между Японией и Америкой близки к полному разрыву, — говорил полковник. — Переговоры, которые еще продолжают, можно считать почти безнадежными. Произвол и бесчинства Америки на Дальнем Востоке перешли все пределы; политика, которую вот уже четыре с лишним года ведет наша страна по отношению к Китаю, встречает непреодолимые затруднения...

Высокий, худощавый полковник левой рукой сжимал эфес сабли, правой, в белой перчатке, уперся в бок, выпятив грудь, украшенную рядами орденов и ленточек. Позади него, на карнизе подъезда, чиркали и возлились воробьи. Около тысячи солдат застыли в шеренгах с неподвижными, ничего не выражавшими лицами; впрочем, у них и не было права на проявление эмоций... Голос полковника лился поверх неподвижных голов точно, как вода в реке, перекачиваемая через отмель, струится по бесчисленным камешкам...

— ...Искоренение англо-американского влияния на Дальнем Востоке является давним стремлением нашей страны. Ныне этот час приблизился. Полагаю, что в скором времени вы тоже получите приказ выступить на передовую. Долг, возложенный на всех вас, поистине велик.

Слова полковника по своей интонации чем-то напоминали известные речи премьер-министра Тодзё. Среди армейских руководителей вошло теперь в моду говорить, подражая Тодзё, слегка растягивая слова и употребляя напыщенные, патетические выражения.

— ...Как вам всем хорошо известно, наш тридцатый четвертый полк, продолжая славные традиции бога войны подполковника Татибана, сохранил и приумножил славу неустранимых сынов гор. Учения, в которых вам пред-

Тацудзо Исикава, прогрессивный современный писатель Японии, родился в 1905 году. Его перу принадлежат романы «Обездоленные», «Живые солдаты», «В грязи» и другие. Ниже печатается отрывок из романа «Тростник под ветром» (1952 год).

стоит участвовать на этой неделе, считайте настоящими боями. Покажите закалку, которую вы приобрели в казармах. Командование полка от всего сердца желает всему личному составу батальона вернуться в расположение полка с блестящими успехами. Я кончил.

Прозвучала команда, и батальон рота за ротой двинулся вперед. Во дворе стоял бронзовый бюст — памятник «богу войны» подполковнику Татибана. Солдаты торжественным маршем прошли мимо постаментов, на котором был установлен бюст. Заросшее бородой суровое лицо, лицо офицера, умершего почти сорок лет назад...

И прежде всего взять Шоушаньпо! — В ночной тишине раздается приказ. И полк Сидзуока идет впереди, Батальон Татибана в первых рядах.

Старинная, с детских лет знакомая военная песня... Солдаты караула, выстроившись, смотрели вслед уходящему батальону. Выйдя за крепостную стену, батальон двинулся вдоль рва в город. От ветра по воде гуляли барашки. Тайскэ Асидзава с винтовкой через

плечо шагал в шеренгах второй роты. Два с половиной месяца усиленной физической тренировки постепенно закалили его тело, но душа с каждым днем все больше погружалась в оцепенение.

Он шагал по пыльной дороге, опустив глаза в землю. Когда тело включалось в это механическое движение, сознание вяло, неохотно отзывалось на внешние раздражения, но само, по собственному побуждению, не реагировало на окружающую обстановку. Командир полка твердил в своей речи о высоких идеалах империи, но у солдата Асидзава были безжалостно отняты все его стремления и идеалы. А человек, утративший идеалы, становится автоматом... На станции Сидзуока солдаты прошли на товарную платформу и разместились в воинском эшелоне. Пока шла погрузка людей, лошадей и орудий, наступил полдень. На обед съели по нескольку галет и залили водой. Глотая воду, Тайскэ почему-то вспомнил об Иоко. Состав тронулся.

Поезд бежал на восток вдоль залива Суруга. В окнах вагона то появлялись, то исчезали белоснежный пик Фудзи и лиловая вершина горы Аситака; показалось местечко Сэмбому-бара, бухта Киёми. Солдаты, тесно заполнившие вагон, в полголоса распевали песни, смеялись, спорили, дремали. О завтрашнем дне никто не думал. В отличие от жителей Токио и Осаки, в отличие от студентов, вроде Кунио и его друзей, то есть от тех, кому не надо было завтра же идти на войну и кто, тем не менее, волновался и приходил в крайнее возбуждение при мысли о том, что война не за горами, солдаты вовсе не думали ни о чем подобном.

Скорее, наоборот, война представлялась им чем-то довольно далеким. Солдат куда больше интересовало, долгий или короткий будет сегодня отдых, даст ли каптенармус рисовые плюшки на ужин и как ухитриться прожить сегодняшний день без побоев. Эти мелкие насущные заботы целиком заполняли их головы. Слишком мало оставалось у них досуга, чтобы подумать хотя бы о собственных женах. Когда после отбоя солдаты валились на койки, они засыпали прежде, чем успевали о ком-либо вспомнить.

Поезд прогромычал по длинному железнодорожному мосту через реку Фудзи-гава. Тайскэ стоял у окна, положив заплатанные локти на оконную раму, и смотрел на проплывавший мимо пейзаж, не принимая участия в болтовне и смехе. Он чувствовал себя совершенно одиноким.

Командир отделения Хиросэ ни разу не назначал его дежурным у проходной будки,

не ставил его часовым к складу боеприпасов, ничего не поручал ему делать за пределами расположения полка. Унтер считал Тайскэ опасной, подозрительной личностью. А опасной личности нельзя было доверить ответственное задание. Если послать его за ворота казарм, он, чего доброго, ухитрится «установить контакт» со своими «единомышленниками»... Прошло восемь лет с тех пор, как Тайскэ исключили из университета за участие в революционном движении, но еще и сегодня нельзя было ослаблять ни на минуту строжайший надзор за солдатом Асидзава. По мере того, как назревала опасность войны с Америкой, унтер все больше и больше придирался к Тайскэ. Каждый вечер, в восемь часов, Тайскэ должен был являться в комнату, где жили Хиросэ и другие унтер-офицеры. Среди книг на столе Хиросэ лежал блокнот.

— Господин унтер-офицер, солдат второго разряда Асидзава по вашему приказанию прибыл! — стоя навтыжку, рапортовал Тайскэ, и тогда Хиросэ, не прерывая грубоватой веселой болтовни с друзьями, бросал этот блокнот на стол перед Тайскэ.

Тайскэ садился за стол и записывал все свои мысли за истекший день. В стандартных, казенных выражениях он писал о храбрости, переполняющей его душу, о своей готовности умереть за империю. Закончив, он робко протягивал написанное унтеру. Хиросэ быстро пробежал глазами страницы и ласково улыбался.

— Да ты что, шутки вздумал шутить, что ли? — говорил он. — Никакие это не твои мысли, а просто лозунги с агитационных плакатов. Такие слова хоть миллион раз пиши, я и смотреть на них не хочу! Ишь, врал проклятый! Пиши откровенно, что думаешь на самом деле, все пиши, без утайки! А то ведь ты каждый день, и вчера и позавчера, пишешь все одно и то же! Вот, например, сегодня утром был тебе от меня нагоняй? Был. Поди, разозлился? Наверное, в душе проклинал армию? Вот об этом и пиши, слышишь? Перепиши все это заново!

Но, несмотря на приказание Хиросэ, писать откровенно было нельзя. Если бы Тайскэ написал все, что у него на душе, его положение еще больше ухудшилось. Хиросэ приказывал ему записывать свои мысли... Эти мысли терзали Тайскэ каждую ночь, а каждый день в казарме был для него пыткой. «Уж лучше поскорее попасть на фронт, под огонь и град пуль», — думал Тайскэ. На фронте ему, безусловно, будет легче дышать... Кое-как подбирая фразы, одну нелепее другой, он заканчивал очередное «признание» за день, и тогда Хиросэ протягивал ему кусок пирога из бобового теста или какое-нибудь другое угощение.

— Ладно, ладно! Ты становишься хорошим солдатом. Ну-ну, старайся хорошенько! — угрожающе-ласково говорил он и отсылал Тайскэ обратно в казарму.

И не раз бывало, что Тайскэ, взрослый человек, украдкой плакал, лежа на своей одинокой койке...

Вершина Фудзи заполнила собой все окно. На склонах, близ селения Нанагомэ, клубилась пелена облаков. Рядом с Тайскэ на скамейке сидел Уруки, тоже солдат второго разряда, и, обняв винтовку, дремал. Уруки спал рядом с Тайскэ в казарме и потому считался его «боевым другом». В прошлом корреспондент одной из токийских газет, Уруки тоже был призван из запаса.

Если молодые солдаты, проявляя завидную смекалку и расторопность, лезли из кожи вон, стараясь заслужить похвалу начальства, то солдат второго разряда Уруки и пальцем не шевелил без прямого на то приказа. Он, как положено, отдавал честь начальству, но в душе нисколько не уважал командиров. Меньше всего он заботился выслужиться, получить повышение. Уруки придерживался «пассивной позиции». Чуть только выдавалась свободная минута, он немедленно засыпал.

— Надо беречь здоровье, — говорил он. — Надорвешься — толку от этого будет мало.

Случалось, его били по щекам подошвой казарменной обуви¹ или по тридцать минут

заставляли держать винтовку «на караул». Уруки все сносил, улыбаясь. Это был человек неиссякаемой душевной силы.

— Опять избили... В третий раз со вчерашнего дня. Скоро у меня морда станет дубленая! — только и говорил он при этом.

Уруки был неуязвим. Никакие, даже самые тяжелые испытания не способны были поранить твердую эту душу.

Вчера унтер Хиросэ на чем свет стоит изругал Уруки за плохо вычищенное оружие и заставил без конца отвешивать поклоны перед винтовкой — в знак извинения.

— Виноват, ваше благородие, винтовка образца «38»! Я очень провинился перед вами, ваше благородие, винтовка образца «38»! — должен был повторять Уруки при каждом поклоне.

Тайскэ тоже порядком досталось. Унтер решил, что он недостаточно хорошо вычистил ботинки, и Тайскэ было приказано вылизывать языком подошвы. У него набился полный рот грязи. Когда Тайскэ в отчаянии наконец добрался до своей койки, Уруки, пришивавший пуговицу к нижней рубашке, сказал ему:

— Знаешь что, приятель, ты совсем неправильную линию держишь! Да разве же можно принимать все это всерьез? Военная служба — тот же театр. Считай, что ты участвуешь в спектакле, и тогда ко всему будешь относиться спокойно. Говори для порядка слова, какие положено, ну, а они по ходу действия будут, когда надо, тебя лупить... Вот и все. А этак ты долго не выдержишь.

Близость друга помогала Тайскэ кое-как сносить казарменную жизнь. Да, в юности он много думал об идеалах, законах, о революционном движении и тому подобных возвышенных вещах, но, в сущности, вся его жизнь до сих пор была благополучной, она изнежила его. Теперь, когда он попал в армию, его слабость обнаружилась в полной мере. У Тайскэ не было силы, чтобы противостоять враждебной среде, он не обладал достаточной душевной закалкой, чтобы выносить ежедневные оскорбления...

Уруки дремлет, небритое лицо его безмятежно. Его сердце не знает страданий, и он способен дремать и спать в любой обстановке...

Когда они прибыли в Нумадзу, вершина Фудзи уже подернулась мглой; отсюда эшелон повернул на север. На станции Годэндзэ — в пункте их назначения — сгустились ранние зимние сумерки. Было уже совсем темно.

В Годэндзэ имелась специально оборудованная воинская платформа, были даже краны для подъема и выгрузки орудий.

Батальон построился в темноте, солдаты снова надели тяжелое, весом добрых двадцать килограммов, снаряжение и двинулись вперед. За ярко освещенным привокзальным проспектом потянулись узкие, темные улицы. Вскоре улицы кончились, городок незаметно превратился в деревню с редкими, разбросанными там и сям крестьянскими хижинами.

До барачков в пункте Итадзума, где им предстояло заночевать, нужно было идти пять километров по дороге, усыпанной вулканическим пеплом и гравием. Ночной горный ветер, гулявший по обширному плато у подножия Фудзи, ледяным холодом резал вспотевшие лица. По обеим сторонам дороги черной стеной стоял лес. Слитная поступь солдат будила в лесной тишине тяжкое эхо.

Там, где горный хребет Фудзи и Аситака длинным пологим склоном простирается на восток, на много миль тянулось высокогорное плато, покрытое коричнево-черной вулканической галькой, сплошь заросшее густым подлеском, травами и кустарником. Начиная с эпохи Мэйдзи и вплоть до эпохи Сёва не один десяток тысяч молодых японцев, став солдатами, топтал землю этого плато. На горизонте волнистой равнины, где не на чем было остановиться взору, тонула в дымке далекая горная цепь Хаконэ. Время от времени ветер приносил ключья облаков, покрывавших вершину Фудзи, и тогда заросли бамбука хлестали холодный проливной дождь.

На краю этого обширного естественного учебного плаца были построены в некотором отдалении друг от друга три военных городка: в Такигахара, в Итадзума и в Комакадо. Когда батальон достиг Итадзума, было уже семь часов вечера, в небе висел узкий зябнущий серп луны.

Солдаты вошли в ворота военного городка, окруженного насыпью, вдоль которой росли высокие криптомерии. Крыши казарм, стоявших направо от спускавшейся под уклон дороги, уходили далеко вниз, как ступеньки огромной лестницы. Сразу за казармами начиналось плато, окутанное бескрайним мраком.

Пока шли построения, перекличка, пока солдаты распределялись по казармам и назначались дежурные, пока офицеры рапортовали о происшествии, голод и усталость окончательно одолели солдат. Было уже поздно, и ужин не варили. Солдатам роздали кипятка, которым они запили консервы и галеты.

Длинные и узкие бараки в пятьдесят метров длиной; через все здание, словно туннель, тянется узкий коридор с утрюбованным земляным полом. По обеим сторонам коридора — дощатые нары с тонкими перегородками. На этих нарах солдатам предстояло спать вповалку, закутавшись в тонкие одеяла.

Где-то в лесу кричал хорек. Ухала сова. То приближаясь, то удаляясь, слышались шаги часового; под ногами у него скрипел иней.

Ветер с шумом проносился по оцинкованной крыше и сотрясал оконные стекла. Тайскэ лежал на досках рядом с Уруки, сжавшись, словно моллюск. При мысли о том, что ему еще долго-долго, неизвестно как долго, предстоит жить такой жизнью, из его груди невольно вырвался вздох отчаяния. Он полностью утратил свободу, он словно провалился

¹ При входе в помещение японцы снимают обувь; в казармах выдается специальная обувь.

в какую-то западню и сам не понимал, зачем ради кого и чего он живет. Уруки умеет смиряться. Для него армейская жизнь — своеобразная комедия. Вот он спит сладким сном, широко раскинув руки и ноги. Тайскэ не мог принять все это так смиренно. Ему необходимо было понять смысл каждого прожитого дня. Слишком он нервен, вот и страдает... Теперь ему стало ясно, что в этой ужасной обстановке его согревает только любовь к жене. Тайскэ не переставал тосковать об Иоко. Как-то они все поживают в Токио? Ему хотелось знать, как они живут там, дома, в Токио...

А в Токио в этот день во дворце состоялось заседание в присутствии императора и было принято решение начать войну. С этого дня военщина окончательно сосредоточила в своих руках всю власть над народом. В этот день решилась судьба Японии. Но жители Токио ни о чем не подозревали. Ярко светил молодой, только что народившийся месяц, освещая спящую землю. Люди мирно спали, а тем временем в части, расположенные на базах, уже передавался приказ о начале военных действий. Час катастрофы близился.

Первый день учений был посвящен обучению основным действиям в бою.

На второй день повторение вчерашних занятий. Ночью в течение трех часов обучались действиям пастов. Проводились учения по связи в ночное время.

На третий день с утра ведение огня боевыми снарядами. После полудня отдых.

Отдых давался для подготовки к большим маневрам, которые должны были начаться завтра и продолжаться двое суток. Здесь, в Итадзума, вдали от постоянных квартир полка, дисциплина несколько ослабела. Офицеры были не так строги, унтер-офицеры вели себя развязно и весело, как выпущенные на волю животные. В деревне, недалеко от барачков, была лавка, где можно было получить сакэ. Унтер-офицеры и капралы по двое, по трое отправлялись туда, пошучивая, что идут отве-

дать «пирожков». На условном солдатском жаргоне так назывались проститутки.

Солдаты радовались, что унтер-офицеры ушли.

— Слышь-ка, наш командир отделения закатился гулять на всю ночь. Явится не раньше утра.

— Да ну? Вот это хорошо! В последнее время он совсем озверел. Может, завтра по-добрееет немножко... — переговаривались солдаты.

У солдат не было времени для отлучек: нужно было привести в порядок оружие и ботинки, заняться стиркой, уборкой помещения, уходом за лошадьми. Кроме того, на их обязанности лежала чистка сапог офицеров и унтер-офицеров. Дел было столько, что некогда перевести дух.

На четвертый день батальон выступил из барачков, имея запас продовольствия на два дня. Где-то вдали слышались залпы: это вели огонь 150-миллиметровые полевые орудия. Каждый залп вонзался в небо, эхом прокатываясь по холмам и ложбинам. Трава, побитая морозом, увяла и пожелтела; колючий кустарник и репей, цеплявшийся за ноги, покраснели от ночных заморозков. Дорога была покрыта характерным для вулканической зоны крупнозернистым черным песком, оседавшим под ногами. Солдатские ботинки вязли в этом песке, идти было трудно. Иногда низко, над самой землей, проплывали облака, окутывая марширующую колонну. Головные части скрывались в густом тумане, но в следующую минуту облако проносилось дальше, и все вокруг опять прояснялось. Огромная вершина Фудзи очистилась от туч и, казалось, висела прямо над головой. У начала подъема в пункте Магэси состоялся привал. После обеда прозвучала команда — учения начались. Прибыло три легких танка. Перед началом учений командир роты произнес краткое наставление:

— В скором времени нам предстоит помериться силами с хорошо вооруженным против-

ником на южных фронтах. Там, на юге, много джунглей. Сегодняшние и завтрашние учения имеют своей задачей действия против танков противника, а также бой в условиях джунглей, в особенности ночью.

Учения начались. Настоящий противник существует только в воображении. Все эти перебежки, маскировка в кустарнике, ползание совершенно бессмысленны... Тайскэ Асидзава вспомнил совет своего «боевого друга» Уруки. В самом деле, ни дать ни взять настоящий спектакль... Где-то вдали грохочет тяжелая артиллерия, по холмам, то скрываясь, то появляясь, ползут танки. Вдруг танки появляются на вершине холма и бьют прямой наводкой из малокалиберных пулеметов по цепям пехоты. В прорезях брони мелькает раз, другой, третий красное ромбовидное пламя; внезапно, резко повернувшись, танки скрываются за холмом. Каждый раз, когда вспыхивает красное пламя, Тайскэ невольно вжимает голову в плечи, хотя и знает, что поражений не будет... Не хочется умирать.

Унтер-офицер Хиросэ, ведя за собой свое отделение, действует с привычным хладнокровием. Когда танки обстреливают солдат, он с улыбочкой оглядывается на подчиненных.

— Эй, берегись, не то нас сейчас уничтожат! — кричит он и, увлекая солдат за собой, бросается бегом в сосновую рощу.

В казарме это свирепый начальник, но здесь, на учениях, с ним как-то спокойней. В нем чувствуется непоколебимая уверенность в себе и сознание своей силы. Эта необычайная самоуверенность как будто отгораживает его от окружающих — с Хиросэ было бы трудно сойтись поближе. Казалось, что у этого человека холодное и каменное сердце.

Учения продолжались всю ночь. Уже занимался рассвет и месяц склонился к западу, когда батальон, преследуя условного противника, прошел около десяти километров на запад и приблизился к пику Дзюрибоку, между вершинами Фудзи и Аситака. Здесь снова скомандовали привал. Солдаты лежали прямо на земле, подстелив охапки травы, сверкавшей белым инеем. Затем снова, пробираясь сквозь заросли, тренировались в ведении внезапных действий, учились разведке, связи, тактике молниеносной атаки. После этого дали час на завтрак. Солдаты, как подкошенные, повалились на мерзлую, покрытую инеем землю и уснули. Потом снова продолжались учения.

На обширном плато имелось множество ориентиров. Пока батальон шел от одинокой криптомерии у деревни Инномура до пяти сосен близ военного городка Такигахара, наступила вторая ночь. Началась последняя атака. Рубежом служила небольшая возвышенность, на которой виднелся высокий шест со знаменем — на том месте, где в прошлые годы во время больших учений однажды останавливался император.

Танки противника ползали прямо перед глазами по черным холмам, озаренным слабым светом луны. Иногда они выплывали ярким огнем и скрывались за холмами. После вспышки огня глаза на некоторое время слепли, тьма казалась еще непрогляднее. Солдаты батальона бежали и стреляли, стреляли и бежали под прикрытием огня станкового пулемета. Облака стремительно неслись по небу, то скрывая, то вновь приоткрывая сиявший зимним холодом серп луны, свет и тень быстро перемещались по земле.

Ночь на плато наполнилась шумом, треском винтовочных выстрелов. Тайскэ Асидзава что было мочи бежал вперед по простреливавшейся противником зоне. Относиться к этим учениям, как к театральному представлению, он уже не мог — для этого он слишком устал. Все его физические и душевные силы уходили на то, чтобы не отставать от других. Тело горело, он обливался потом, одежда порвалась о колючки. Длинная цепь огня уходила вправо и влево от него через холмы и заросли кустарника, через ложбины и сосновые рощи; то здесь, то там, как блуждающие огни, вспыхивали ружейные выстрелы. Непрерывно грохотали залпы орудий, тяжелым эхом отдаваясь под облаками, оглушая и притупляя слух. По временам доносились обрывки далеких выкриков команды. «Второй взвод — вперед!» И, откликаясь на эту команду, тотчас же раздавался голос унтер-офицера Хиросэ:

— Первое отделение, вперед!

Тайскэ ринулся вперед, сжимая в руке винтовку. Трава, доходившая до пояса, цеплялась за ноги. Он все бежал, бежал без оглядки и, зацепившись ногой за пень, оступился и упал в какую-то яму. На четвереньках выбрался из нее и, не поднимаясь, ползком взобрался на холм. Танки стреляли прямо над головой. Откуда-то справа отвечал огнем ручной пулемет.

— Второй взвод, вперед!

Где он бежит, куда, — этого Тайскэ уже совершенно не соображал. Некогда было даже напиться воды из фляги. Во рту пересохло, на зубах скрипел песок. Он бежал, спотыкаясь, падал и снова бежал. В голове не осталось ни одной мысли, он уже окончательно потерял способность думать о чем-либо постороннем.

Последний бросок был совершен на расстоянии около трехсот метров, и тут прозвучал горн, возвестивший окончание учений. Услышав горн, солдаты повалились на землю и, бросив винтовки с примкнутыми штыками, тяжело переводили дыхание. Ощупью находили фляги и, захлебываясь, пили всю воду, до дна. Сквозь рваные тучи плыл полумесяц, покрытая снегами вершина Фудзи сверкала белым льдистым сиянием.

Человек, лежавший неподалеку от Тайскэ, подняв голову, спросил:

— Асидзава, ты?

— Да, я здесь.

— Ну, как ты? — Человек приподнялся и сел, скрестив ноги. Это был Уруки. — Все в порядке?

— В порядке.

— Здорово позабавились, правда? — Уруки иронически рассмеялся.

Приказ: «Второй взвод, становись!» — прозвучал неожиданно уныло во внезапно наступившем безмолвии ночи. Унтер-офицер Хиросэ большой черной тенью встал на холме.

— Первое отделение, становись!

Тайскэ с трудом поднялся на дрожавших от усталости ногах. Пот быстро остывал, и только теперь Тайскэ заметил, каким холодом веет ледяной зимний ветер. Опираясь на винтовки с примкнутыми штыками, солдаты отделения построились перед Хиросэ. С самого утра никто ничего не ел. Но хотя желудки у всех были пусты, есть не хотелось. Тайскэ с трудом держался на ногах, едва не падая от усталости. В темноте там и сям на холмах слышались переключки и слова команды. В коротких паузах при свете луны клубился белый пар от тяжелого дыхания сотен солдат.

Командир батальона поднялся на холм, где стоял шест с флагом, и начал разбор. В стандартных выражениях хвалил отличившихся. Его никто не слушал. Всем хотелось как можно скорее добраться до барачных и заснуть. До военного городка в Итадзума было около километра.

Наконец разбор завершен; только теперь

учения считались полностью законченными. И офицеры и солдаты устало перевели дыхание. В темноте послышалось бречание снимаемых с винтовок штыков. Танки, тяжело грохоча моторами, ушли. На обширном плато у подножия Фудзи, по которому со вчерашнего дня на протяжении двух суток бегали, ползали и сустились люди, вновь воцарилась прежняя тишина. Далеко вокруг простиралась безмолвная пустыня, озаренная призрачным светом луны. Тайскэ снял с винтовки штык, перевернул его и хотел опустить в ножны, висевшие у пояса. Ножен не было. Он ощупал пояс рукой — тонкий кожаный ремешок, на котором были подвешены ножны, порвался. Очевидно, где-то оборвал.

— Уруки, беда...

— Что еще стряслось?

— Я потерял ножны!

— О черт! Болван! Лез из кожи вон, вот и нарвался! Беда с тобой! Ну что ж, придется тебе повиниться!

Они разговаривали шепотом, но звук их голосов долетел до ушей Хиросэ. Он подошел поближе к строю.

— В чем дело? Что там такое?

Ни Тайскэ, ни Уруки не отвечали. Тайскэ внутренне содрогнулся. Потеря ножен не могла кончиться добром.

— Кто сейчас болтал?

— Так точно, я, Уруки.

— В чем дело?

Тайскэ сделал шаг вперед.

— Я потерял ножны от штыка.

— Что-о? — сказал унтер, и в голосе его послышались зловещие нотки. — Кто это? Асидзава, ты?

— Так точно, Асидзава.

— Так что ж, по-твоему, потерял — и ладно, а? Ты от кого получил этот штык? — Тайскэ молчал. — От кого штык получил, я спрашиваю?

— Пожалован его величеством императором.

— Так, по-твоему, можно его терять, а?

— Никак нет. Когда рассветет, я отыщу ножны.

— Что? Когда рассветет? А до тех пор, значит, пусть себе валяются где попало, так? — Удары кулака, от которых у Тайскэ потемнело в глазах, посыпались на него справа и слева. Тайскэ зашатался, с трудом удержавшись на ногах.

— Я отыщу! — в отчаянии закричал он.

Хиросэ опять грозно надвинулся на него.

— Я отыщу! — еще раз выкрикнул Тайскэ, отшатнувшись.

Потом выбежал из шеренги и, как будто спасаясь от погони, опрометью кинулся вниз по склону, сжимая в руке винтовку. Перед ним на много километров вокруг расстилалось окутанное ночным мраком плато, безлюдное и безмолвное, дышавшее затаенной враждебностью.

Первая рота двинулась вперед. Слыша тяжелую поступь возвращавшихся в бараки солдат, Тайскэ один уходил все дальше и дальше, бесцельно блуждая по окутанной ночным мраком равнине.

Попытка отыскать ножны в темноте, среди заросшей густым кустарником и травой равнины, была безнадежной. За день Тайскэ прошел и прополз более десяти километров. Невозможно было запомнить, где он бежал в разгар учений. И все-таки ножны надо было найти. Ведь оружие было «пожаловано солдатам его величеством императором»!

Шаги марширующей колонны постепенно удалялись и наконец совсем замерли. Тайскэ оглянулся по сторонам — далеко впереди мерцали редкие огоньки в селении. Они слабо мигали на краю овеваемой ветром равнины. Кругом не было слышно ни звука. Только вулканический гравий, шурша, осыпался под башмаками. Волоча за собой винтовку, Тайскэ бесцельно брел по холмам и ложбинам. По щекам его текли слезы, застывая на ледяном ветру.

Направо чернела темная стена леса. Длинной лентой протянулась дорога, ведущая в Магаэси и Таробо; конец ее затерялся во мраке ночи. Внезапно опустился густой туман. Потом налетел холодный ветер, и туман, как волнующий ураганом поток, проплыл дальше. Когда опять прояснилось, Тайскэ увидел на земле свою тень, отбрасываемую слабым лунным сиянием. Он испытывал невыразимое чувство одиночества. Теперь, когда он остался совсем один, всеми отверженный, ему страстно хотелось жить, он цеплялся за жизнь.

...Честное слово, можно было подумать, будто этой равнине нет ни конца, ни края. На земле было слишком темно, чтобы искать ножны, трава и кусты стояли густой черной тенью. Тайскэ показало, будто он попал в какую-то ловушку, нарочно подстроенную ему злой судьбой. Если он вернется в бараки, его ждет там унтер Хиросэ, ждет карцер. Не зная, на что решиться, Тайскэ остановился обессиленный. Мимо него беззвучно, как призраки, пролетела сова. Ветер, свистя, шелестел увядшей травой, с шуршанием осыпался песок, в воздухе носились песчинки.

Тайскэ уселся на небольшой возвышенности близ дороги и вытянул ноги. Воды во фляге не было, осталось только немного галет. Открыв ранец, он достал галеты, откусил и вдруг заплакал от жалости к самому себе. Он ел галеты и плакал. Кругом не было ни души. Его окружала первозданная земля, первозданный ветер и холод, и среди них он, Тайскэ, был единственным живым существом. Некоторое время Тайскэ прислушивался к собственному дыханию, потом, обхватив винтовку руками, опустил голову на колени и закрыл глаза. Отщепенец...

За воротник струйкой забирался холод и полз по спине. Колени дрожали, зубы выбивали дробь. От чрезвычайной усталости Тайскэ начала одолевать сонливость. У него не было сил бороться со сном, так мучительно хотелось спать. «Если я усну здесь, замерзну», — подумал Тайскэ. Усталость до некоторой степени притупляла сознание опасности. Не в силах разлепить веки, он попытался встать. Но ноги больше не повиновались ему. Опять налетел туман, и когда он рассеялся, на прикладе винтовки заблестел иней. Опираясь на винтовку, Тайскэ кое-как приподнялся на четвереньках. «Если я усну здесь, замерзну...» Он попытался встать на ноги.

Но у Тайскэ уже не было ни физических, ни моральных сил, чтобы встать и пойти. Стоя на четвереньках, он опустил голову и погрузил лицо в крупный холодный гравий. Мысли расплывались и уже не повиновались ему. Охваченный не то сном, не то каким-то оцепенением, Тайскэ потерял сознание.

Когда рота подошла к наружной ограде из криптомерий, окружавшей бараки в Итадзума, Уруки вышел из рядов и подбежал к унтер-офицеру Хиросэ.

— Господин командир отделения, разрешите обратиться! Солдат второго разряда Уруки...

— Чего тебе?

— Я хочу помочь Асидзава отыскать ножны. Разрешите пойти!

— Ерунда, иди спать. Устал, пооди.

— Никак нет, чувствую себя бодро. Ведь я его боевой друг, хочу помочь.

— Да куда ты сейчас пойдешь? Кто его знает, где он там бродит.

— Так точно, но я думаю, что найду его на той дороге, по которой мы проходили сегодня. Разрешите пойти!

— Ладно, ступай! — сказал унтер. — Да не задерживайся, смотри, слишком поздно. Сейчас... — он посмотрел на ручные часы, — десять часов. К двенадцати чтобы был обратно.

— Слушаюсь, к двенадцати часам быть обратно!

Уруки передал винтовку одному из солдат своего отделения и налегке отправился по знакомой дороге. Дойдя до места сбора после окончания учений, он двинулся вперед, громко окликав Тайскэ. Прошел почти час, прежде чем ему удалось обнаружить своего «боевого друга». Луна склонилась к западу, тучи сгустились, и на земле не видно было ни зги. Блуждая по холмам и кочкам, Уруки выбрался на твердую дорогу и, поскрипывая ботинками, пошел наугад большими шагами, продолжая непрерывно звать Тайскэ. Никто не откликался. Вдруг Уруки заметил, что в нескольких шагах от него что-то блестит. Это было слабое, чуть заметное мерцание. В первый момент Уруки не обратил на него внимания. Будь дело летом, он бы подумал, что это светятся змеиные глаза или светляк. Он уже прошел мимо, но вдруг, насторожившись, остановился, как будто какой-то тайный голос приказал ему вернуться. Он подошел поближе. Перед ним, скорчившись, лежал Тайскэ Асидзава. Светился циферблат часов, надетых на его левую руку. Этому светящемуся циферблату Тайскэ был обязан спасением своей жизни.

К счастью, прошло еще мало времени, и Тайскэ не успел окончить насмерть. Приподняв товарища, Уруки хлопал его по спине, по щекам. Тайскэ быстро пришел в себя и очнулся.

— Ну, бодрей, бодрей! Так и замерзнуть недолго! — говорил Уруки. — Вставай, пойдём. Плевать на эти ножны, черт с ними совсем. Ну, вставай!

Но Тайскэ слишком ослабел. Уруки дергал его за руки, растирал спину и тянул, пытаясь заставить встать.

— Пусти... Дай немного отдохнуть... — бормotal Тайскэ.

Уруки волей-неволей уселся рядом и стал растирать его иззябшие руки. Потом он зажег две оставшиеся у него сигареты и всунул одну в рот Тайскэ. Тучи совсем разошлись, вершина Фудзи, облитая светом, засверкала в лунном сиянии.

— Если б не я, ты замерз бы здесь... Ну, прибодрись, слышишь?

— Хорошо...

— Идти сможешь?

— Дай еще немного отдохнуть...

Огонек сигарет был единственной теплой точкой в пустынной равнине. Оба держали сигареты в ладонях, стараясь согреть руки. Легкие перистые облака непрерывно струились по небу, набегая на луну. В это время за их спиной внезапно послышались шаги, и на холме выросла черная фигура, освещенная сзади лунным сиянием.

Это был унтер Хиросэ.

Заметив огонек сигарет, он бегом спустился с холма и остановился перед солдатами. Оба испуганно бросили сигареты и вскочили.

— Вы что здесь делали? — тихо и холодно спросил унтер.

— Так точно... Мы отдыхали немного... — сказал Тайскэ.

— Ножны нашёл?

— Очень темно, никак не мог.

— А раз не мог, значит, решил покурить? Ты что, на прогулку сюда явился?

— Виноват...

— Был нерадивый лентяй, таким и остался! Тайскэ молчал.

— Из-за тебя одного пошли насмарку успехи всего отделения. Придется поблагодарить тебя от имени всего личного состава! — С этими словами Хиросэ сбоку бросился на Тайскэ. Он толкнул его обеими руками, и Тайскэ, запутавшись ногами в траве, навзничь упал на землю. Винтовка отлетела в сторону, металлический шлем больно стукнул его по спине. Тяжелый военный сапог с силой ударил Тайскэ

под ребра и по затылку. Скорчившись, Тайскэ в судорогах забился в траве. В глазах у него потемнело, дыхание прервалось, сознание померкло. «Убивают...» С бессвязным стоном он на четвереньках пополз в траве. Надо бежать, казалось ему, надо спастись, иначе наступит смерть... И Тайскэ упал в заросшее травой болото у края дороги — естественное углубление, размытое в почве водой, стекавшей с гор во время сильных ливней. Он так и остался лежать в воде, продолжая стонать, как раненый зверь.

Унтер Хиросэ, тяжело дыша, оглянулся на Уруки. Уруки стоял неподвижно, освещенный в профиль лунным сиянием, и молча смотрел на этот трагический поединок, происходивший в безмолвии пустынной равнины. Казалось, он недоумевает, почему на руках Хиросэ не видно крови.

— Вот что, ты потрудись, приведи его в городок...

Уруки молчал.

— Слышишь? Приведи его обратно.

И на эти слова Уруки ничего не ответил, продолжая стоять неподвижно как истукан. Хиросэ взглянул ему в лицо и, уловив в этом молчании непримиримое, страстное сопротивление, повернулся на каблуках и стал взбираться вверх по холму.

Тайскэ все еще лежал в воде и стонал. Уруки, не говоря ни слова, обхватил его, поднял и, подобрав брошенную винтовку, повесил ее за ремень через плечо. Потом, просунув голову под левую руку своего «боевого друга» и наполовину неся его, зашагал по дороге.

Туман, гонимый порывами холодного ветра, обволакивал их фигуры, сквозь туман слабо пробивался свет луны, окруженной неясным радужным кольцом. Под ногами оседал холодный зернистый песок, на траве, на кустах белесо поблескивал иней. Совсем одни на этой безлюдной, раскинувшейся далеко вокруг равнине, они молча, шатаясь, брели вперед. Тайскэ то и дело готов был упасть, и Уруки всякий раз все так же молча подхватывал его и тащил дальше. Уруки тоже ничего не ел с самого утра. Голод и гнев сделали его молчаливым. За ними гигантским силуэтом рисовалась в небе покрытая снегами серебристая вершина Фудзи.

За потерю ножен от штыка солдата второго разряда Асидзава посадили в карцер, устроенный при бараках военного городка в Итадзума. Это была маленькая, похожая на кладовку будка возле ворот проходной, где день и ночь непрерывно слышался шум криптомерий, растущих вокруг барakov. Тайскэ вышел теперь из-под начала командира взвода и командира отделения и был передан под наблюдение начальника караула.

До обеда солдаты отдыхали после учений, и вокруг барakov стоял веселый гомон. Время после обеда отводилось на подготовку к возвращению в Сидзуока на постоянные квартиры. Тайскэ, завернувшись в одеяло, сидел на дощатом полу, отчужденно прислушиваясь к оживлению, царившему во дворе. Он чувствовал себя еще более усталым, чем накануне; не хотелось ни о чем думать. Кажется, он простудился. Появился кашель, Тайскэ лихорадило. Все тело болело, измученное переутомлением, и даже есть не хотелось.

До самой ночи он, согнувшись, лежал на досках, погруженный в полубытьё. Время от времени в дверное окошечко заглядывал часовой, наблюдавший за карцером:

— Эй, ты что, заболел?

Отвечать не было сил.

Под вечер пришел унтер-офицер санитарной службы и принес лекарство от простуды. Пока Тайскэ дремал, вода, которую ему дали, чтобы запить лекарство, подернулась тонким узором льда. Тайскэ выпил воду вместе со льдом. Студеная вода приятно успокаивала горевшее горло.

Тайскэ не думал больше ни о чем. Он забыл даже, за что его посадили в карцер. Ножны от штыка — всего-навсего кусок железа, стоимость не больше одной иены... Нет, он не совершил никакого преступления. Просто у него порвался старый кожаный ремешок, только и всего. Он ни в чем не виноват... Тем не менее его били, пинали ногами, а потом бросили в карцер. Человек был на-

казан за вымышленное, мнимое преступление, наказан более жестоко, чем наказывают скотину, именем тоже вымышленного, искусственно созданного авторитета — «императора». Его покарал дикий, ненормальный порядок, именуемый «воинской дисциплиной». Поистине в этом было что-то безумное. Слабый побег тростника, неспособный к сопротивлению, бессильно сломался под порывами ветра. Наступил крах. С первого дня вступления в армию на Тайскэ лежало клеймо социалиста, к нему относились с подозрением, с ненавистью. И вот результат...

На следующее утро сразу после подъема началась подготовка к возвращению в казармы. За Тайскэ пришел часовой, но арестованный не мог встать. Он весь горел, сильно болели грудь и спина.

Внезапно в военном городке поднялся шум. Это пришло известие о начале новой войны.

«Императорская армия и военно-морской флот сегодня, восьмого декабря, на рассвете вступили в западной части Тихого океана в состояние войны с вооруженными силами Англии и Америки...»

Так гласило первое сообщение ставки. Радио без конца повторяло эти известия, звучали военно-морские марши. Передавали старинную военную песню «Пусть многочисленны враги...». Япония и Америка, так долго враждовавшие между собой, наконец открыто скрестили оружие.

В девять часов утра батальон покинул военный городок в Итадзума и направился на станцию Годэндзэ. Вдоль дороги на протяжении пяти километров жители вывесили государственные флаги. В каждом доме оглушительно орало радио. Молодежь, видя проходящие войска, кричала «банзай!». Кругом было шумно, казалось, вся Япония внезапно встрепенулась. Людские толпы прославляли войну и приветствовали премьера Тодзэ, решившегося на этот героический шаг. Небо над Фудзи прояснилось, и ее белоснежные склоны отчетливо рисовались на голубом фоне неба. Даже эта гора — символ Японии, — казалось, радостно трепетала, услышав об этой новой войне. Батальон тяжелой поступью шел вперед, оставляя Фудзи слева.

В конце, за самой последней шеренгой походной колонны, шли конвоиры, сопровождавшие арестованного солдата второго разряда Асидзава. Без ранца, без винтовки, без штыка, в наброшенной на плечи насквозь пропыленной шинели, как пленный, у которого отобрали оружие, он, шатаясь, брел по дороге, усыпанной вулканическим гравием. Конвоиры держали его под руки. Щеки Тайскэ горели, дышать было трудно. Тайскэ не испытывал ни гнева на жестокость армейских порядков, ни желания оплакивать свою злую судьбу. Он готов был молча следовать туда, куда его отведут. Он больше не жалел о своей напрасно загубленной жизни, не сетовал на постигшее его несчастье. В конце концов Хиросэ был самый обычный унтер. Каждый командир отделения поступал точно так же по отношению к своим подчиненным. Тайскэ не сердился на Хиросэ.

Конвоиры жалели его. Заметив, что Тайскэ, задыхаясь, хватая воздух пересохшими от жара губами, один из них вытащил из полевой сумки апельсин, очистил и дал Тайскэ. Увидев, что со лба Тайскэ стекает холодный пот, он вытер ему щеки своим полотенцем.

— Держись, парень! Ну, как ты, ничего? Дойдем до станции, там я позову военврача...

Солдаты, назначенные в конвой, были обязаны в сохранности доставить солдата второго разряда к месту расположения полка. Если бы в пути случилось побег или какое-нибудь другое происшествие, они были бы за это в ответе. Для успешного выполнения своих обязанностей выгоднее всего было обращаться с арестантом помягче.

Улицы городка Годэндзэ гремели дружным хором радиопродукторов, разносивших по всему городу весть о воздушном налете на Гонконг. Воодушевление, охватившее страну, царило и в этом маленьком городке. При виде проходящего батальона дети кричали «банзай!», и солдаты на ходу отвечали на приветствие поднятием левой руки. В это утро все военные стали вдруг казаться героями. А позади колонны дети видели солдата, которого вели под руки конвоиры.

В родную семью

...Шел 1905 год. Броненосец «Потемкин» поднял красный флаг. Но революционное восстание не увенчалось успехом. Матросы вынуждены были сойти на румынский берег, как политические эмигранты. Вместе с другими остался на чужбине и Василий Павлович Кулик, машинный унтер-офицер, избранный восставшими матросами в судовую комиссию для управления кораблем.

Долго ничего не было известно о судьбе Кулика. Лишь на днях сын его Павел Васильевич рассказал нам о трудной жизни участника первой русской революции.

Когда румынской охранке стало известно, что потемкинец Кулик являлся одним из организаторов забастовки в Констанце, его выслали за пределы страны.

После долгих скитаний Кулик попадает в Бельгию. Языка не знает, нет работы, семья далеко. Но друзья нашли: это были бельгийские рабочие. Они помогли его

семье перебраться в Бельгию, а ему самому — устроиться на работу.

Радостно встретил Василий Павлович революцию в России. Наконец-то можно вернуться на родину! Но бельгийское правительство долго не признавало Советскую республику и не разрешало выезд в Россию.

Так и не пришлось Василию Павловичу вновь побывать на родине. В 1939 году он умер...

То, что не удалось отцу, сделал сын. В 1956 году вместе со своей семьей он вернулся в Москву. Павел Васильевич Кулик — коммунист, по специальности инженер-электрик. Дочь и сын его — комсомольцы. Дочь учится в медицинском институте, сын — в авиационном.

— Я хоть и не партийная, но большевичка, — с гордостью говорит нам жена Павла Васильевича Зильберта Оskarовна.

Остается невыясненной судьба еще одного из руково-

Василий Павлович Кулик с внуком.

дителей восстания на броненосце «Потемкин», Степана Анисимовича Денисенко. Хочется надеяться, что кто-нибудь из его родственников или знакомых сообщит о нем.

И. ЛЫЧЕВ,
И. ПОНОМАРЕВ

«Нонна»

Конструктор А. Володин у электромузыкального инструмента.
Фото Р. Лихач.

Из комнаты, на двери которой висит дощечка с надписью «Лаборатория», доносятся аккорды рояля. Рояль сменяет скрипка — звучит чудесный менуэт Бетховена. За скрипкой — гавайская гитара, а затем — мандолина, кларнет, гобой, аккордеон. Кажется, что в этой комнате находятся десятки музыкантов.

Мы открываем дверь и изумляемся: вместо десятков музыкантов видим только... одного, который все сочинения, написанные

для рояля, скрипки, валторны, гобоя, мандолины, виолончели, исполнял на одном инструменте.

Это был электромузыкальный много-тембровый инструмент «В-9», или «Нонна», с которым нам довелось познакомиться на Московском радиозаводе. Создан он инженером Андреем Александровичем Володиным.

Изящен этот инструмент, напоминающий маленькое пианино, отделанное ореховым деревом.

«Нонна» имеет диатоническую, типа рояля, клавиатуру. Чуть выше ее расположен гриф свободной интонации, а еще выше находятся клавиши переключения тембров и другие регуляторы.

— Вы только что слышали гобой, — сказал музыкант, которого мы застали в лаборатории. — А теперь...

Он нажал в определенной последовательности несколько клавиш переключателя тембров и вслед за этим, ударяя по нижним клавишам, заиграл на... кларнете.

— Таким образом можно переключить «Нонну» на любой тембр, — добавил музыкант.

Более трехсот различных тембров воспроизводит аппарат «Нонна».

Весь инструмент можно уложить в два чемодана и доставить на концерт в любое место, где есть электрическая розетка. В концерте он может «выступать» в составе ансамбля или в качестве солирующего инструмента с аккомпанементом рояля.

Два таких только что выпущенных заводом музыкальных аппарата направляются на Всемирную выставку в Брюссель.

Б. КРЫЛОВ

Инга спасает детей

Это случилось сравнительно недавно в Глинчевке, в маленьком поселке лесной области, Свердловской области.

Было 11 часов вечера, когда в отделение милиции вбежала плачущая женщина. За ней, взволнованный и расстроенный, шел ее муж.

— У нас пропали дети... Мальчик и девочка... Я пошла в магазин... Наверное, заблудились, замерзли... Кругом лес, на улице ледяной ветер...

Раздумывать было некогда. Лейтенант милиции Лучников вместе со своим помощником собакой Ингой вышел на поиски пропавших детей лесоруба Трофимова.

Лучников дал Инге обнюхать вещи в квартире Трофимовых и взял с собой шапочку пропавшей девочки.

И вот Инга уверенно взяла след. Она вела лейтенанта к проезжей дороге. Рядом с Лучниковым шла мать пропавших. Лейтенант не смог запретить женщине вместе с

ним искать ее малышей. Вдруг собака заметалась, начала тянуть то вправо, то влево, потом виновато опустила голову и легла у ног Лучникова. Она потеряла след. Ее сбил прошедший по дороге некоторое время назад трактор с прицепом. Маслянистые следы от горючего были видны на дороге.

Ветер и мороз усилились. Было уже около часа ночи. Лучников погладил собаку, протер ей глаза платком и снова дал понюхать шапочку пропавшей девочки.

Собака, порывшись по сторонам, ринулась в глубь леса. Никаких следов детей не было видно. Однако Инга шла все быстрее и увереннее. На небольшой полянке она остановилась и таякнула.

— Вот они! Дети спали у одной из елок, укутавшись в пальто. Снег уже покрыл их. Протирая кулачками заспанные глаза, малыши бросились к матери...

В. ШАШКИН,
заместитель начальника
УВД Свердловского
облисполкома,
комиссар милиции
3-го ранга.

Лейтенант милиции Лучников с собакой Ингой.
Фото автора.

По страницам ЖУРНАЛОВ

РЫБА ЛОВИТСЯ НА ЗВУК.

Долгое время существовало представление, будто в подводном мире царит абсолютное безмолвие. Однако наукой установлено, что мир этот полон звуков. Их издают обитатели морей, в частности рыбы, они же способны сами воспринимать подводные звуки. Специальный прибор — гидрофон — позволяет прослушивать, записывать на пленку и исследовать самые разнообразные звуки, издаваемые рыбами. Это помогло разработать практические способы использования звука для промыслового лова рыбы. В последнее время сконструированы для этого новые, звучащие приманки. Звучание достигается тем, что в полую внутреннюю часть спиннинговой приманки кладется несколько мелких дробин, которые при вращении приманки в воде перекачываются и, ударяясь, создают легкий барабанный шум, имитирующий звучание некоторых мелких стайных рыб. Опытное применение такого метода дало положительные результаты. Ожидают, что широкое использование звука намоного увеличит эффективность лова рыбы («Природа»).

ПОЕЗД ВЕДЕТ АВТОМАШИ-

НИСТ. Первый такой автомашинист испытывался на участке Куйбышев — Безымянка. Испытания показали, что автомат безошибочно реагирует на все сигналы автоблокировки, учитывает профиль пути, выбирает наиболее выгодный вариант скорости и программу торможения, безотказно производит соответствующие переключения в органах управления. Советские специалисты работают теперь над усовершенствованием автомашиниста, чтобы он мог выполнять все больше функций человека («Железнодорожный транспорт»).

ЧУДЕСНОЕ СТЕКЛО. Ленинградский завод художественного стекла изготовил первые изделия из нового вида стекла — цинсульфидного. Стекло обладает чудесными свойствами: по желанию мастера-стеклодува и в зависимости от теплового режима оно приобретает самые различные цветовые оттенки. До сих пор такое стекло нигде не вырабатывалось. Высокохудожественные изделия из него скоро появятся в продаже (бюллетень Всесоюзной торговой палаты «Новые товары»).

ОНИ НЕ ТОЛЬКО ВЫДАЮТ КНИГИ

...В светлом просторном зале сидят сорок учеников 3-го класса. Сорок мальчиков и девочек внимательно слушают рассказ студентки Московского библиотечного института китайки Чжэн Ли-ли о своей родине. А чтобы малышки школьники лучше запомнили ее рассказ, чтобы далеким Китай показался им ближе и понятнее, Чжэн Ли-ли показывает картины, фотографии древних памятников и больших городов, портреты лучших людей своей родины, замечательные вышивки китайских мастериц, национальную одежду, предметы обихода, детские китайские книги с яркими картинками...

А в соседнем зале шум, жаркие споры, разгоряченные юношеские лица. На стенах — карты мира, на столах — книги о дальних путешествиях. Юные спорщики уже «побродили» по непроходимым тропическим лесам с Миклухо-Маклаем, «доплыли» до Полинезии на плоту с Хейердалом и его товарищами, а сейчас стараются разгадать тайну острова Пасхи...

Попробуем заглянуть сюда на другой день.

На этот раз в зале стенды с репродукциями картин. Немного волнуясь, мальчик рассказывает о своем любимом художнике Репине. Он называет работы Репина, говорит о книгах, которые помогли ему понять творчество этого великого художника.

Потом выступает девочка. Ее любимый художник — Суриков, а картина — «Утро стрелецкой казни».

— А по поводу какого исторического события написана эта картина? — спрашивают у девочки.

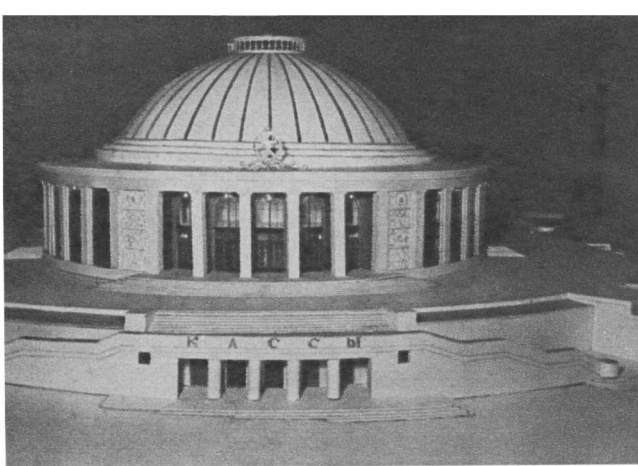
Вы, наверное, думаете, что мы находимся в школе. Нет, это не школа. Мы — в детской библиотеке № 53 Сокольнического района Москвы. Ее сотрудники не только выдают книги, но и стараются научить своих читателей понимать и полюбить живопись, литературу, смело пускаются с детьми в «путешествия» по дальним странам, проникают в тайны далекой Океании, готовятся «полететь» в космос...

Недавно библиотека устроила утренник, посвященный Сибири. Много нового узнали читатели не только о богатствах, промышленности и людях Сибири, но и о легендах, сказках, рассказах и стихах, посвященных земле сибирской.

Не забывает библиотека прививать своим читателям любовь к животным, заинтересовать их физикой, математикой. С рассказами о животных выступал в библиотеке директор зоологического сада И. П. Сосновский, а для любителей техники было устроено обсуждение журнала «Юный техник»...

Сейчас в стране проходит неделя детской книги. В этой связи нельзя не вспомнить о тех, кто несет книгу детям, помогает им понять и полюбить ее, о работниках детских библиотек.

В. БЕЛЕЦКАЯ

Строительство цирка в Баку

По проекту архитекторов Э. А. Исмаилова и Ф. Р. Леонтьевой в центральной части Баку в ближайшее время начнется строительство нового здания цирка, рассчитанного на 2 тысячи зрителей. На снимке: макет нового здания цирка.

Б. ТАВУШЕЦИ

Фото Романа Закнева.

Интервью «Огонька»

СОСЕДИ В ОКЕАНЕ, КОЛЛЕГИ В НАУКЕ

Заместитель директора Арктического института
П. ГОРДИЕНКО

Дрейфуя в Ледовитом океане, мы часто слышали в эфире позывные наших соседей — американских и канадских радиостанций. Тем интереснее было лично встретиться с коллегами — зарубежными учеными.

Вместе с профессорами Г. А. Авсюком и А. Г. Колесниковым и научным сотрудником Арктического института М. А. Рязановым я участвовал в международной конференции по изучению морского льда, созванной Национальной академией наук США.

В небольшом приморском городке Истон, неподалеку от Вашингтона, встретились представители девяти стран — Великобритании, Канады, Финляндии, Швеции, Дании, Федеративной Республики Германии, Японии, СССР и США. Было заслушано 28 докладов, в том числе 7 докладов советских ученых. За последние годы далеко шагнула вперед наука о морских льдах, столь важная для развития судоходства и экономики многих государств.

Об интересных исследованиях свойств льда, о закономерностях его дрейфа рассказали американский профессор Ассур и японский профессор Табата. Представитель Финляндии профессор Палосоу познакомил коллег с принципами составления ледовых прогнозов на Балтике. Зарубежные океанологи высоко ценят исследования советских ученых, широко

пользуются их трудами, изданными в СССР, переведенными на многие языки.

Приятно было общаться со старыми знакомыми, устанавливать новые научные связи. Тепло встретили нас англичанин доктор Армстронг, недавно гостивший в Москве и Ленинграде, швед доктор Шютт, участвовавший в советской океанологической экспедиции на дизель-электроходе «Обь» в Гренландском море. Впервые мы познакомились за рубежом с женщинами — исследователями полярных стран. Молодой океанолог Ирена Браун выступала на конференции с докладом о плавучих ледяных островах. На одном из таких островов дрейфует сейчас научная станция США «Т-3», другая американская станция, «Альфа», созданная на морском льду, находится в дрейфе неподалеку от нашей «СП-7».

Всеобщую симпатию и уважение к себе вызвала канадская полярница Мойра Данбар, участвовавшая в воздушных экспедициях в Арктику. Гостеприимно принимала советских ученых у себя дома Эдит Ронне — первая женщина, зимовавшая в Антарктиде вместе со своим мужем американским исследователем Финном Ронне.

Наши ученые ознакомились с работой научного метеорологического центра в Вашингтоне и с Чикагским институтом по изучению льда, снега и вечной мерзлоты.

КАК СОЗДАВАЛСЯ ФИЛЬМ «КРЫША»

В популярной повестке-сказке итальянского писателя Джанни Родари «Чипполино» есть трагикомический персонаж — кум Тыква. Он всю жизнь копил кирпичи, чтобы построить себе крошечный домик, вроде собачьей конуры, но, когда домик был готов, беднягу выгнали из него: земля эта принадлежала графине Вишне.

Этот эпизод Родари подарила сама жизнь. Недавно римские газеты писали о безработном, кравшем по ночам кирпичи, чтобы построить жалкую лачугу. Порой римским бездомным удается тайком построить на пустырях лачуги. Главное — успеть покрыть такой домик крышей до прихода полиции: по итальянским законам, нельзя без суда снести строение, если на нем есть крыша.

Истории постройки одного такого жилища и посвятили кинодраматург Чезаре Дзаваттини и режиссер Витторио де Сика фильм «Крыша», который скоро выйдет на советские экраны.

В 1952 году молодой наемщик Натале Дзамбон и его жена Луиза, временно жившие у родственников, неподалеку от дома Дзаваттини, рассказали ему о своих тщетных попытках найти в Риме жилье и о своем намерении выстроить «незаконный» домик. Так родился замысел «Крыши», в котором кинодраматург решил показать трагедию этой юной четы бедняков. Почти четыре года длилась подготовительная работа. Дзаваттини посещал римские окраины и строительные площадки, подолгу беседовал с каменщиками, бездомными, полицейскими, муниципальными чиновниками, людьми, строящими незаконные жилища. Он читал десятки простых людей свои варианты будущего фильма, прислушивался к их критическим замечаниям. В опубликованных дневниках Дзаваттини — записи этих бесед, заметки о стоимости строительных материалов, сортах кирпича, расчетах рабочей силы, времени постройки и прочих деталях, связанных со строительством. Такую же документацию собирал по поручению Дзаваттини и его сын.

Когда сценарий был готов, в работу вступил режиссер де Сика. Он принялся за поиски актеров-непрофессионалов, которые соответствовали бы внешним данным и характерам персонажей, созданных Дзаваттини. Из сотен девушек 16—18 лет на роль Луизы была выбрана семнадцатилетняя Габриэлла Палотта, ныне ставшая профессиональной актрисой. Исполнителя роли Натале искали в Падуе, Венеции, Вероне и, наконец, нашли в Триесте. Это Джорджо Лис-

Рабочий момент съемок. Режиссер В. де Сика с артистами Палотта и Листуцци.

Так идет стройка домика для молодых супругов.

туцци. Бывший футболист, он собирался отправиться на поиски работы в Австралию. Роль самого Чезаре играет римский рабочий Гастоне Ренцелли, до того уже с успехом снимавшийся в фильме Л. Висконти «Самая красивая».

Режиссеру пришлось немало поработать с неопытными «актерами». А для того, чтобы исполнители образов Луизы и Натале глубже вошли в роли, он даже поселил их в одной из таких лачуг.

Съемки «Крыши» финансировал сам режиссер де Сика, один из популярнейших киноактеров Италии на протяжении 30 лет. Он говорит, что в течение долгого времени ему пришлось быть «плохим актером», чтобы иметь возможность поставить этот фильм, не завися от продюсеров. Однако де Сика и Дзаваттини сказали в своем правдивом фильме все же далеко не все, что могли и хотели сказать. По записям Дзаваттини

мы узнаем, что он постоянно помнил о цензуре. Вначале оба они беспокоились, пропустят ли сюжет, затем — дадут ли возможность снимать фильм, потом — выпустят ли его в прокат.

— Я доволен историей, рассказанной в этом фильме. Совесть моя спокойна, — заявляет Дзаваттини. — Однако если бы мы создавали фильм в другой атмосфере, в сюжете был бы ясно поставлен вопрос о личной и коллективной ответственности за такие условия жизни...

Фильм «Крыша» достойно продолжает традиции лучших произведений итальянского прогрессивного киноискусства. Он звучит как страстный протест против общества, которое обрекает юные, любящие существа на лишения и страдания. Вместе с тем он прославляет человеческую солидарность и утверждает веру простых людей в свои силы.

Г. БОГЕМСКИЙ

Редкий снимок

Этот снимок, отражающий один из эпизодов освободительного марша Советской Армии после изгнания гитлеровских орд с советской земли, прислан читателям «Огонька» полковником в отставке Николаем Румянцевым. (Автор фото — Н. Г. Чиж.)

«Фотография», — пишет товарищ Румянцев, — мною найдена в связи со сбором материала к биографическому очерку о генерал-майоре М. Г. Фомичеве, бывшем до 1933 года трактористом совхоза «Союзплодоовощ», Белевского района, Тульской области. Здесь запечатлен выдающийся политический деятель Франции Эдуард Эррио в момент их освобождения из гитлеровского концлагеря весной 1945 года воинами 63-й гвардейской Челябинско-Петровской красной танковой бригады. Справа — командир бригады, ныне дважды Герой Советского Союза генерал-майор танковых войск М. Г. Фомичев».

ЛЮДИ

С ОБВЕТРЕННЫМИ ЛИЦАМИ

Начальник государственного лова П. Белозерцев.

Е. ВЕЛИСТОВ, Ю. КРИВОНОСОВ

Особое племя сибиряков живет на острове Ольхоне — люди с обветренными, бронзовыми лицами. Одиноким вытянутый остров, словно дрейфующий корабль, вмерз в ледяные поля посередине Байкала. Круглый год атакуют остров пронзительные

Солнце только встает...

ветры, и ольхонец встречает их с открытым лицом; ему некогда прятать нос в меха: большую часть жизни он проводит в открытом море. Ольхонец всегда в окружении воды, но плавать не умеет. Байкал обжигает холодом зимой и летом, в ледяной воде не обучишься плавать ни саженьками, ни кролем. Ольхонец в лю-

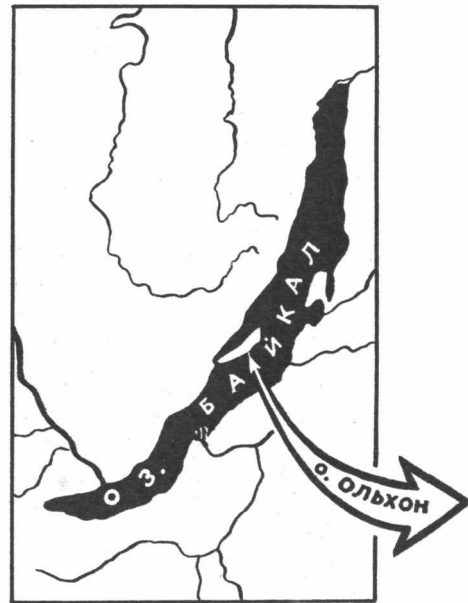
бое время может сказать, какая глубина под его лодкой, он укажет место всего в десяти километрах от острова, где ни одна сеть не достанет дна: там самое глубокое подводное ущелье. И все же, облачившись в ватник и сапоги, уплывает ольхонец летом далеко от дома, закидывает с лодки свои сети и считает пяти—шестибалльные штормы обычным брызжанием старика Байкала.

Житель Сибири, ольхонец почти не видит снега: ветер сдувает снег с острова, и обнаженные сопки, песчаные холмы, постройки из сосны выступают в своем натуральном желтовато-красном цвете. Зато ольхонец прекрасно знает лед, который после осенних волнений открывает свободный доступ на остров. Ольхонец знает, что главнокомандующий над ледовыми просторами — ветер. Он находит открытые места и раскачивает волны под толстым панцирем. Море кипит подо льдом, с пушечным грохотом может лопнуть самая прочная льдина, и если вовремя не заметишь трещину, быть беде.

Неожиданно среди зимы грянул на Ольхоне весенний день. Собственно, какая там весна — десять градусов мороза! Но солнце так щедро, что хочется снять шапку и прислушаться, не застучит ли вот-вот капель. Под солнечными лучами раззолотился Хужир, главный рыбацкий поселок на острове, весь, от фундаментов до крыш, отстроенный из сосны. Здесь проживает большинство ольхонских рыбаков, тут учатся их дети. Отсюда отправляются путешествовать по всему свету знаменитые омулевые бочки.

...Машина бежит по ровному полю. Но дорога эта обманчива. За несколько дней до нашего приезда ветер оторвал в Малом

море (узкая часть Байкала между островом и материком; там зимой рыбачат ольхонцы) огромную льдину и понес ее в открытое Большое море: Байкал еще не весь замерз. На поле длиною в пятнадцать и шириною в четыре—пять километров несколько десятков рыбаков занимались ловом и долгое время не замечали движения. Когда кто-то из рыбаков пробил тревогу, люди принялись прежде всего выбирать сети, выводить лошадей. С Ольхона неслись к плывущей льдине грузовики, лошади: везли канаты и тросы, все имевшиеся в поселке трапы и доски. Между тем льдина постепенно ускоряла ход, терлась о встречные поля, крошилась. Рыбакам пришлось прыгать с островка на островок до прочного льда. Спаслись все, утонула только лошадь, да погибли километры сетей с уловом. Большую

Торосы на Байкале.

Маруся Куржумова и Алла Малашкина — школьницы с острова Ольхона.

←
У береговых скал Байкала.

Подледный лов омуля.

Фото Ю. КРИВОНОСОВА.

Хужир. Улица Ленина.

льдину на другой день искрошило совсем, а еще через день в поселке появилась собака Альма, о ней тогда в спешке не вспомнили.

Происшествие уже забылось, да и некогда было маломорцам долго волноваться. В таких случаях рыбаки не имеют привычки падать духом, сетовать на судьбу или грозить морю—рыбаки снова берутся за сети. Час за часом рыбак на морозе и ветре окунает в воду покрасневшие руки. Выткнув пустые сети, он снова долбит лед, снова расставляет свои ловушки, пока не заблестят они серебром. Люди, чуть грузноватые в тулупах, валенках и в просторных, почти по локоть рукавицах, с полуслова выполняют распоряжение высокого человека с негромким голосом. Он высматривает трещины и пропарины от теплых ключей, которые могут вдруг появиться на пути; залезает в брезентовую палатку, где рыбаки выбирают сети; катит на коньках по темно-зеленому, бутылочного цвета льду, сквозь который можно еще на сорок метров заглядывать вниз. За улов, за заработок, за безопасность рыбака отвечает в первую голову он, начальник государственного лова. Павел Иванович Белозерцев три десятка лет щупает сетями дно, он знает Байкал. И все равно, помимо опыта, предводителю рыбаков надо обладать особым даром, каким-то чутьем на людей, на море. Говорят, Белозерцев видит любого рыбака насквозь и видит море до дна. И рыбаки доверяются этому человеку и называют его просто и сердечно—отец.

А таких сыновей, как маломорцы, иметь приятно: люди это сильные, выносливые, настойчивые. Нам понравились их короткие рассказы о себе: родился на Байкале, учился на Байкале, рыбачил на Байкале. С тридцать пятого года промышляет омуля Алексей Ефимович Копылов. Есть в его бригаде еще один Копылов—Михаил, молоденький парнишка, комсомолец. Он с удовольствием пошел на выучку к опытному рыбаку, хотя тут же рыбачат три его родных брата: Григорий, Федор и Владимир—с женами, целая семейная бригада. Кстати, Копыловы, выходцы из одной деревни, встречаются тут чуть ли не в каждой бригаде...

Прощаемся с рыбаками, которые на весь день расположи-

лись на льду, и отправимся в поселок. Сюда уже прибыла с материка почтовая машина. Она доставила газеты третьего дня—это довольно свежая почта: весной и осенью, когда Байкал штормит, а ветры не подпускают к острову самолеты, почта запаздывает на недели... За почтовой машиной промелькнул «газик» директора моторно-рыболовецкой станции Б. Бурлова. Он каждый день объезжает колхозы. Потом по морю покатила грузовики, бензовозы, автофургоны: доставляли свежий улов, в Иркутск отправляли ящики и бочки с рыбой, с материка везли продукты, горячее, сено.

А на другом конце поселка плотники вбили в крышу последний гвоздь, и сразу наступила тишина, такая же бездонная, как ослепительно голубое небо. Новый дом встал на новой улице, имени академика Обручева, которая одним концом упирается в тайгу.

После стука молотков и гудков автомобилей немного странно было оказаться в небольшой комнате, где в ящиках разложены кремневые крючки, скребки, ножи, каменные грузила, накопечники острог, рыбы-приманки—орудия самых первых ольхонцев, рыбаков каменного века. Все это раскопали хужирские школьники вместе с учителем—географом Николаем Михайловичем Ревякиным, которого мы застали в школьном краеведческом музее имени Владимира Афанасьевича Обручева. Оказалось, не случайно здесь это имя, как не случаен и портрет академика на стене. В декабре 1956 года юные хужирцы получили из Москвы письмо. Обручев описывал свою поездку на остров в 1889 году, интересовался жизнью на Ольхоне, просил прислать ему описания коллекции пород.

Между Москвой и Ольхоном установилась переписка, оборвавшаяся со смертью академика. После единственной поездки Обручеву так и не удалось побывать на острове. Но вот они, результаты внимания большого ученого: полная комната находок, чуел, образцов горных пород. Наказ академика выполняется, далекие школы знакомятся с Байкалом благодаря посылкам ольхонских ребят. Кстати, у Николая Михайловича Ревякина сегодня приятное «приобретение»: энтузиаст-археолог, открывший недавно наиболее раннее из известных на Байкале погребений,

получил сообщение из Иркутска, что он избран членом Восточно-Сибирского отдела географического общества.

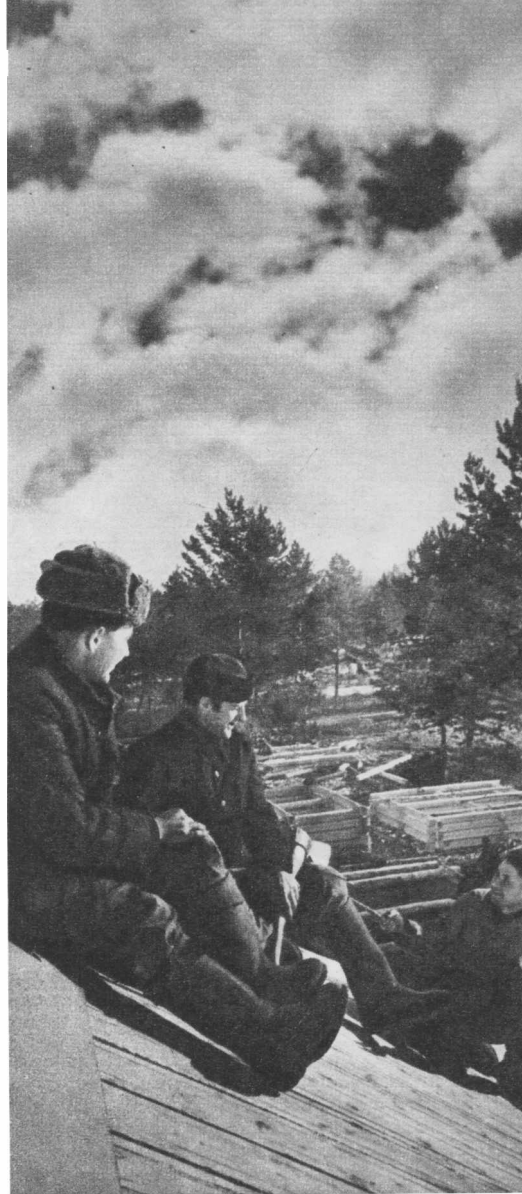
...И вот еще записи, сделанные нами в этот прекрасный солнечный день.

Родился самый юный житель Ольхона... Бондарь Александр Матюкас сделал последнюю, двадцать пятую, бочку из тех, что отправляются с омулем на Брюссельскую выставку... Мальчики и девочки с особыми значками на пальто, тимуровцы, в один момент натаскали из Байкала воды пенсионерке Анне Петровне Баяновой... Радисты приняли радиogramму о том, что из моторно-рыболовецкой станции отправился на коньках радист Мельников. Как всегда, он поехал в выходной на свидание к невесте—дело, конечно, сугубо личное, но как-то деликатно установить благополучное прибытие не мешает: до острова тридцать километров...

Поздно вечером, когда Байкал источает мягкий голубоватый свет и похож на драгоценный камень в оправе из скал и сопков, когда рыбаки отогреваются от моря—кто печкой, кто и чаркой, а хужирские ребята видят во сне говорящих рыб, на берегу у обрыва стоит высокий человек. Не любоваться ночным Байкалом вышел «отец рыбаков» Белозерцев. Где-то во льдах, ориентируясь на мигающие вдали огни поселка, шагали десять рыбаков. Навстречу им двигались с зажженными фарами машины.

Случилось так, что один из шоферов, загуляв на материковом берегу, не выехал подобрать бригады. Людям пришлось идти два десятка километров. Надо было видеть сосульки на их воротниках, чтобы понять, каким нерушимым должно быть в такой обстановке чувство товарищества. Всякий, пренебрегающий им, с позором изгоняется с Ольхона.

Белозерцев поворачивается спиной к морю: он увидел на

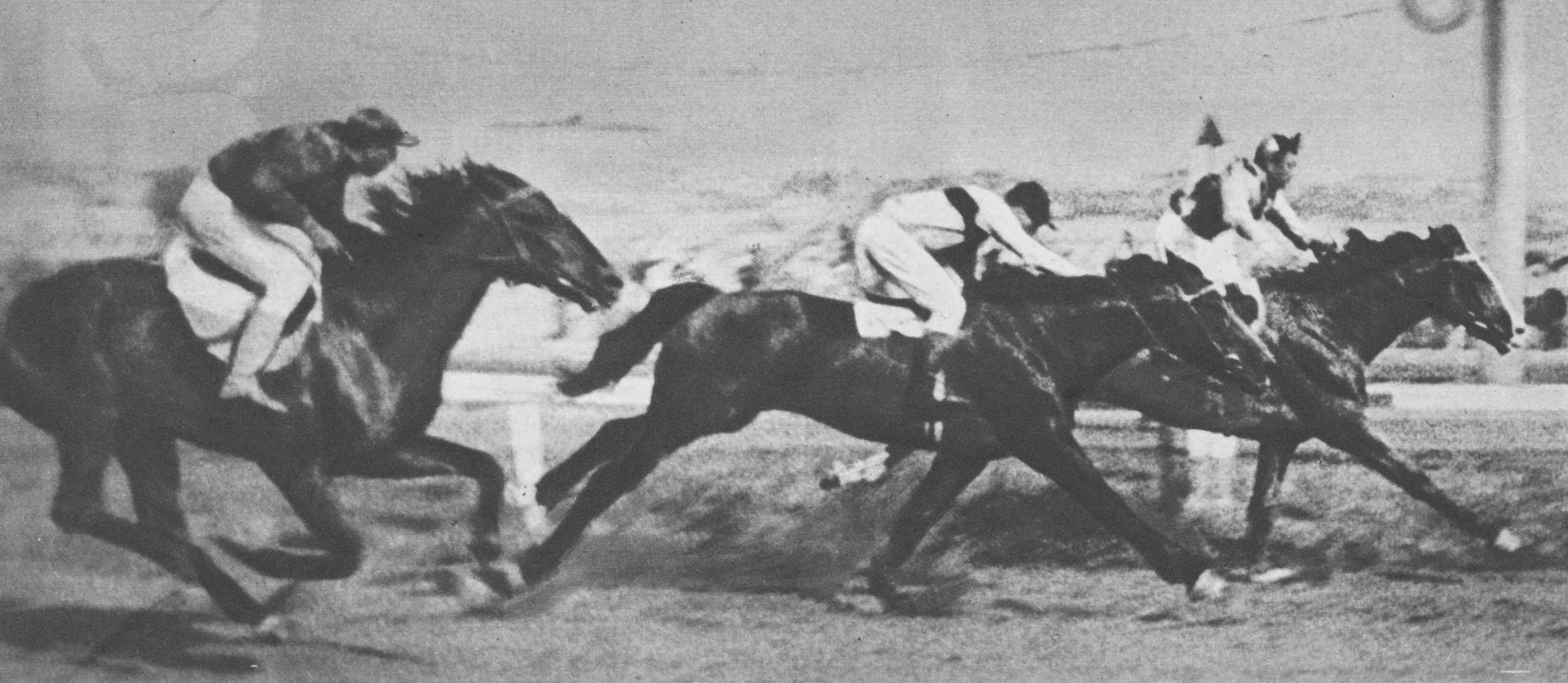

Вбит последний гвоздь...

льду светлую точку. Те, кто встречал восход и закат в море, возвращались на сушу, которую им редко удастся хорошенько рассмотреть при дневном свете...

Тимуровцы.

Записки старого жокея

Мих. ЛАКС

Лиловый влажный глаз, вспыхивающий вдруг огнем, как уголь под порывом ветра... Гладкая атласная, нервно вздрагивающая кожа, под которой виден рисунок даже самых тонких веточек-жилок... Шелковистые чуткие ноздри... И ноги! Они не стоят на месте, они танцуют, будто сбиваясь с такта от нетерпения...

И когда ударит колокол, жокей кинет коня в глубокий посыл — вся эта красота рванется вперед, распластается над землей, полетит... Да, это уже не бег, не конский топ — это полет, порыв...

Даже человек, не подверженный спортивной страсти, будет глядеть, как зачарованный, на замкнутую в кольцо зеленую ленту ипподромной дорожки, когда пестрая кавалькада, словно брошенная рукой стартера горсть разноцветных бус, начнет свое круговое движение.

Сейчас я, как говорится, не у дел: мне уж скоро будет восемьдесят. Ушел на пенсию. На ипподроме могу быть только зрителем. Но когда я смотрю на свой малиновый камзол и козырькастый жокейский картуз, в которых выступал последний раз, — вроде полсотни лет с плеч долой и хоть сию минуту в седло! Однако нет, старику гораздо сподручнее сидеть в удобном кресле и вспоминать, что было, и радоваться на молодых, которым, к счастью, уже не пришлось хлебнуть того, что полной мерой выпало на мою долю.

Столбовой дворянин

Отец мой, Николай Лакс, был дворянин. Стало быть, и все его отпрыски значились лицами дворянского звания. Сим лицам считалось зазорно добывать себе хлеб насущный мужицким ремеслом и всяким другим занятием, несовместимым со званием дворянина, как-то: быть продавцом в

лавке, половым в трактире, жокеем на ипподроме и тому подобное. Правда, дворяне, имевшие своих лошадей и рассчитывавшие на успех, выступали на скачках. Но они назывались спортсменами-охотниками, они делали это не за плату и не для других, а для себя, для собственного удовольствия. Быть же дворянину жокеем-профессионалом — дело неслыханное...

И все-таки я сделался жокеем... Когда отец мой учился в Казанском университете, он участвовал в студенческих волнениях. В числе других его забрали, посадили в участок. Жандармы били его — как-то так по-особенному, как они это умели делать: следов на теле нет, а печенки отбиты. Совершенно больным человеком уехал он по совету врачей в деревню, в Орловскую губернию. К тому времени у него было пятеро иждивенцев: два моих старших брата, Иван и Петр, я, сестра и наша мать. Недолго прослужил отец управляющим имения одного из богатых помещиков: умер. Мать пережила его едва ли на год. И остались мы сиротами.

Ну, мир не без добрых людей. Какими-то путями братья попали на службу в конюшни помещика Шереметева. Сестру приютил еще кто-то. А я, семилетний, после нескольких неудачных попыток притулить свою буйную голову в городе Ельце очутился на псарне помещика Левицкого. Здесь начал зарабатывать на жизнь и через собак познакомился с лошадьми.

Собаки по неизвестным причинам почему-то сразу полюбили меня. Мне даже казалось, что они немного жалеют нового работника, хотя относятся к нему чуть свысока. Своих гончих, например, помещик только что шампанским не поил.

Как бы там ни было, но я тоже полюбил собак. И жили мы дружной семьей.

Те, кто из всех охот предпо-

читает охоту с подружкой собакой, знают, какое это искусство — натаскать пса. Конечно, мне не доверяли преподавать в этой собачьей академии. На моей обязанности было кормить псов, водить на прогулки, чистить их жилье. Однако в семилетнем возрасте трудно бывает ограничиваться только прямыми обязанностями, всегда хочется сделать больше, превзойти полномочия.

Места вокруг помещичьей усадьбы были раздольные. Тут и открытое поле, и старый лес, и заказное урочище с озерами, спрятанными за густым кустарником, — на них плодилась дичь.

Егери, от которых пахло стреляным порохом и дымом охотничьих костров, будоражили мое воображение. Хотелось быть таким же.

И вот я брал какого-нибудь первопольного — сиречь впервые пускаемого в работу — щенка на сворку и шагал в лес. Там мы со щенком по мере сил старались подражать взрослым: он — собакам, я — охотникам.

Хозяин заметил мое пристрастие и повысил меня в чине: в мое распоряжение выдали лошадь, седло, и отныне я должен был приучать молодых собак ходить под конем.

С тех пор вся моя жизнь связалась накрепко с лошадьми.

Вскоре я волею судеб оказался вместе с братьями на конюшне у Шереметева, в селе Набережное, Орловской губернии.

Шереметев был большим любителем конного спорта. Он держал конюшню на пятнадцать чистокровных лошадей, частоставлял их на старты призовых скачек.

На новом месте пришлось менять специальность. Прямо надо заявить: «Скребницей чистил он коня» — не про меня сказано. Даже для своих восьми лет был я на удивление мал ростом. Мне предназначили более деликатное дело — общую уборку. Теплые конские яблоки надо было убирать только руками: вилы или грабли и вообще жесткие орудия в этом деле неприменимы,

не дай бог, повредишь невзначай драгоценные сухожилия коня. Что ж, это справедливо. Чистокровные английские верховые лошади с богатой родословной — вещь дорогая. За одного хорошего производителя, привезенного в Россию из Англии, жеребца Лувье, было уплачено ни много ни мало 300 тысяч рублей золотом. Стоит беспокоиться!

Мало-помалу я научился не бояться пролезать под брюхом у самых злых жеребцов, научился распознавать характер своих четвероногих друзей. Это давалось не так трудно: ведь я и спал-то в конюшне.

И это раннее знакомство с нравом лошадей пригодились на всю жизнь. С точки зрения чисто скаковой, главное у лошади — ее ноги, мускулы, дыхание. Но чтобы добиться высшей отдачи мускулов, обязательно нужно влезть в душу коню. Победить его, если он злой, буйный, взбодрить добродушного и расхлябанного, сделать серьезным бесшабашного.

Год шел за годом, я чуть подрос, и мне стали доверять проводку лошадей. Каждый раз, как тренер начинал «работать» очередную лошадь, я старался следить за его действиями от начала до конца и все запоминать. Мало-помалу меня начали поближе допускать к «кухне» тренинга. То дадут молодого жеребчика прогнать на кентере — тихом галопе — до ближней рощицы и обратно. То даже корду на минутку в руки сунут. Корда — это такая длинная широкая тесьма, один конец которой цепляется за трензель уздечки, надетой на коня. Другой конец держит тренер. Лошадь бежит по кругу, корда не дает ей уйти в сторону.

На восьмой год службы у Шереметева, когда мне сравнялось 15 лет, меня впервые послали в Москву сопровождать лошадей, выставленных на скачки открытия сезона. Ехали мы в одном из тех вагонов, на которых писали: «8 лошадей. 40 человек». Запомнился день прибытия в Москву, 18 мая 1896 года...

На следующий год меня опять

послали с лошадьми, теперь уже в Петербург. Потом — в Варшаву, в Одессу. Через несколько лет я носил громкий и лестный для меня титул — конюшенный мальчик. Это первое, самое низшее звание в скаковой иерархии. А в 1901 году судьба улыбнулась мне: я выступил на скачках.

Один из спортсменов, офицер Телегин, который пробовал сам выступать на собственных лошадях, однажды не справился с горячей трехлетней кобылой Конверцией и был выброшен из седла под ехидные смехи присутствующих. После этого он решил больше не пытаться судьбу самостоятельно, а взять жокея. Настоящие же жокеи к тому времени были все уже заняты. Нанять можно было лишь кого-нибудь из конюшенных мальчиков. Выбор пал на меня.

Конверция меня слушалась. Я скакал на ней и пришел к финишному полосатому столбу третьим. Это событие было настолько для меня оглушительным, что никаких подробностей из первой в жизни скачки не успел запомнить. Помню одно: подошел ко мне сам Шереметев, похлопал по плечу и сказал с улыбкой:

— Ну, Мишка, теперь ты натуральный столбовой дворянин. Тянешь в жокеи!

«Столбовой» — это он производил от столбов, которыми размечена беговая ипподромная дорожка.

Разноцветные ступени

В 1902 году «Журнал спорта», который издавал знаменитый В. А. Гиляровский, начал на своих страницах кампанию в защиту русских жокеев.

Надо знать, какое существовало тогда положение в скаковом деле России, чтобы понять важность этой кампании.

Сначала в жокейском мире безраздельно властвовали англичане. Даже самые захудалые коннозаводчики старались нанять на службу жокея, приехавшего ловить счастье в Россию из Англии. Потом к англичанам прибавились французы. А к началу нового века в моду вошли американцы, среди которых было много негров.

Иностранным жокеям иногда платили по 40 тысяч золотых рублей в год, а своим, русским, — хорошо, если восемьсот — тысячу. С иностранцами жокеями хозяева лошадей здоровались за руку, с русскими — брезговали.

Иностранцы приезжали уже с готовыми титулами. Русскому же пробиться из конюшенных мальчиков в жокеи было так же трудно, как кондуктору «махнуть» сразу в министры.

Утвердилась железная ступень: нужно преодолеть три разноцветные ступени. Чтобы заслужить звание «ездок», нужно 25 раз выиграть скачки. Тогда на афишах писали черной краской: «Ездок такой-то». Пятьдесят первых мест давали право на синюю краску, но не меняли звания. Сто пятьдесят первых мест в скачках на Московском, Петербургском и Варшавском ипподромах — и тогда только появлялся желанный красный цвет и слово «жокей».

Если учесть, что иностранные коллеги скакали всегда на фаворитах, на лучших лошадях, а русским ездокам доставались лошади намного похуже, нетрудно подсчитать шансы ездоков. Многие всю жизнь, до самого конца своей скаковой карьеры, так и ходили «в черном теле». Синий цвет был недостижим, как небесная лазурь, а красный — как ясное солнышко.

Начал я у офицера Телегина конюшенным мальчиком с окладом 25 рублей в месяц. Пробираясь в жокеи, можно было рассчитывать лишь на собственные силы и смекалку. Никакой поддержки со стороны ожидать не приходилось.

Писаных руководств для жокеев не имелось, тренеров, которые бы учили тайнам ремесла, тоже не было. Обучение шло, так сказать, чисто опытным порядком: смотри, как скачут другие, и пытайся скакать так же. Сумеешь, не сумеешь — это никого не касается.

Долго я мытарился, пока повезло стать «черным» ездоком. Не одного хозяина сменил в поисках лучшего к себе отношения. Следующий шаг, с черной ступени на синюю, оказался немного легче: как-никак, а опыта прибавилось. К тому же я всегда был в хорошей спортивной форме: не пил, не курил, вообще не предавался разгульной жизни. Главное было — выступать как можно чаще, стараться и на плохой лошади придти первым. Иногда это удавалось.

Однажды капризная жокейская судьба занесла меня в Варшаву. Сезон был в самом разгаре. Лошадники готовились к крупнейшим состязаниям — дерби. Этот приз с легкой руки английского лорда Дерби — не того, который был премьер-министром в середине 19-го века, а жившего еще в 18-м веке, — стал традиционным во всем мире. Участвуют в нем трехлетки, дистанция — 2400 метров. Я болтался без дела, потому что мой тогдашний хозяин своих лошадей на дерби не записал. И вот заходит к нам в конюшню некий господин, благоухающий, как парфюмерная фабрика. Представился: владелец парикмахерской Белоблодский.

— У нас с братом, видите ли, есть подходящая лошадка. Мы записали ее на дерби. Но, видите ли, некому скакать. Если вы свободны...

— С удовольствием! — обрадовался я.

Пошли смотреть «подходящую лошадку». Взглянул я и не мог удержать тяжелого вздоха. Хотя и чистых кровей был этот жеребец Гайда, но на вид не дай бог. Ноги с косолапиной, экстерьер — глаза бы не глядели. Спина, как продавленный диван. Кость бедная. Одет плохо, то есть мышцы слабые. Одним словом, картина ясная: к славе на такой лошади не прискачешь. Говорю господину Белоблодскому:

— Вы, конечно, догадываетесь, что первым ваш Гайда не будет?

— О, безусловно! — воскликнул он. — Гайда не будет даже третьим. Это я понимаю. Я человек дела и всегда трезво взвешиваю свои шансы. Но нам с братом будет просто приятно, что наша лошадь поскачет на дерби.

Мы ударили по рукам. Никаких обязательств я не давал, а он не требовал. Лишь бы принять

старт и довести до финиша, а какое получится место — неважно. Плата ездоку была известная: 3 рубля за заезд, независимо от места.

И вот скачка. Погода выдалась отличная. Публики видимо-невидимо. У окошечек тотализатора роятся котелки, шапокляки, береты. Кажется, в тот день общая сумма ставок в тотализаторе была рекордной. Фаворитом считалась лошадь, на которой скакал жокей Гурецкий (клички ее не помню).

Старт приняли хорошо: никто не остался.

К тому времени старая манера вести скачку в спокойном темпе и только на последней полуверсте выжимать из лошадей все их возможности уже теряла популярность. Появился новый стиль.

Есть такие жокейские выражения: «обиграть в посыле» и «обиграть в хлысте». Когда всадник ускоряет ход лошади, работая руками, в которых зажаты поводья, и подобно маятнику раскачиваясь в стреленах в такт галопу, — это посыл. Когда он обгоняет соперника, подстегивая свою лошадь, — это в хлысте. Так вот, новый стиль заключался в том, что с места до места — со старта до финиша — участники ведут скачку, так сказать, и в посыле и в хлысте. Темп высок на всей дистанции.

С самого старта завязалась острая борьба. Я, понятное дело, не вмешивался в спор сильнейших, держался позади, принимая на себя густой град комьев земли, летевших из-под копыт. Постепенно я отстал. Но удивительная вещь: на середине дистанции послал я Гайду понастойчивее и быстро догнал основную группу; только Гурецкий вырвался и шел корпуса на три впереди. «Значит, — думаю, — Гайда даром что неказист на вид, но резвый и сил у него достаточно». Стал держаться стремя в стремя с предпоследним. При выходе на прямую чувствую, что у Гайды хватит сил выдержать еще один бросок. Гурецкий, оторвавшийся уже корпуса на четыре, оглянулся раз и больше не оглядывался. Я пустил в работу хлыст, да так, что, вижу, Гайда из-под меня вот-вот улетит. Вероятно, он, сердяга, не любил эту кусачую игрушку. Секунда, другая — мой Гайда уже дышит в круп лошади Гурецкого. Вскинулся тот, да уж поздно. Стегнул я покрепче, и Гайда выдвинулся на голову вперед. А тут и финиш!

На Гурецком не было лица. Публика от неожиданности долго не могла сообразить, что к чему: те, кто пришел на ипподром ради удовольствия поглядеть на состязания, были поражены скоротечной борьбой на финише, а те, кто играл в тотализатор и сделал ставку на одного из фаворитов, были крайне недовольны победой какого-то выскочки Гайды.

Братья Белоблодские, не в состоянии сдержать своих чувств,

кинулись к взмыленному Гайде, целовали его в дрожащие от напряжения ноздри, в губы, с которых хлопьями падала наземь белая горячая пена... Потом победителя-дербиста по традиции провели перед трибунами. Публика кричала: «Гайда! Гайда!» Я шел чуть позади лошади. Братья раскланивались.

Но на них никто не обращал внимания. Как, впрочем, и на меня. Так уж было заведено: когда крупный приз выигрывает знаменитый жокей на знаменитой лошади, принадлежащей знаменитому владельцу, слава делится приблизительно на три равные части. А когда выигрывает неизвестный ездок на неизвестной лошади малоизвестного владельца, — совсем другая песня.

После скачек в этот день у окошечек тотализатора не роились котелки, шапокляки и береты. Получать выигранные было никому. Какой же дурак сделал бы ставку на жеребца Гайду, если сами его хозяева, братья Белоблодские, ставили на других лошадей?

Выигрыш варшавского дерби принес мне известность в жокейском мире и среди владельцев конюшен. Это радовало без меры. И в данном случае прельщала не слава ради славы. Ведь кого знают, того и скакать приглашают чаще. Следовательно, можно и заработать больше. Надо только держать себя в порядке и по возможности использовать удачу. Слава — она вещь капризная, уйдет — не вернешь. А жизнь жокея проходит не без риска. Можно же, нарушив правила уличного движения, попасть в аварию на автомобиле? Можно. А на скачках лошадь, между прочим, несется со скоростью, которая для транспорта в городах запрещена, — 60 километров в час. Чего не бывает! Сорвется жокей под копыта — на всю жизнь калек. И ни о какой пенсии думать не приходилось.

Что такое судьба жокея и наездника, выступающего на рысках, я узнал еще в самом начале своей скаковой карьеры. Гвоздем засело в голову коротенькое сообщение, помещенное в «Журнале спорта». Впоследствии встречались случаи и пострашнее, но этот особенно скреб душу, потому что был первым на моей памяти:

«23 ноября умер на Московском ипподроме от разрыва сердца наездник Шевляков. Смерть последовала в то время, когда он проезжал Невольника. После Шевлякова осталась семья без средств, так как покойный, один из честнейших наездников, получал небольшое жалованье».

И вдвойне было обидно читать рядом вот такое:

«Из Ментоны сообщают, что здоровье Гамильтона поправляется, и возможно, что, несмотря на воспаление легких, полученное им

Впереди на Гроге М. Лакс, сзади — Винкфильд. 1912 год.

Грог Муссон. 1912 г.
В. Память Д. Гербе

осенью, он уже к весне будет в состоянии скакать на лошадях конюшни князей Любомирских, с которыми у него заключен контракт на три года».

Да, Шевляков не получал 40 тысяч в год, как американцы Листер Рифф или Гамильтон...

По мере того, как шло время, русские жокеи все убедительнее доказывали, что они ничуть не хуже иностранных, а часто и лучше. Но коннозаводчики по-прежнему воротили нос от соотечественников.

Я скакал шесть лет, прежде чем мое имя впервые написали красной краской и я стал получать 10 рублей за выезд. Теперь уже в работе недостатка не было. В 1908 году участвовал в скачках 163 раза, в 1910-м — 184, а в 1912-м — 319 раз. Из этих 319 первым был 84 раза.

В 1913 году я удостоился чести быть приглашенным на службу в призовую скаковую конюшню «известного коннозаводчика и спортсмена Л. А. Манташева», как он именовался в печати. Для Манташева я выиграл на его лошади Принцессе-Магдалене международный приз в 10 тысяч рублей и несколько других больших призов. Однако в конце концов мы «не сошлись характерами», и я уехал в Одессу.

Как мы помогли товарищу

Много толков ходило в старые времена о всяких жульнических махинациях жокеев на скачках.

Скажем, в скачке участвуют шесть лошадей. Одна из них (обозначим ее № 1), скачущая под лучшим жокеем, считается самым вероятным претендентом на первое место, она несомненный фаворит. Другая лошадь (назовем ее № 2) имеет гораздо меньше шансов на выигрыш, хотя она намного сильнее остальных четырех лошадей.

Ясно, что люди, играющие в тотализатор — и знатоки и незнатки, — при таком не вызывающем сомнений распределении сил будут ставить на лошадь № 1. Только какой-нибудь профан поставит на № 2 или тем более на одну из остальных лошадей.

Итак, на № 1 сделано подавляющее большинство ставок — предположим, пятьсот. Если она придет первой, то каждый ее приверженец получит за свой десятирублевый билет, скажем, одиннадцать рублей. Мало, но все же — выигрыш.

Но представьте себе, что первой была на финише лошадь № 2.

М. Лакс на Гроге — неоднократном победителе скачек на традиционные призы. 1913 год.

На нее ставили три — четыре человека, не больше. В таком случае вся разыгрываемая сумма делится не на пятьсот, а только на этих трех — четырех. Выигрыш получается не маленький. Еще больший выигрыш падает на маловероятный номер третий.

И вот, предположим, жокей, скачущий на лошади № 2, договорился с жокеем № 1 о такой комбинации. Он, № 2, через подставное лицо, сидящее на трибуне, делает ставку на свою лошадь. Номер 1-й в последний момент должен придержать своего скакуна и выпустить вперед номер второй. Барыш пополам.

На финише № 1 отстает от № 2 всего на полметра. Для неопытного зрителя это будет просто неожиданностью, возможной в любом спортивном состязании. И лишь судьи да игроки, съездившие, что называется, волка в этом деле, заметят, что скачка не обошлась без жульничества. А в результате — крупный куш в карманах двух жокеев...

Но это, так сказать, случай гипотетический, предположительный, подобные случаи могут существовать в теории, но очень редко в практике. Жулика легко схватить за руку.

Правда, на иностранных ипподромах происходят иногда истории, разыгрываются драмы, в которых жокеи играют некрасивую роль. И это бросает тень на все жокейское племя. Но надо помнить, что часто в таких случаях сам жокей мало виноват. Его там принуждают к этому владельцы конюшен, всякие темные личности, а иногда просто гангстеры.

Вспоминается нашумевший несколько лет назад скандал, героем которого был известный аргентинский жокей Ди Томассо. За день до скачек на очень большой приз к Ди Томассо пришли какие-то незнакомые люди с тонкими, в ниточку, усиками.

— Вы хотите жить? — с улыбкой спросил жокея один из пришедших.

Такой вопрос показался Ди Томассо банальным и неостроумным.

— Выражайтесь яснее или убийтесь вон, — предложил он гостям.

— Потише, мальчик! — уже без улыбки сказал тот же господин. — Завтра Вильгельм Телль придет вторым, но не первым. Вторым, — подчеркнул он, — и тогда вы получите некоторую круглую сумму. А если первым, — гарантируем вам нож под левую лопатку вскоре после скачек. Привет!

И незнакомцы ушли, оставив Ди Томассо одного решать милую проблему.

Вильгельм Телль был трехлетний жеребец, на котором ему предстояло скакать. Эта лошадь под седлом Ди Томассо не проиграла еще ни одной скачки. И на

тотализаторе, и у жуков-букмекеров она котировалась как номер первый. Все ставили на Вильгельма Телля.

Что было делать Ди Томассо? Огромные толпы любителей скачек, собирающихся на ипподроме Буэнос-Айреса, могут прийти в ярость, если почувствуют, что их бессовестно надуют. Но тут может выручить полиция, она оградит жокея от справедливого гнева толпы. А от ножа гангстера полиция оградить не может. Уже сколько было подобных несчастий с жокеями...

И Ди Томассо пришел вторым, выпустив вперед ту лошадку, на которую делали ставку люди с тонкими, в ниточку, усиками. А то, что на ипподроме бушевала буря, не страшно. Для толпы у полиции всегда достаточно воды в пожарных шлангах.

Как сообщали газеты, гангстеры эти принадлежали к какой-то темной партийной группе, и им срочно нужны были деньги для очередной политической авантюры.

На российских ипподромах таких «политических» махинаций не было. Но однажды...

Дело было в Одессе. Я служил тогда жокеем в конюшне богатого польского фанатика конного спорта Юрьевича.

Относился ко мне Юрьевич на редкость хорошо, да оно и не удивительно: хозяин лошадей всегда жаловал особыми милостями своих служащих, которые приносили ему славу на ипподромах.

У меня был товарищ — Клименко, тоже жокей. Однажды он серьезно поссорился со своим хозяином, и тот, недолго думая, предложил ему расчет. «Вот тебе, — говорит, — тысячу рублей, и расстанемся по-хорошему. Рекомендации я тебе дам». У Клименко семья жила в Харькове, и он решил ехать туда, в надежде устроиться при харьковском ипподроме. Клименко должен был на другой день уезжать.

Однако утром он явился к нам в конюшню зеленым лицом, с ввалившимися глазами, глядевшими прямо-таки безумно. Долго он молчал, стоя перед нами и будто собираясь с духом, а потом рассказал все.

Не выдержал Клименко жокейского трезвого характера, пошел вечером в ресторан и напился с горя «до чертиков». А после того ноги сами занесли его в игорный дом. Игрок он был никакой и спустил всю тысячу до последней копейки еще до утренней зари.

Стоит он, плетью опустив руки, а нам жалко: товарищ наш все-таки, хотя и недостойно себя вел.

Прикинули мы так и эдак, ничего не получается: помочь ему не имеем сил, а вернее — средств. Как тут быть? Жалко товарища.

В этот день состоялись скачки на крупный приз. Ипподром собрал большое количество зрителей. Тотализатор работал с высшим напряжением сил.

Я скакал на одной из лучших лошадей завода Юрьевича. Она не знала еще ни одного поражения. Ни у кого не было ни малейшего сомнения, что она выиграет скачку.

Мой товарищ имел под седлом первоклассного чистокровного жеребца, за которым оставляли безусловное второе место.

Третьей по силам считалась — и мы с товарищем твердо знали,

что она действительно должна быть третьей, — одна лошадка, на которой скакал мало нам знакомый ездок.

Прозвучал колокол, все лошади хорошо приняли старт, и бешено мчащаяся кавалькада устремилась вперед. На последнем круге я вел скачку. В спину мне дышала лошадь моего товарища. На повороте я оглянулся и увидел, что та лошадка, которой прочили третье место, и вправду идет третьей.

Метров за сто до финиша случилось непредвиденное для публики. Я и мой товарищ самым непонятным образом оказались чуть позади «третьей». Мы «пытались» ее достать, но она чисто пришла первой — на целый корпус.

Трибуны сначала словно сделали общий глубокий вдох, а затем разразились такими воплями, что хотелось зажать уши.

Ездок, скакавший на «третьей», несколько обалдело улыбался от счастья. Он еще никак не мог осмыслить всего происшедшего. Ему и в голову не приходило, что он стал победителем вовсе не по своей воле.

Когда я остудил свою лошадь, ко мне подошел Юрьевич. Он был заметно расстроен. Оглядев мрачно жеребца, он спросил:

— Миша, скажи, почему ты проиграл?

Я замаялся. Как ни странно, готового ответа, более или менее правдивого, ни я, ни мой товарищ не приготовили, — забыли.

— Раскалывай лошадь.

Юрьевич даже не стал проверять, так ли это: ложь была очевидна. Он вздохнул, хлестнул себя арапником по голенищу лакового сапога и сказал:

— Вот что, Миша. Много лет я верил тебе безусловно. Теперь, как это ни прискорбно, я тебе не верю. Когда я знаю наверное, что моя лошадь выиграет, — она должна выигрывать. Теперь я тебе не верю. Выводы делай, будь любезен, сам.

Тяжело мне было уходить от Юрьевича: и платил он мне приличное жалованье и не выказывал барского пренебрежения ко мне, а главное, жалко было расставаться с лошадьми, к которым успел привязаться. Одно утешало: Клименко уехал к своей семье в Харьков с крупной суммой в кармане. Это была плата за мое бесчестие.

Как можно догадаться, Клименко сделал ставку на лошадь, которая должна была довольствоваться третьим местом. Он поставил на нее все, что мы сумели наскрести ему в долг для игры, — рублей сто. А получил в кассе тотализатора несколько тысяч.

Взяли мы с товарищем грех на душу, но ведь, если бы мы оставили Клименко в беде, — было бы, пожалуй, хуже.

А если бы вся эта история получила огласку, то князь Трубецкой, вице-президент Императорского московского скакового общества, надо думать, отобрал бы у меня свой подарок — золотые карманные часы, на крышке которых выгравировано: «За безупречность». Но никто ничего не узнал. И часы эти благополучно носит теперь один из двух моих сыновей-жокеев, которому я их презентовал.

Окончание следует.

Литературная запись
Олега ШМЕЛЕВА.

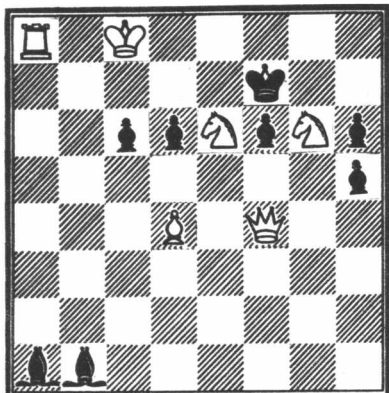
Шахматы

Под редакцией гроссмейстера
С. ФЛОРА

Чемпионы мира — шахматные композиторы

Александр Алехин в юные годы составлял задачи. Приводим известную задачу, которую Алехин составил вслепую, не глядя на доску.

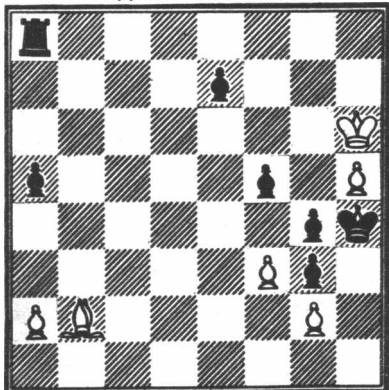
Задача А. Алехина

Мат в три хода.

Хоть эта задача была создана и вслепую, не думайте, что решение простое. Подскажем только первый ход — неожиданный, красивый, типично алехинский. 1. Фf4—f5!! Теперь посмотрите все ответы черных, и вы увидите, что в любом варианте они получают мат в два хода.

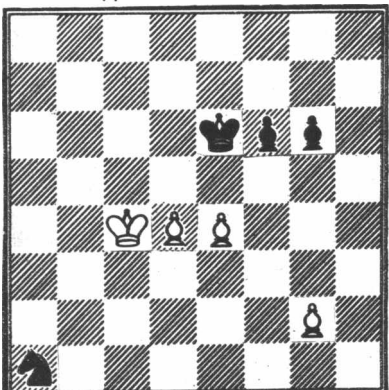
Этюд В. Смыслова

Ничья.

Этот этюд чемпион мира составил, когда ему было только 17 лет. Вот решение:
1. Сf6+! e:f6 2. f4 Лh8+ 3. Кpg7 Л:h5 4. a4 Лg5+ 5. Кph8! Лg6 6. Кph7 Кph5 7. Кph8 Лh6+ 8. Кpg7 Лg6+ 9. Кph8 Кph6 — пат.

Этюд М. Ботвинника

Ничья.

Решение:

1. Крс3 f5 2. d5+ Кре5 3. e:f5 g:f5 4. g4! f:g4 (или 4... f4 5. d6!) 5. d6! Кр:d6 6. Крд4 и последняя пешка черных теряется.

Впервые в шахматной истории...

В прошлом году в Нью-Йорке состоялся тренировочный, так сказать, дружеский матч между С. Решевским и Доналдом Бирном. Учитывая, что встречи С. Решевского часто проходят «весело», во главе судейской коллегии поставили опытного международного судью — Г. Кмоха.

В шахматных турнирах судья часто бывает «безработным», поскольку турниры и матчи протекают гладко. Но в данном случае Г. Кмох был перегружен.

В первой партии матча Бирн просрочил время, чего, однако, Решевский, который также играл «на флажке», не заметил, тем более, что давно перестал записывать ходы на бланке. Находчивый Бирн предложил ничью, которую Решевский принял. Когда же стали записывать ходы, Решевский заметил, что партнер просрочил время, и потребовал засчитать Бирну проигрыш. Но Г. Кмох возражал и зафиксировал принятую Решевским ничью.

Во второй партии оба партнера просрочили время! Это раньше заметил Решевский. Но Г. Кмох отверг претензии Решевского и заявил: «Предъявить претензии или протест можно только при своем ходе». Тут Бирн быстро сообразил: «Тогда я требую записать проигрыш Решевскому!»

Третья партия была отложена с преимуществом Решевского. В тот же вечер заседала судейская коллегия и решила вторую партию, в которой оба участника просрочили время, признать ничейной. После этого Бирн не явился на игру в четвертой партии «дружеского» матча. Г. Кмох засчитал ему проигрыш, но судейская коллегия отменила это решение и постановила провести партию, когда Бирн «успокоится».

Это уже было слишком для Г. Кмоха! Он отказался от функций главного арбитра; пришлось искать другого судью. Матч все же закончился. Результат — 7:3 в пользу Решевского.

Рисунок Ю. Федорова.

В шахматной истории, кажется, бывало все. Но впервые в шахматном соревновании выбыл главный судья. Приоритет принадлежит Америке.

Короткий разговор...

Несколько лет шли переговоры, пока наконец в 1908 году, — кстати, это было полвека назад — в Германии состоялся матч на первенство мира между чемпионом мира Э. Ласкером и З. Таррашем. Еще в стадии длительных переговоров гроссмейстеры обиделись друг на друга, а к началу матча перестали разговаривать. Немало было попы-

ток примирить гроссмейстеров. Их просили, чтобы они хоть перед публикой улыбались друг другу. Была организована даже специальная встреча в гостинице для откровенной беседы.

Тарраш явился, сделал два шага от двери, поклонился и сказал: «С вами, господин Ласкер, у меня может быть только один, весьма короткий, разговор из трех слов: шах и мат!»

Надо сказать, что Таррашу не так уж часто удавалось осуществить эту угрозу: лишь три раза. Восемь раз он ограничивался одним словом: «Сдаюсь!»

Примирение состоялось

Молодой кубинец Х. Капабланка в 1914 году также вызвал чемпиона мира Э. Ласкера на матч. Снова велись переговоры, и снова не обошлось без обид. В частности, Ласкер утверждал, что претендент на звание чемпиона что-то не так сказал и не так написал. Переговоры были прерваны.

В том же году в Петербурге состоялся крупный турнир, в котором участвовали оба выдающихся шахматиста. На заключительном банкете жена Ласкера попросила мужа примириться с Капабланкой. Ласкер встал и подошел к тому месту, где сидел кубинец.

Со стаканом шампанского в ру-

ке доктор Ласкер провозгласил тост за здоровье молодого Капабланки и протянул ему руку. Акт примирения был встречен бурными аплодисментами.

Через 7 лет оба гроссмейстера встретились в матче на первенство мира на родине Капабланки — в Гаване. После окончания матча Ласкер воскликнул: «Да здравствует новый чемпион мира!».

По русской поговорке...

В турнире южноамериканской зоны в Рио-де-Жанейро аргентинский гроссмейстер М. Найдорф потерпел неудачу. Он оказался только на четвертом месте и, таким образом, не попал в межзональный турнир в Порторож.

Любопытно вспомнить, что в 1947 году темпераментный гроссмейстер на страницах одной аргентинской газеты напечатал серию статей под весьма ответственным заголовком: «Я буду чемпионом мира!».

Пока что Найдорфу не удалось выполнить это обещание. В лучшем случае Найдорф может стать чемпионом мира в 1963 году. Но ведь ему тогда будет уже 53 года...

Теперь Найдорф понял смысл русской поговорки: «Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь!» Уж слишком много препятствий на пути к шахматной короне!

Матч-реванш мирового шахматного первенства

НА МАРАФОНСКОЙ ДИСТАНЦИИ...

Пока В. Смыслов и М. Ботвинник думают, зрители в глубокой тишине терпеливо ожидают. Наконец следует движение рук, передвигаются шахматные часы: ход сделан. Часто случается, что именно этого хода никто не предвидел. На то они и чемпионы! Ботвинник в седьмой партии заставил «ахнуть» даже все пресс-бюро, где обычно собирается до десяти гроссмейстеров. Десятый ход, сделанный Ботвинником, остался не замеченным всеми комментаторами, хотя у них больше времени на обдумывание, чем у участников матча.

Но естественно, что и чемпион мира — только человек, и, следовательно, ему свойственно ошибаться. Поэтому бывает так, как в третьей партии. Весь зал видел, что Смыслову никак нельзя делать единственного хода: 28.Ke5. Чемпион мира думал 10 минут и все же сыграл именно Ke5... От грубой ошибки Смыслова, что называется, в жар бросило, и он проглотил стакан минеральной воды.

С Каро-Канном, этим «самым плохим дебютом», Ботвинник удачно «проскочил» два раза, играя черными, и заработал две единицы.

При неудачном старте белыми Смыслов должен был искать счастье в черных. Хорошо проведя первую часть четвертой партии, он отложил ее в выигрышной позиции. Но, очевидно, 0:3 давило даже на спокойного Смыслова, и при доигрывании чемпион мира в решающий момент, на 55-м ходу, перепутал порядок ходов, намеченный в домашнем анализе, и Ботвиннику в результате упорной защиты удалось добиться ничьей.

В пятой партии Ботвинник проявил «трогательное» отношение к своему сопернику. Экс-чемпион мира умело создал матовую сеть... самому себе, и у него оставался только один выход: сдаться. В смысле упущенных возможностей гроссмейстеры почти в расчете.

В шестой партии Ботвинник вторично опроверг стратегию чемпиона мира, который «с бока» атакует сильный пешечный центр белых в староиндийской защите. Этот творческий спор, так же как и другой, в сицилианской защите, пока принес успех Ботвиннику.

Шестидесять восемь раз Василий Смыслов и Михаил Ботвинник сдружились друг против друга за доской до этого матча. Седьмая партия была их 75-й встречей за время их 18-летнего знакомства. Юбилейная партия! Даже приятно, что она закончилась вничью, мирно.

Если уж разговор зашел про даты, то нельзя не сказать, что 24 марта Смыслов отметил свой день рождения. Год назад в этот же день настроение у него было лучше: он выиграл восьмую партию и со счетом 4,5:3,5 захватил лидерство, которое затем уже не выпустил до самого конца.

Рано делать какие-либо далеко

идущие выводы. Хочется сказать лишь то, что бросается в глаза. Ботвинник научен горьким опытом прошлого года и теперь лучше подготовлен в теоретическом отношении. «Страшный», патентованный Смысловым во встречах с Ботвинником ход 1. e2—e4 «не выигрывает». В прошлом году Ботвинник неоднократно грустно покидал шахматный клуб после того, как он не мог точно реализовать свое преимущество в отложенных партиях. Ныне Ботвинник с довольной улыбкой увез несколько единиц с Гоголевского бульвара, 14. Несомненно, что Ботвинник в значительно лучшей форме, чем год назад. Поклонники Смыслова надеются, что чемпион мира приобретет свою настоящую спортивную форму и что в предстоящей марафонской дистанции он может догнать и перегнать соперника. Все бывает, все может быть.

Прав был президент ФИДЕ Ф. Рогард, который еще до матча заявил, что не завидует ни Смыслову, ни Ботвиннику, которым предстоит труднейшая работа, огромное умственное и физическое напряжение. Нервы, нервы! Вот что имеет решающее значение. Занять место в удобном кресле и только болеть, конечно, легче и приятнее, чем самому играть на первенство мира. Впрочем, и болельщику необходимо беречь свое здоровье. Поэтому мы советуем всем болельщикам не слишком радоваться и в меру огорчаться.

ВОКРУГ МАТЧА

— Меняю коня на королеву!
Изошутка Л. Самойлова.

250 ЛЕТ

Заголовок статьи написан рукописным шрифтом начала XVIII века, на основе которого создавались буквы гражданской азбуки.

Сими литеры печатать исторические и мануфактурные книги. А которые подчеркнуты, тех (в) вышесписанных книгах не употреблять.

Собственноручная запись Петра I на внутренней стороне верхней крышки переплета гражданской азбуки.

«Сими литеры печатать исторические и мануфактурные книги. А которые подчеркнуты, тех (в) вышесписанных книгах не употреблять».

русской гражданской азбуке

А. Г. ШИЦГАЛ,
кандидат искусствоведения

250 лет назад, 17 (28) марта 1708 года, в Москве на Печатном дворе была закончена печать первой в России книги «Геометрия славенски землемерие», набранной вновь созданным шрифтом.

Этот шрифт лег в основу письменности большинства народов Советского Союза. Он был принят также для болгарского и сербского языков.

Рубеж XVII и XVIII веков — важная веха в истории русской культуры, науки и просвещения. В начале XVIII века в условиях укрепления русского национально-государства церковь была подчинена светской власти. Началось широкое развитие науки и просвещения. А это настоятельно требовало развития книгопечатания.

Впервые в России в больших масштабах организуется печатание гражданских книг: математических, военных, градостроительных, географических, исторических, художественных, навигационных.

Нужна была реформа старославянского шрифта. Прежде всего были исключены из старой азбуки ставшие ненужными для передачи русской речи ранее применявшиеся буквы, как, например, греческие «омега», «пси», «кси», а также связанная буква «от», малый и большой «юсы». Кроме того, для звука, передаваемого через «ИА», было введено начертание буквы «Я», которая уже применялась в московском письме конца XVII века; вводится также обратное «Э». Вместо буквенного обозначения чисел, затруднявшего арифметические действия, были введены арабские цифры.

Гражданская азбука была создана на основе нового, округленного почерка московского письма конца XVII — начала XVIII века и латинского шрифта «антиква».

Создание гражданского шрифта составило эпоху в развитии русской культуры. Благодаря реформе шрифт стал гораздо проще, доступнее широким кругам населения.

Введение русской гражданской азбуки прокладывало пути широкому развитию литературы и помогло созданию на народной основе русского литературного языка.

Гражданский шрифт явился вместе с тем дальнейшим развитием системы славяно-русского письма «кириллицы», буквенный состав которой (в отличие от состава букв, например, латинского алфавита) лучшим образом соответствовал звуковому составу русского языка.

До последнего времени нам было известно, что первые гражданские книги, согласно указу Петра I, набирались в 1708 году литерными, изготовленными в Амстердаме. Известно было также, что изготовление литер нового шрифта производилось одновременно и в Москве, на Печатном дворе, словолитцами Михаилом Ефремовым, Григорием Александровым и Василием Петровым.

Однако до последнего времени мы не знали художника, вернее, рисовальщика азбуки, недостаточно ясно был ассортимент шрифтов, который применялся в гражданской печати.

Как нам удалось установить, оригиналы рисунков букв делал «чертежник и рисовальщик» Куленбах, работавший в штабе

ДАРЕННЫЙ КОНЬ

Зденек ИРотка

Добрый вечер! Надеюсь, вы не будете смеяться над моей шубой. Привез я ее из России. При-знаю, что она не слишком-то элегантна, так как сшита была для человека, примерно в два раза более крупного, чем я. Но внутри она подшита мехом, и в ней тепло, а именно об этом и думала бабушка Колякина, когда мне ее презентовала. Бабушка Колякина — это очень милая старушка из одного колхоза. Вам бы она наверняка тоже понравилась.

Приняла она меня, как родного сына, угостила и много мне про всякое рассказывала. Только я очень плохо знаю русский язык, поэтому в основном отвечал ей так: «Да, да», «Хорошо».

Я прекрасно выспался, и утром за мной должна была заехать машина. Ночью ударил сильный мороз, и за завтраком бабушка Колякина заботливо разглядывала меня. Она пожимала плечами при виде моего легкого пальто, смотрела на замерзшие окна и говорила примерно так: «Голубчик ты мой бедный, глупая твоя головешка, в таком пальтишке лезешь на наш русский мороз. Чтобы тебе не промерзнуть до

костей в этом автомобиле, нужно иметь хотя бы волчью шубу».

Потом она встала из-за стола и принесла этот великанский тулуп. Возьми его, мол, он остался от Иванушки.

— Как это остался? — спрашиваю я. — Он из него вырос или что?

— Да, да, вырос. Теперь он стал взрослым парнем и учится в университете в Ленинграде.

Надел я эту шубу, а бабушка Колякина незаметно отвернулась, чтобы я не видел, как она смеется. И тот шофер, который меня потом вез, тоже посмеивался. Он поглядывал на меня одним глазом и, когда мы уже проехали около полчаса, сказал:

— Слушайте, это пальто вам не подходит.

Я не знал, что такое «не подходит», но нетрудно было догадаться, что шуба ему не нравится.

В ту минуту я переоценил свои знания в русском языке и попытался ему объяснить, что есть у нас пословица: «Дареному коню в зубы не смотрят». И надо вам сказать, это было ужасно. Во-первых, я не мог вспомнить, как сказать по-русски «конь», и про-

шло много времени, прежде чем я вспомнил, что это «лошадь». Потом мне не хватало слова «даренный», и поэтому я решил объяснить ему это наглядно.

— Вот представьте себе, — сказал я, — что у меня есть лошадь. — У вас есть своя лошадь? — спросил шофер.

— Да. И я ее возьму и дарю вам.

— Да что вы! Зачем же это? Что я с ней буду делать?

И шофер чуть было не заехал в сугроб.

— Нет, — сказал я. — У меня нет лошади. Но если бы она, допустим, была, то я бы ее вам подарил.

— За что же это?

— Я пословицу вам говорю! — разъяснил я.

— Какую пословицу?

— Про лошадь. Я вам подарил лошадь, да? Так? А у нее есть пасть.

— Если нет лошади, так нет и пасти, — сказал шофер. И он был прав.

Но как ему объяснить, что я хочу сказать?

— Вы слушайте. Лошади нет, но она как будто бы есть, и у

нее есть пасть, и в ней... — Я хотел сказать «зубы», но забыл, как будут зубы по-русски. — У нее в пасти есть кости, — сказал я.

— Что она, мясом, что ли, питается? — спросил шофер и посмотрел на меня, как на сумасшедшего.

— Нет, — сказал я. — Когда я вам подарил лошадь, на эти кости в пасти нужно не смотреть.

— Как же не смотреть? Ежели у лошади будут во рту кости, она может подавиться.

— Слушайте! — закричал я. — На эти кости смотрят, чтобы узнать, сколько лет лошади.

— Это зубы, значит?

— Зубы, зубы! — закричал я, радуясь, что он начинает меня понимать. — Я дарю вам лошадь, а вы не смотрите на ее зубы.

— Чтобы не узнать, сколько ей лет? Она скрывает свой возраст, что ли?

— Да нет же! Это пословица про подаренного коня.

— «Дареному коню в зубы не смотрят»?

— Ну, конечно! Именно! Это я вам насчет моего тулупа.

Все стало ясно.

Всю дорогу мы хохотали, как сумасшедшие. Он смеялся тому, как медленно и долго разбирался в тех глупостях, которые я ему наговорил в связи с тулупом бабушки Колякиной, я же смеялся оттого, что радовался, как мне удалось объяснить иностранцу меткую чешскую пословицу. Но в конце концов он сказал такое, что я понял ненужность всего моего объяснения. Он посмотрел на меня одним глазом и совсем невинно сказал:

— Интересно. У нас тоже есть такая пословица: «Дареному коню в зубы не смотрят».

Перевела с чешского
Н. ЮРГАНОВА.

А. Д. Меншикова. В письме Петра I к А. Д. Меншикову от 19 апреля 1708 года имеется, между прочим, следующая приписка: «Прошу, против вложенных слов (то есть букв. — А. Ш.) вели написать Куленбаху всех трех рук (размеров. — А. Ш.) величины, наковы он писывал преж сего». В этом случае речь идет о заказе Куленбаху выполнить рисунки дополнительных букв азбуки. Как видно и из того же письма и из письма, датированного Петром 27 мая 1708 года, Куленбах разработывал и первые рисунки букв гражданской азбуки

ГЕОМЕТРИА СЛАВЕНСКИ СЕМЛЕМБРИЕ

Издается новопечатным писменем, пожеланьем благочестившаго великаго государя нашего царя, и великаго князя,

Петра Алексеевича,

Вся велика... и малая... и бывае росет самодержце, при благороднѣишемъ государѣ нашемъ царевичѣ и великомъ князѣ АЛЕКСИИ ПЕТРОВИЧѢ, въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ

Въ лето миротвора 7216. Онь рождество же по плоти бога слова 1708. Индикта первого. мѣсяца Марта.

Титульный лист первопечатной геометрии 1708 года.

А Б В Г Д Е Ж З И К Л М
Н О П Р С Т У Ф Х Ц Ч Ш Щ
Ъ Ы Ъ Ь Ю Я

Старославянский шрифт, которым набивались книги до создания гражданской азбуки. Обведенные квадратиками буквы исключены при реформе.

в начале 1707 года в местечке Жолкве, близ Львова (ныне город Нестеров).

В последнем письме, где в основном говорится о планах войны со шведами, Петр I указывает: «А в присланных от вас словах Куленбах ошибся, ибо надлежало б их таким маниром написать, наковы посланы, а оной написал таким маниром те ж слова, как я дал ему в Жолкве; и для того при сем вновь посылаю образцы словам, чтобы слово в слово сим маниром написал, а не те как я дал ему в Жолкве, только б величиною против жолковских всех трех рук».

Из приведенных выше писем Петра явствует, что Куленбах в создании гражданской азбуки был техническим исполнителем заданий Петра и что эскизы букв азбуки делал сам Петр. Во время печатания гражданских книг с 1708 по 1709 год проводилась лично Петром большая работа по корректуре рисунков и установлению буквенного состава гражданской азбуки, которая была утверждена и фактически введена Петром 29 января 1710 года.

Книги петровского времени набивались очень долго комбинированно: шрифтами, изготовленными в Амстердаме и в Москве, на Печатном дворе (возможно, в течение не только 10-х, но и 20-х и отчасти 30-х годов).

Интересен вопрос о названиях, которые получил новый шрифт при его возникновении. Кроме термина «гражданский тип», даже лично Петр называл его «амстердамским». Это название явно относится к шрифтам, которые были изготовлены в Амстердаме. Однако гражданская азбука иногда называлась «белорусской». Название «белорусская», надо думать, было вызвано тем, что дополнительные рисунки букв получались из штаба Меншикова, который находился в это время в Белоруссии (в частности, в Могилеве). Но самое важное и интересное заключается в том, что создатели гражданского шрифта еще в 1708 году при составлении учебной азбуки решили ее назвать не гражданской, не амстердамской, не белорусской, а рукописной. Азбука, как известно, имеет заглавие

Изображение древних и новых писмен славенских печатных и рукописных.

А а а а а а а а а а
Б б б б б б б б б б
В в в в в в в в в в
Г г г г г г г г г г
Д д д д д д д д д д
Е е е е е е е е е е
Ж ж ж ж ж ж ж ж ж ж
З з з з з з з з з з
И и и и и и и и и и
К к к к к к к к к к
Л л л л л л л л л л
М м м м м м м м м м
Н н н н н н н н н н
О о о о о о о о о о
П п п п п п п п п п
Р р р р р р р р р р
С с с с с с с с с с
Т т т т т т т т т т
У у у у у у у у у у
Ф ф ф ф ф ф ф ф ф ф
Х х х х х х х х х х
Ц ц ц ц ц ц ц ц ц ц
Ч ч ч ч ч ч ч ч ч ч
Ш ш ш ш ш ш ш ш ш ш
Щ щ щ щ щ щ щ щ щ щ
Ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ
Ы ы ы ы ы ы ы ы ы ы
Ь ь ь ь ь ь ь ь ь ь
Ю ю ю ю ю ю ю ю ю ю
Я я я я я я я я я я

Дано Монаху 1710.
Печатно в Москвѣ.

Первая страница гражданской азбуки с исправлениями Петра I.

«Изображение древних и новых писмен славенских печатных и рукописных». Под этим заглавием выходили очень долго все азбуки петровского и послепетровского времени. Заглавие, таким образом, приобретает исключительный интерес. Создатели гражданской азбуки по праву назвали ее рукописной, поскольку она создана на основе гражданского письма.

Приведенные факты доказывают самобытное происхождение нашей гражданской азбуки.

О ком речь?

Штефан САБО

Недавно в свободную минуту я написал сказочку о Красной Шапочке, которая собралась провести больную бабушку. В лесу она повстречала волка и все ему рассказала. Волк побежал, съел старую женщину, улегся в ее постель и обманул Красную Шапочку...

Словом, ничего выдающегося. Сказку напечатали в одном из журналов, без иллюстраций. Вы наверняка читали ее, и, конечно, нет человека, который бы ее не знал.

На следующий день после опубликования сказки меня обступили сослуживцы — Мучик, Трчка, Витамвас и Неезхлеба.

— Поздравляем! Колоссально! Ничего подобного ты еще никогда не писал!

Потом пододвинулись поближе к моему уху:

— Скажи, конечно, абсолютно конфиденциально, о ком там, собственно, речь?

Я не понял.

— Ну, на кого ты там... намекаешь?..

Я опять не понял. Сослуживцы шутили погрозили мне:

— Ты, однако, шалунишка, хе-хе-хе! Мы уже с самого утра гадаем, о ком же это ты все-таки написал. Ну, да ничего, все равно разберемся!..

И ушли все, кроме Мучика.

— Я знаю, о ком!

Удивленный, я взглянул на него.

— Не бойся, не разболтаю. Ты совершенно прав, ведь этот Трчка занимает должность, которая должна принадлежать мне!..

Прежде чем мне удалось что-нибудь возразить, вернулся Трчка.

— Пари держу, что догадался, о ком речь! Здорово ты его! Пусть товарищ Неезхлеба, хоть он и мой начальник, не воображает, что большие премии должны всегда доставаться ему!

Я молча выскочил в коридор. Там меня дожидался Неезхлеба.

— Ты молодец! Давно пора было написать об этом скряге Витамвасе. Ты знаешь, он отказался оплатить мою последнюю командировку в Татры! Я сразу же сказал, что это о нем. Хорош главный, сам готов все сожрать!..

Я убежал в буфет. Витамвас нашел меня и там.

— Ты думаешь, директор не догадается?

— О чем?

— Что ты описал именно его. Так ему и надо! Задастся, как павлин, а в голове пусто. Если б я не делал все за него...

Тут он притиснул меня к себе и фамильярно зашептал:

— Послушай, я тебе друг и желаю только добра. Давай, жми! Осторожней, но смелей!..

После обеда меня позвал к себе директор. Он, как обычно, восседал за грандиозным письменным

столом, окруженный телефонами и кнопками звонков и сигналов. Увидев меня, он весело вскочил со стула, обошел свой грандиозный стол и долго жал мне руку. Кажется, даже по плечу похлопал.

— Поздравляю, желаю... Давненько я не читал таких прекрасных вещей. Вы молодец...

— Очень рад, что вам понравилось, товарищ директор,— ответил я.

— Конечно, понравилось! Как вы его поддели, а? Сам черт бы не подгадал лучше...

— Кого? — перепугался я на сей раз уже не на шутку.

Директор шельмовски усмехнулся и понимающе подморгнул:

— Ладно, ладно, ведь я же не побегу ему рассказывать. Всем и так все ясно с первого взгляда.

— Товарищ директор, я вас очень прошу...

— Не бойтесь, дружок! Я слышал, что на этом месте он долго не удержится...

Как я выскочил от директора, не помню, но его последние слова крепко засели в моей памяти: «Пишите, пишите смелее. Считайте, что в этом месяце премиальные у вас в кармане».

Усталый и растерянный, я пошел домой. На лестнице столкнулся с соседкой со второго этажа.

— Очень рада вас видеть,— зашептала она сладчайшим голоском,— хочу поблагодарить от имени жильцов всего дома...

— Меня?

— Да, ведь с нашей дворничихой нет никакого сладу. Как вы ее прохватали!..

Жена ждала меня в дверях.

— Заведующую молочной сегодня словно подменили.

— Да?

— Я так и знала, что после твоей статьи...

— Какой статьи?..

— Ну, душенька, конечно, той, что ты написал о...

Я схватился за голову. «И ты, моя жена, Брут?»

На следующий день в одной из газет появилась короткая заметка: «Х. У. опубликовал в таком-то журнале смелую сатиру. Ясно, против чего она направлена, но невыясненным остается главное: с каких позиций и кого критикует автор?»

Этого я уже не мог выдержать. Я отправился в редакцию и потребовал поместить следующее опровержение:

«Как автор сказки «Красная Шапочка», клятвою заверяю, что сказка написана для детей и речь в ней идет лишь о Красной Шапочке, бабушке-старушке и сером волке».

С тех пор моя жена ходит в другую молочную. Соседи не отвечают на приветствия. Сослуживцы избегают.

Директор вызвал меня к себе.

— Я говорил о вас с вашими коллегами,— процедил он сквозь зубы ледяным тоном.— Мы считали вас человеком порядочным и честным. Но... людям свойственно заблуждаться.

На сей раз о премии не было сказано ни слова.

Перевела со словацкого В. ПЕТРОВА.

Рисунки В. Соловьева.

Неугомонный.

Соседи по квартире.

Без слов.

Зимой

и летом
одним цветом.

В. СОЛОВЬЕВ

«СПЕЦИАЛЬНОСТЬ» УЧИТЕЛЯ

Каждый выходной уходит в тайгу учитель села Катарбей Д. Доденков. Компанию ему составляют два верных четвероногих друга — Пират и Витязь. Доденкова не интересуют следы соболя, лосей, коз. Охотничья специальность учителя-физика — хищники. За пять лет он истребил в окрестностях села двух россомах, тринадцать рысей, трех кабанов и пятнадцать медведей.

Вот трофей учителя после одной охоты: семейство рысей. Четыре выстрела — и четыре убитых хищника. Неплохо для охотника-любителя!

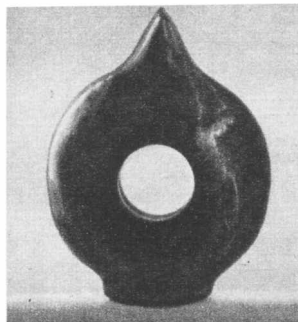
З. БОДРИН
Фото автора.

Нижнеудинск.

На вкладках этого номера четыре страницы акварелей В. С. Климашина и четыре страницы цветных фотографий.

Из почты «Огонька»

Знак власти

Древний каменный топор подарил мне пенсионер А. И. Мошков.

К Александру Ивановичу топор перешел по наследству от отца, нашедшего эту вещь в 1879 году при земляных работах в селе Парском, бывшей Костромской губернии.

Все эти годы находку принимали за искусно сделанное рыболовное грузило:

никто не знал, какую научную ценность имеет это каменное изделие.

Топор сделан из черного плотного камня с желтыми прожилками. Мастер, изготовлявший топор, искусно использовал прожилки для украшения вещи. Поверхность изделия получила мраморную расцветку. В центре сквозное круглое отверстие.

Для какой цели был изготовлен столь нарядный топор? На этот вопрос еще в 1914 году ответил известный русский археолог В. А. Городцов. Оказывается, столь причудливо разукрашенные топоры, сходные с булавой, принадлежали старейшинам племени.

И этот топор когда-то, около четырех тысяч лет тому назад, являлся знаком власти одного из вождей племени, был символом авторитета и прав.

С. ИЛЬИН,
научный сотрудник
Государственного музея
М. В. Фрунзе.

Шуя.

Три урожая в год

Кочан, который держит девушка, поспел в январе. В адлеровских колхозах капусту собирают два-три раза в год, и из молодой капусты здесь варят круглую зиму.

Адлер.

Б. ХРИСТИНИЧ

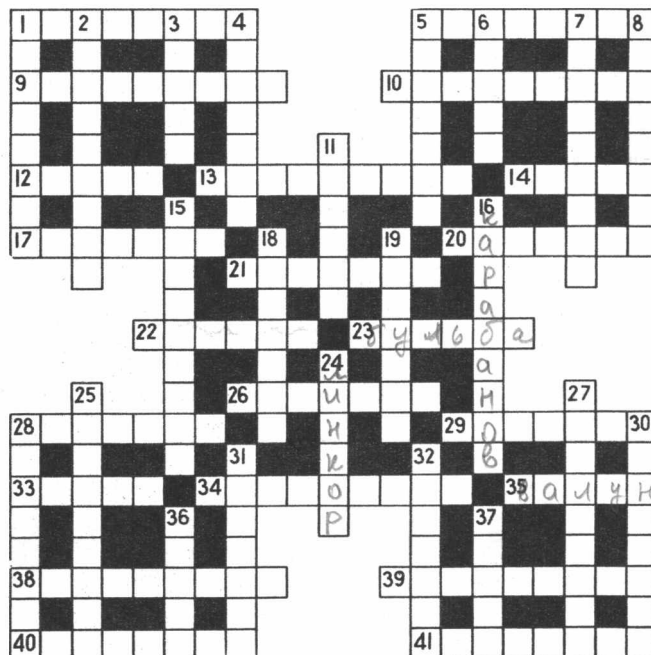

Досрочному выполнению пятилетнего плана посвящены три китайские марки, вышедшие в 1958 году. На марках, которые рассказывают об успехах в различных отраслях народного хозяйства, напечатано: «Перевыполнение первого пятилетнего плана. 1953—1957».

Шанхай.

ФАН ШАН-ТЮН

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Русский композитор XIX века. 5. Часть рыболовной снасти. 9. Город в Абхазской АССР. 10. Цветной узор, расцветка. 12. Персонаж комедии А. Н. Островского «Сердце не камень». 13. Обработанная кожа телянка. 14. Спортивный приз. 17. Аппарат для получения копий. 20. Итальянский ученый. 21. Химический элемент. 22. Сооружение над местом выхода источника. 23. Белорусская народная песня. 26. Военное звание. 28. Трехстрочная стихотворная форма. 29. Фотографическое изображение. 33. Обезьяна, обитающая в Центральной и Южной Америке. 34. Ягодный кустарник. 35. Окапанный обломок горных пород. 38. Официальная расписка. 39. Аппарат для прокола билетов. 40. Опера Д. Верди. 41. Свидетельство, документ.

По вертикали:

1. Прибор для измерения мощности тока. 2. Индийский музыкальный инструмент. 3. Сооружение на судах. 4. Плотная ткань. 5. Драгоценный металл. 6. Волокна лубяных растений. 7. Большая передняя. 8. Русский живописец XIX века. 11. Роман Б. Пруса. 15. Основное население союзной республики. 16. Действующее лицо в «Педагогической поэме» А. Макаренки. 18. Спортивный коллектив. 19. Птица тропических стран. 24. Военный корабль. 25. Ткань растений. 27. Известковые образования в пещерах. 28. Вертушка при входе. 30. Холодное кушанье. 31. Оценка, разбор, обсуждение. 32. Продукт обработки целлюлозы. 36. Спортивное состязание. 37. Чехол на двигателях.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали:

4. Анапа. 9. Драгоман. 10. Вершинин. 11. Агами. 12. Гарант. 13. Куколь. 14. Данко. 17. Бальзак. 20. Антенна. 23. Афоризм. 24. Донбасс. 25. Монитор. 26. Столица. 27. Наталка. 30. Награда. 33. Тайга. 35. Глагол. 37. Арагон. 39. Рычаг. 40. Стотинка. 41. Осиленко. 42. Ньюанс.

По вертикали:

1. Армата. 2. Игла. 3. Иматра. 4. Ананд. 5. Авизо. 6. Дракон. 7. Диск. 8. Биплан. 15. Апокопа. 16. Клиринг. 17. Видон. 18. Люнет. 19. Касса. 20. Амман. 21. Нитка. 22. Аорта. 28. «Аэлита». 29. Калина. 31. Анализ. 32. Джонка. 33. Таран. 34. Аргос. 36. Гёте. 38. Алей.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00988. Подписано к печати 26/III 1958 г. Формат бум. 70×108%. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 400 000. Изд. № 261. Заказ № 724.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Несмотря на метель...
Фотоэтюд В. Яковлева.

Цена номера 3 руб.

